

CARLOS RUIZ ZAFON

MARINA

La historia inolvidable
que precedió a La Sombra del Viento

Annotation

Много лет назад пятнадцатилетний Оскар Драй покинул родной город, смутно веря, что достаточно уехать прочь, и тени и голоса прошлого оставят его навсегда. Теперь он возвратился в Барселону, чтобы взглянуть в лицо жутким призракам былого и вернуть утраченное. Ведь кладбищенское приключение, отметившее его юность, ужас и окружающее безумие не помешали, как ни странно, прекрасной истории любви... Перевод опубликован на <http://vk.com/carlosruizzafon>

- [Карлос Руис Сафон](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
 - [Глава одиннадцатая](#)
 - [Глава двенадцатая](#)
 - [Глава тринадцатая](#)
 - [Глава четырнадцатая](#)
 - [Глава пятнадцатая](#)
 - [Глава шестнадцатая](#)
 - [Глава семнадцатая](#)
 - [Глава восемнадцатая](#)
 - [Глава девятнадцатая](#)
 - [Глава двадцатая](#)
 - [Глава двадцать первая](#)
 - [Глава двадцать вторая](#)
 - [Глава двадцать третья](#)
 - [Глава двадцать четвертая](#)
 - [Глава двадцать пятая](#)

- [Глава двадцать шестая](#)
 - [Глава двадцать седьмая](#)
 - [Глава двадцать восьмая](#)
 - [Эпилог](#)
-

Карлос Руис Сафон

Марина

роман

Однажды Марина сказала мне, что мы помним только то, чего никогда не было.

Лишь спустя много лет я понял эти слова.

Но лучше я начну рассказывать с начала, которое в данном случае было концом.

В мае 1980 я исчез на неделю. На протяжении семи дней и семи ночей никто не знал, где я. Друзья, товарищи, преподаватели и даже полицейские бросились на поиски беглеца, которого некоторые считали погибшим или затерявшимся в приступе амнезии среди уличек с сомнительной репутацией.

Неделю спустя полицейский в штатском вроде бы узнал в одном из прохожих объявленного в розыск юношу; он подходил под описание внешности пропавшего. Предполагаемый беглец бродил по Французскому вокзалу как заблудшая душа в соборе, окруженном железной решеткой и завесой тумана. Полицейский подошел ко мне с видом героя детективного романа. Он спросил, я ли Оскар Драй — юноша, бесследно пропавший из интерната, в котором учился. Я кивнул. В стеклах его очков отражался свод вокзала.

Мы сели на скамью перрона. Полицейский спокойно зажег сигарету, но не подносил ее к губам.

Он сказал, что многие меня ждут и готовятся завалить вопросами, так что стоит придумать хорошие ответы. Я снова кивнул. Он внимательно посмотрел мне в глаза. «Оскар, иногда сказать правду — не лучший выход», — сказал он. Он протянул мне несколько монет и попросил позвонить моему преподавателю из интерната. Я так и сделал. Полицейский подождал, пока я закончу разговор. Потом он дал мне денег на такси и пожелал удачи. Я спросил, откуда он знал, что я не потеряюсь снова. Он пристально на меня посмотрел. «Теряются только те, кому есть, куда идти», — просто ответил он.

Он проводил меня до дороги и попрощался, так и не спросив, где я

был, и пошел прочь по бульвару Колумба. За ним, словно преданный пес, следовал шлейф дыма от нетронутой сигареты.

В тот день призрак Гауди высекал в небе Барселоны облака невообразимой формы на фоне яркой бирюзы, от которой слепило глаза. Я взял такси до интерната, где меня скорее всего ожидала мучительная казнь.

На протяжении четырех недель школьные преподаватели и психологи терзали меня в попытках раскрыть мою тайну. Я их обманывал и рассказывал каждому то, что он хотел услышать или мог принять. Со временем им надоело изоцеряться в выдумках и все предпочли забыть этот эпизод. Я последовал их примеру, так никому и не рассказав, что произошло в действительности. Тогда я не знал, что океан времени рано или поздно выбрасывает на берег сознания воспоминания, которые мы в нем топим.

Пятнадцать лет спустя ко мне вернулось воспоминание о том дне. И я увидел юношу, который блуждает в тумане Французского вокзала. И имя Марины пронзило сознание как боль от свежей раны.

У каждого из нас на чердаке души под замком хранится секрет. Вот это мой.

Глава первая

В конце семидесятых Барселона была лабиринтом призрачных улиц и переулков, где стоило только переступить порог какого-нибудь подъезда или кафе, и вы возвращались в прошлое на тридцать, а то и сорок лет назад. Время и воспоминания, история и вымысел сливались в этом волшебном городе как акварели под дождем. Именно здесь улицы, которых больше нет, сказочные соборы и жилые здания стали декорациями к этой истории.

В то время я был пятнадцатилетним юношей, томившимся в стенах интерната, названного в честь одного святого, в конце шоссе Вайвидрера. Тогда район Саррья напоминал деревню, примостившуюся на берегу большого современного города. Мое учебное заведение располагалось в начале улицы, которая шла до проспекта Бонанова. Его монументальный фасад напоминал скорее замок, чем школу. Угловатое здание глинистого цвета пестрело в тумане башенками, арками и крышами.

Интернат был целой цитаделью с садами, фонтанами, прудами, двориками и даже сосновым бором. Вокруг располагались мрачные здания с бассейнами, над которыми клубился призрачный пар, спортивные залы, утопающие в тишине, и затемненные капища, где изображения святых улыбались в отблесках свечей. В интернате было четыре этажа, не считая двух подвальных, и затворнический чердак, где жили те немногие священники, которые тут еще преподавали. Комнаты учеников располагались в коридорах, похожих на пещеру, на четвертом этаже. Эти бесконечные галереи лежали в вечном полумраке, где часто слышалось обманчивое эхо.

День за днем я спал наяву в аудиториях этого огромного замка, томясь в ожидании свободы, которую нам даровали каждый день в двадцать минут шестого. В этот волшебный час солнце наряжало окна в жидкое золото, звенел звонок, возвещавший окончание занятий, и ученики получали почти три часа свободы перед ужином, проходившим в большой столовой. По мысли преподавателей, в это время воспитанники интерната должны были учиться и размышлять о духовности. Однако я не припомню, чтобы хоть один мой день в интернате был посвящен этим благородным занятиям.

Это был мой любимый момент дня. Проскользнув мимо привратника, я отправлялся исследовать город и возвращался назад точно к началу ужина, пробираясь в сгущающихся сумерках по старым улочкам и

бульварам. Эти длительные прогулки приносили мне пьянящее чувство свободы. Мое воображение взмывало над крышами домов и устремлялось в небо. На несколько часов улицы Барселоны, интернат и моя мрачная комната на четвертом этаже переставали существовать. На несколько часов, имея всего несколько монет в кармане, я становился самым богатым человеком во вселенной.

Довольно часто мой маршрут пролегал через так называемую пустынью Саррыи — глухой лес, затерявшийся на бесхозной земле. Большая часть старинных заброшенных особняков дворянства, которое в свое время населяло северную часть проспекта Бонанова, сохранилась. Улицы вокруг интерната очерчивали границы этого района призраков. Стены, увитые плющом, закрывали доступ в дикие сады, где возвышались величественные дома. Эти дворцы пребывали в запустении, обрастая сорняками, и воспоминания витали в их воздухе, словно туман, который никак не рассеивался. Одни виллы лежали в руинах, другие давно были разграблены. В некоторых, конечно, до сих пор жили люди.

Как правило, это были забытые отпрыски разорившихся фамилий — люди, имена которых фигурировали на страницах «Вангардии» в те времена, когда трамваи еще были революционным изобретением. Заложники своего мертвого прошлого, они отказывались покинуть этот потерпевший крушение корабль. Пленники, томившиеся в свете канделябров. Порой, проходя быстрым шагом мимо ржавых решеток их домов, я чувствовал на себе их опасливые взгляды из-за опущенных занавесок.

Однажды вечером, в конце сентября 1979 года, я решил прогуляться по одной из этих сумрачных улиц с дворцами, за которыми уже давно не следили. После поворота я уперся в типичную для этого района железную ограду. За ней располагался сад, заброшенный не один десяток лет назад. Посреди сада возвышался силуэт двухэтажного особняка. Перед мрачным фасадом стоял фонтан со скульптурами, которые время нарядило в одежду из мха.

Начинало темнеть, и один угол сада казался особенно зловещим. Я стоял в мертвой тишине, и только легкий ветерок без слов нашептывал мне предостережения. Я понял, что попал в одну из «мертвых» зон квартала и решил, что лучше мне вернуться в интернат. Здравый смысл боролся во мне с болезненным интересом к этому покинутому месту, как вдруг я увидел в полумраке сада два блестящих желтых глаза, впившихся в меня, словно клыки. Я сглотнул.

Серая бархатистая шкура кота виднелась на фоне железной ограды. В

клыках он держал бьющегося в предсмертной агонии маленького воробья. На шее кота висел серебряный колокольчик. Животное на несколько секунд задержало взгляд на мне, после чего развернулось и проскользнуло между металлическими прутьями решетки, исчезнув в глубине этого проклятого рая и унося воробья в его последнее путешествие.

Надменный, высокомерный маленький хищник очаровал меня. Судя по блестящей шерсти и колокольчику, хозяин у него был. Возможно, в этом здании обитали не только призраки более не существующей Барселоны. Я подошел ближе и положил руки на холодные металлические прутья калитки. Сумеречный свет падал на капли крови воробья, цепочкой тянувшиеся через весь дикий сад. Алые жемчужины указывали маршрут кота в этом лабиринте. Я снова сглотнул. Точнее, попытался. Во рту пересохло. Кровь бешено застучала в висках, будто бы зная что-то, на что я не обращал внимания. Я почувствовал, как калитка поддалась под моим нажимом: она была открыта.

Когда я вошел внутрь, луна освещала бледные лица каменных ангелов на фонтане. Я как завороженный смотрел на них. Ноги приросли к земле. Казалось, эти существа вот-вот сойдут с пьедесталов и превратятся в демонов с волчьими когтями и змеиными языками. Но ничего подобного не произошло. Я глубоко вздохнул, пытаясь унять разыгравшееся воображение и прекратить свои попытки исследовать чужую собственность. И снова кто-то другой принял решение за меня. Вдруг лунная трель разлилась по тенистому саду, словно аромат духов. Послышались переливы оперной арии под аккомпанемент фортепиано. То играл граммофон. Я никогда в жизни не слышал такого прекрасного голоса.

Мелодия показалась мне смутно знакомой, но вспомнить ее я не смог. Музыка раздавалась из особняка. Я последовал ее гипнотическому зову. Лучи неяркого света струились через полуоткрытую дверь стеклянной галереи. Я увидел глаза кота, который пристально глядел на меня, сидя на подоконнике на первом этаже, и подошел к галерее, откуда доносились эти неописуемые звуки. Голос был женский. Внутри мерцало не меньше сотни свечей. Их сияние освещало золоченую трубу старинного граммофона, в котором проигрывалась пластинка. Не отдавая себе отчета в действиях, я внезапно двинулся в глубь галереи, плененный этой сиреной из граммофона. На столе, где он стоял, я увидел блестящий предмет круглой формы. Это были карманные часы. Я взял их и стал внимательно изучать при свете свечей. Стрелки не двигались, а циферблат был поврежден. Мне показалось, что часы сделаны из золота, а лет им не меньше, чем дому, в котором я их нашел. Чуть дальше стояло спинкой ко мне большое кресло,

развернутое к камину, над которым висел написанный маслом портрет женщины в белом.

Взгляд ее больших серых глаз, печальных и бездонных, охватывал весь зал.

Вдруг чары развеялись. С кресла поднялся силуэт и повернулся ко мне. Массивная белая шевелюра и глаза, похожие на угли, блестели в полумраке. Я увидел две огромные белые руки, протянутые ко мне, запаниковал и бросился к двери, задев по дороге граммофон и уронив его на пол. Было слышно, как игла царапает поверхность пластинки. Лунный голос сменился адским стоном. Я ринулся в сад, чувствуя, как эти руки хватают меня за одежду, и со всех ног понесся к выходу, до смерти напуганный. Не теряя ни секунды, я бежал и бежал без оглядки, пока меня не остановила колющая боль в боку: я едва мог дышать. К тому моменту меня уже покрывал холодный пот, а в тридцати метрах блестели огни интерната.

Я проскользнул через вход рядом с кухней, за которым никогда не следили, и прокрался в свою комнату. Остальные воспитанники совсем скоро должны были собраться в столовой на ужин. Я вытер со лба пот, и сердце постепенно вошло в привычный ритм работы. Ко мне почти вернулся покой, когда кто-то постучал в дверь комнаты костяшками пальцев.

— Оскар, пора ужинать, — из-за двери раздался голос одного преподавателя — рассудительного иезуита по имени Сеги, который очень не любил напоминать воспитанникам о заведенных порядках.

— Сию минуту, падре, — ответил я. — Секундочку.

Я быстро надел форменный пиджак и выключил свет в комнате. За окном висел лунный диск, освещавший Барселону. Только в этот момент я понял, что все еще держу в руке золотые часы.

Глава вторая

В последующие дни мы со злосчастными часами стали неразлучны. Я везде носил их с собой, даже клал под подушку на ночь, опасаясь, что кто-то их увидит и спросит, где я их нашел. Мне нечего было ответить. «Это потому что ты их не нашел, а украл», — обвинял меня внутренний голос. — «Юридический термин — «незаконное вторжение и кража», — продолжал он. По странному совпадению тембр очень напоминал голос актера, который дублировал Перри Мейсона.

Каждую ночь я терпеливо дожидался, пока заснут мои товарищи, и принимался изучать мое сокровище.

В тишине ночи я рассматривал часы при свете лампы. Никакое чувство вины не могло умалить восхищения, охватывавшего меня при виде первого трофея на ниве «неорганизованной преступности». Часы были тяжелыми и, казалось, отлитыми из чистого золота. Стеклянный циферблат был расколот — скорее всего, в результате удара или падения. Вероятно, тогда же сломался и механизм: стрелки навсегда остановились на шести двадцати трех.

На обратной стороне часов была надпись:

Герману, в котором говорит свет.

Мне пришло в голову, что часы, должно быть, стоят уйму денег, и угрызения совести моментально вернулись. А при взгляде на выгравированные слова, я почувствовал себя еще и вором воспоминаний.

В дождливый четверг я решил поделиться своим секретом. Моим лучшим другом в интернате был паренек с пронизывающим взглядом и нервическим темпераментом, который настаивал, чтобы его называли «Шеф», хотя эта кличка не имела ничего общего с его настоящим именем. У него была душа поэта-анархиста и такой острый ум, что он мог укоротить язык любому. Он был очень худ и если слышал слово «микроб» в радиусе километра, тут же думал, что подхватил инфекцию.

Однажды я нашел в энциклопедии слово «ипохондрик» и принес Шефу копию.

— Ты, наверное, не знаешь, но твоя биография есть в Словаре королевской академии, — заявил я ему.

Он посмотрел на копию и бросил на меня испепеляющий взгляд.

— А ты открай «идиот» на «И». Увидишь, что из нас двоих я не единственная знаменитость.

В тот день во время послеобеденного отдыха мы с Шефом проскользнули в темный актовый зал. Наши шаги будили в главном коридоре сотни теней, кравшихся за нами на цыпочках. Два луча света падали на пыльную сцену. Мы сели в этом освещенном пространстве напротив пустых кресел, которые оставались в полумраке. Дождь тихо барабанил по стеклам первого этажа.

— Ну, — поторопил Шеф. — К чему вся таинственность?

Не говоря ни слова, я вытащил часы и протянул их другу. Шеф удивленно поднял брови и осмотрел предмет. Он изучал часы несколько секунд, после чего вернул их мне, бросив на меня любопытный взгляд.

— Что думаешь? — спросил я.

— Думаю, что это часы, — ответил Шеф. — А кто такой этот Герман?

— Не имею ни малейшего представления.

Я начал подробно рассказывать о своем недавнем приключении в заброшенном особняке. Шеф сосредоточенно слушал мой рассказ о событиях с почти научным вниманием и терпением, которые были для него так характерны. Когда я закончил, он, казалось, какое-то время взвешивал услышанное, прежде чем выразить свое мнение.

— Значит, ты их украл, — подытожил он.

— Вопрос не в этом, — возразил я.

— Я думаю, у Германа другое мнение на этот счет, — справедливо заметил Шеф.

— Может, он уже давно умер, — неуверенно предположил я.

Шеф потер подбородок.

— Мне интересно, что говорится в уголовном кодексе по поводу преднамеренной кражи личного имущества и часов с дарственными надписями... — возразил мой друг.

— Не было у меня никакого намерения, — запротестовал я. — все произошло слишком быстро, я не успел сообразить. Когда я увидел, что часы еще у меня, было уже поздно. На моем месте ты бы сделал то же самое.

— На твоем месте я бы скончался от сердечного приступа, — уточнил Шеф, который был человеком слова, а не дела. Ты с ума спятил — вломиться в чужой дом в погоне за демонической кошкой. Представь, каких бацилл ты мог подцепить от этой твари.

Мы какое-то время молчали, прислушиваясь к отдаленному эху дождя.

— Ну ладно, — сказал Шеф. — Что сделано, то сделано. Ты же не собираешься туда возвращаться?

Я улыбнулся.

— Один — нет.

Глаза моего друга чуть не выскочили из орбит.

— Ну уж нет! И думать забудь!

В этот же вечер после окончания занятий мы с Шефом выскользнули через кухню и пошли по таинственной улочке, которая вела к особняку. На мощеной брусчаткой дороге были лужи и опавшая листва. Небо угрожающе нависало надо городом. Шеф, которому явно было не по себе, побледнел больше обычного. Когда я вновь увидел это затерявшееся в прошлом место, мой желудок сжался до размеров горошины. Тишина была оглушительной.

— Думаю, нам лучше развернуться и пойти прочь отсюда, — сказал мой друг, замедляя шаги.

— Ты трусливее зайца.

— Зайцев недооценивают. Они занимают важное место в цепочке питания.

Вдруг ветер донес до нас звон колокольчика. Шеф потерял дар речи. За нами пристально наблюдали желтые глаза кота. Внезапно он зашипел как змея и высунул когти. Шерсть на загривке встала дыбом. Кот ощерился, обнажив клыки, которые за несколько дней до этого оборвали жизнь воробья. Отдаленная вспышка молнии прочертила контур кратера на небесном своде. Мы с Шефом посмотрели друг на друга.

Пятнадцать минут спустя мы уже были на территории интерната и сидели на скамейке у пруда возле церкви. Часы были в кармане моей куртки. Тяжелые как никогда.

Я не покидал пределов школы до конца недели. В субботу на рассвете я проснулся оттого, что мне снился голос из граммофона. За окном Барселона одевалась в алые одежды рассвета, освещавшего лес антенн и плоских крыш. Я встал с кровати и взял злосчастные часы, вокруг которых вертелись все мои мысли на протяжении последних дней. Мы с ними посмотрели друг на друга. Наконец я пришел к выводу, что мы сомневаемся, только когда сталкиваемся с абсурдными ситуациями. Пора покончить с этой нелепицей и вернуть часы.

Я тихо оделся и на цыпочках пошел по темному коридору четвертого этажа. Никто не заметит моего отсутствия до десяти, а то и одиннадцати утра. К тому времени я уже вернусь.

Снаружи улицы лежали под покрывалом алого тумана, который часто спускается на Барселону во время рассвета. Я прошел до улицы Маргенат. Вокруг меня постепенно пробуждалась Саррья. Блеклые тени окутывали район, ловивший первые лучи и вплетавший их в свой золотой нимб. Фасады домов проглядывали сквозь завесу тумана и пожухлой листвы, которую ветер нес в неизвестном направлении.

Вскоре я нашел нужную улицу. Я немного постоял неподвижно, впитывая в себя окружающую тишину и умиротворение, царившие в этой потерянной части города, и почувствовал, что мир останавливается, как те часы, что лежали у меня в кармане, и вдруг услышал за спиной какой-то звук. Я обернулся, и моим глазам предстало зрелище, которое надолго лишило меня сна.

Глава третья

Из плотной пелены тумана медленно выехал велосипед. Девушка в белом платье ехала по направлению ко мне. В призрачном свете раннего утра я различал под тканью силуэт ее тела. Пышная шевелюра соломенного цвета развевалась вокруг ее лица. Я стоял неподвижно и смотрел, как она ко мне приближается. Со стороны я выглядел, как имбецил в приступе паралича. Велосипед остановился в паре метров от меня. Я увидел, а может, вообразил, контур стройных ног под платьем, напоминавшим картины Сорольи. Она слезла с велосипеда. Я поднял взгляд и посмотрел в серые глаза — такие глубокие, что в них можно было утонуть. Она пригвоздила меня к земле насмешливым взглядом. Я улыбнулся, и мнение обо мне как об идиоте утвердилось окончательно.

— Ты, наверное, насчет часов, — сказала девушка тоном, таким же уверенным как ее взгляд.

Я подумал, что она, должно быть, моя ровесница, может, на год младше. Определять возраст женщин всегда казалось мне наукой или искусством, но никак не развлечением. Ее кожа была такой же белой как платье.

— Ты здесь живешь? — пробормотал я, показывая на особняк.

Девушка моргнула. Ее глаза так яростно сверлили меня, что лишь спустя часа два я осознал, что это самое ослепительное создание, которое я когда-либо видел или еще увижу. И точка.

— А кто ты такой, чтобы спрашивать?

— Полагаю, тот, кто пришел насчет часов, — выкрутился я. — Меня зовут Оскар. Оскар Драй. Я пришел, чтобы вернуть их, — не дожидаясь ответа, я достал часы из кармана и протянул их ей.

Девушка несколько секунд смотрела мне в глаза, потом взяла часы. Я заметил, что ее рука белая как у фарфоровой куклы, а на безымянном пальце блестит золотое кольцо.

— Они были уже сломаны, когда я их взял, — объяснил я.

— Они пятнадцать лет как сломаны, — пробормотала девушка, не взглянув на меня.

Когда она, наконец, подняла глаза, то смерила меня взглядом, как будто оценивала антикварную мебель или утварь. Что-то в ее выражении лица подсказывало, что она не причисляла меня к категории воров; скорее, я

приравнивался к группе кретинов или неотесанных дураков. Мое сияющее лицо явно не могло улучшить ее мнение. Девушка подняла бровь, загадочно улыбнулась и протянула мне часы.

— Вернешь часы их хозяину, а не мне.

— Но...

— Часы не мои, — пояснила девушка. — Они принадлежат Герману.

При упоминании этого имени я подумал об огромном силуэте с белой шевелюрой, который несколько дней назад так напугал меня на галерее особняка.

— Герману?

— Моему отцу.

— А ты?...

— Его дочь.

— Я хотел спросить «Как тебя зовут?».

— Я прекрасно знаю, что ты хотел спросить, — ответила девушка.

Ничего больше не сказав, она снова уселась на велосипед и проехала через калитку на территорию сада. Она насмешливо взглянула на меня и скрылась в глубине сада. Я вздохнул и последовал за ней.

Меня приветствовал старый знакомый. Кот наблюдал за мной со своей обыкновенной презрительностью. Мне вдруг захотелось превратиться в добермана.

В сопровождении маленького хищника мы пересекли сад, пробравшись по зарослям до фонтана с ангелами. Девушка оставила там велосипед и взяла из корзины на руле сумку. Запахло свежим хлебом. Она достала из сумки бутылку молока и присела на корточки, наполняя стоявшую на земле пиалу. Животное степенно прошествовало к пиале с завтраком. Видимо, это был ежедневный ритуал.

— А я думал, твой кот питается только невинно убиенными воробьями, — сказал я.

— Он на них охотится, но не ест. Просто охраняет свою территорию, — объяснила она мне, как малому ребенку. — На самом деле, больше всего он любит молоко. Правда же, Кафка?

Кафкианский кот потерся о ее пальцы в знак согласия. Девушка ласково улыбнулась и погладила его по спине. Когда она протянула руку, под складками платья обозначились мышцы. Она подняла взгляд и увидела,

как я за ней наблюдал. Я облизнул губы.

— А ты завтракал? — спросила она.

Я помотал головой.

— Значит, голодный. Пойдем, глупенький, позавтракаешь у нас. Будешь с полным желудком объяснять Герману, почему украл его часы.

Кухня располагалась в большом помещении в задней части дома. На незапланированный завтрак я получил круассаны из булочной «Фокс» на Плаза-Саррья. Девушка налила мне огромную чашку кофе с молоком и уселась напротив, пока я уплетал вкуснятину. Она наблюдала за мной, как за голодным нищим, которого приютила, — со смесью любопытства, жалости и недоверия. Сама она не ела.

— Я тебя здесь видела, — сказала девушка, глядя поверх моей головы. — Ты гуляешь с таким маленьким испуганным паренъком. Потом вы еще ходите по соседней улице, когда выскальзываете из интерната. Иногда ты приходишь один, напевая что-то себе под нос. В общем, вы неплохо развлекаетесь в этом тюремном квартале...

Я было собирался придумать остроумный ответ, как вдруг по столу растеклась огромная тень, похожая на чернильную тучу. Хозяйка дома подняла глаза и улыбнулась. Я остался сидеть неподвижно с набитым ртом и зашкаливающим пульсом.

— У нас гость, — объявила она весело. — Папа, это Оскар Драй, вор часов собственной персоной. Оскар, это Герман, мой отец.

Я проглотил кусок круассана и медленно обернулся. Передо мной возник силуэт, который показался огромным. На нем был шерстяной костюм, жилетка и галстук. Аккуратно зачесанная назад белая шевелюра ниспадала на плечи. На словно высеченном из мрамора лице были седые усы и темные печальные глаза.

Но что действительно его отличало, так это руки. Белоснежные руки ангела с длинными изящными пальцами. Герман.

— Я не вор, сеньор... — нервно сказал я. — Я могу все объяснить. Я решил проникнуть в ваш дом только потому, что решил, что в нем никто не живет. А когда вошел во двор, услышал эту музыку и, так уж получилось, увидел часы. Я не хотел их брать, честное слово, но очень испугался, а когда понял, что часы еще у меня, был уже далеко. Как-то так. Не знаю, смог ли я объясниться...

Девушка злорадно улыбнулась. Герман смотрел на меня темными непроницаемыми глазами. Я пошарил в кармане и протянул ему часы, мысленно представляя, как этот человек будет на меня кричать, угрожать

полицией, армией и судом по делам несовершеннолетних.

— Я вам верю, — сказал он дружелюбно, взял у меня часы и сел с нами за стол.

У него был тихий, едва слышный голос. Дочь поставила перед ним тарелку с двумя круассанами и такую же чашку кофе с молоком, как у меня. Сделав это, она поцеловала его в лоб, а Герман ее обнял. Я наблюдал за ними в ярких отсветах струившихся через окна лучей. Лицо Германа, которое мне до сих пор представлялось невообразимо уродливым, оказалось тонким, почти болезненным. Он был высоким и необыкновенно худым. Он дружелюбно мне улыбнулся, поднося чашку к губам, и в этот момент я заметил, что между отцом и дочерью существовала привязанность, которая была превыше слов и жестов. В этом доме теней в конце забытой улицы их, отрезанных от мира, объединяла паутина взглядов и молчания.

Герман закончил завтракать и сердечно поблагодарил меня за то, что я взял на себя труд вернуть часы. Он был так любезен, что мне стало совсем совестно.

— Ну что ж, Оскар, — сказал он устало, — было приятно с вами познакомиться. Очень надеюсь вас снова увидеть в любое время, когда вам захочется навестить нас.

Я не понимал, почему Герман называл меня на «вы». В нем было что-то из иной эпохи, из тех времен, когда его шевелюра еще не поседела, а особняк был дворцом где-то между Сарпьеи и небесами. Он протянул мне руку, попрощался и, слегка прихрамывая, исчез в бесконечном лабиринте дома. Его дочь наблюдала за удалявшейся фигурой с дымкой печали во взгляде.

— У Германа неважно со здоровьем, — пробормотала девушка. — Он быстро устает.

Но через секунду от ее меланхоличной задумчивости не осталось и следа.

— Хочешь съесть еще чего-нибудь?

— Нет, я уже опаздываю, — ответил я, борясь с искушением остаться в ее компании под любым предлогом. — Думаю, мне пора.

Она не стала возражать и проводила меня в сад. Утренний свет рассеял туман.

Начало осени окрасило деревья медью. Мы прошли до ограды; Кафка мурлыкал на солнышке. Когда мы подошли к калитке, девушка осталась внутри и уступила мне дорогу. Мы молча посмотрели друг на друга. Она протянула руку, и я ее пожал. Пульс легко прощупывался под бархатистой кожей.

— Спасибо за все, — сказал я. — И извини за...

— Не важно.

Я пожал плечами.

— Хорошо...

Я уже вышел на улицу, чувствуя, что чары этого дома развеиваются с каждым моим шагом, как вдруг услышал за спиной ее голос.

— Оскар!

Я обернулся. Она прошла за мной вдоль решетки. Кафка лежал у ее ног.

— Зачем ты приходил к нашему дому вечером?

Я посмотрел по сторонам, как будто ответ был написан на тротуаре.

— Не знаю, — признался я, наконец. — Таинственность, наверное, привлекла.

Девушка загадочно улыбнулась.

— Тебе нравятся тайны?

Я ответил утвердительно. Спроси она про мышьяк, я бы ответил также.

— Ты завтра занят?

Я покачал головой. Даже если у меня были какие-то дела, я бы придумал, как от них избавиться.

Вор из меня был никудышный, зато по части лжи мне, признаться, было мало равных.

— Тогда в девять встречаемся здесь, — сказала она и отступила в тень сада.

— Подожди! — окликнул я. — Ты не сказала, как тебя зовут.

— Марина... До завтра.

Я помахал ей рукой, но она уже исчезла. Я напрасно ждал, чтобы Марина снова выглянула. Солнце почти достигло зенита, и я подумал, что было около полудня. Когда стало ясно, что Марина не вернется, я возвратился в интернат.

Старинные порталы зданий как будто улыбались мне, разделяя мою радость. Я слышал эхо своих шагов, но их заглушали удары сердца, каждый из которых уносил меня все выше в небо.

Глава четвертая

Кажется, я не проявлял такой пунктуальности никогда в жизни. Город еще был вочных одеждах, когда я пересек Плаза-Саррья. Колокольный перезвон к девятичасовой мессе спугнул с площади стаю голубей, которые взмыли с площади в небо. Солнце высушивало следы ночного моросящего дождя. Кафка встретил меня у начала улицы, которая вела к особняку. Стайка воробьев на оградке держалась на благоразумной дистанции от хищника, который наблюдал за ними с напускным равнодушием профессионала.

— Добрый день, Кафка. Уже успел кого-нибудь убить сегодня?

Кот ответил мне своим обычным мурлыканьем и, словно флегматичный дворецкий, проводил меня через сад к фонтану. Я различил на парапете фонтана силуэт Марины. Она была одета в платье цвета слоновой кости, оставлявшее плечи открытыми. На коленях у девушки лежала книжка в кожаной обложке, где она что-то писала шариковой ручкой. Она была очень сосредоточена и не замечала моего присутствия. Казалось, ее разум где-то в другом мире, который мне посчастливилось наблюдать в течение нескольких секунд. Я подумал, что эти ключицы должен был нарисовать Леонардо Да Винчи; другого достойного такой красоты описания я найти не мог. Кафке настойчивым мурлыканьем удалось отвлечь хозяйку. Ручка застыла над страницей, и глаза Марины встретились с моими. Она сразу закрыла книжку.

— Готов?

Марина повела меня по улицам Саррьи неизвестным маршрутом и на все вопросы относительно цели нашей прогулки отвечала лишь загадочной улыбкой.

— Куда мы идем? — спросил я через несколько минут.

— Терпение. Скоро сам увидишь.

Я послушно шел за ней, хотя у меня зародилось подозрение, что надо мной решили подшутить, а я еще просто не понял, как именно. Мы спустились к бульвару Бонанова, а оттуда пошли по направлению к Сан-Герваси и пересекли улицу напротив черного пятна на стене, которое было входом в бар «Виктор». Группа пижонов в солнечных очках пила пиво, сидя с равнодушным видом на сиденьях своих мопедов. Когда мы проходили мимо, многие из них лениво сдвинули очки на середину носа, чтобы обсмотреть Марину с ног до головы. «Глаза сломает», — подумал я.

Как только мы попали на улицу Доктора Ро, Марина повернула направо. Мы прошли несколько кварталов по узкой не асфальтированной дорожке, которая поворачивала возле высокого здания под номером 112. На губах Марины опять заиграла таинственная улыбка.

— Это здесь? — спросил я, заинтригованный.

Казалось, ничем не примечательная дорожка никуда не ведет. Марина же молча пошла по ней. Она довела меня до другой дорожки, поднимавшейся к окруженной кипарисами крытой галерее. Чуть дальше в голубоватой тени располагался красивый сад с множеством крестов, могильных плит и красных мавзолеев. Старинное кладбище Саррии.

Кладбище Саррии — один из самых таинственных уголков Барселоны. Если вы будете искать его на картах города, — не найдете. Если спросите местных жителей или таксистов, они точно не будут знать, хотя все о нем слышали. А если кто-то вдруг набредет на него случайно, скорее всего, не найдет дороги во второй раз. Те немногие, кто знает секрет, полагают, что на самом деле это старинное кладбище — всего лишь островок прошлого, который исчезает и появляется по собственному желанию.

Именно туда привела меня Марина в то сентябрьское воскресенье, чтобы открыть мне тайну, почти столь же интересную, как ее хранительница. По ее настоянию мы расположились в северной части огороженной территории, в укромном уголке на возвышенности. Оттуда нам открывался вид на безлюдное кладбище. Мы молча сидели, глядя на могилы и увядшие цветы. Марина ничего не говорила, и с течением времени я начал беспокоиться. Единственная тайна, которая меня тревожила, — это какого черта мы там забыли.

— Как-то тут безжизненно, — начал иронизировать я.

— Терпение — мать знания, — сказала Марина.

— ... и безумия, — ответил я. — Нет здесь ничего.

Марина бросила на меня взгляд, значение которого я не понял.

— Ты ошибаешься. Здесь воспоминания сотен людей, их жизни, их чувства, их иллюзии, привязанности, мечты, которым не суждено было сбыться, интриги, ложь, безответная любовь, отравлявшая их жизни... Все это здесь, навеки погребенное.

Я наблюдал за ней с интересом и некоторым смущением, хотя и не очень понимал, о чем она. Что бы это ни было, для нее это имело особое значение.

— Ты не сможешь понять ничего в жизни, пока не поймешь смерть, — добавила она.

И опять я не вполне понял ее слова.

— По правде говоря, я об этом особо не думаю, — сказал я. — В смысле, о смерти. По крайней мере, всерьез.

Марина покачала головой как врач, обнаруживший симптомы неизлечимой болезни.

— Так значит, ты один из тех непросвещенных плебеев... — поды托жила она, разжигая во мне интерес.

— Непросвещенных? Вот теперь я сбит с толку. Окончательно.

Марина опустила взгляд, и ее лицо приобрело серьезное выражение, делая ее старше. Она вводила меня в состояние, близкое к гипнозу.

— Судя по всему, ты не слышал легенду, — начала Марина.

— Какую легенду?

— Так я и думала, — изрекла она. — Так вот, рассказывают, что у смерти есть посланники, которые бродят по улицам в поисках невежд с пустыми головами, которые ни о чем не думают.

Дойдя до этого места, она впилась в меня взглядом.

— Когда один из этих несчастных сталкивается с посланником смерти, — продолжала Марина, — посланник заводит его в ловушку, о которой тот даже не подозревает. Это дверь в ад. Эти посланники закрывают лицо, чтобы не было видно, что у них нет глаз, — только две черные дыры с червями. Когда жертве уже не спастишь, посланник открывает свое лицо, и невежда понимает весь ужас своей участи...

Ее слова эхом отдавались от могильных плит, и мой желудок болезненно сжался.

Только тогда Марина перестала скрывать свою злорадную улыбку. Улыбку кошки.

— Ты меня водишь за нос, — наконец сказал я.

— Само собой.

Пять или десять минут, может, больше, прошло в молчании. Целая вечность. Ветерок обвевал кипарисы. Между памятниками кружились два белых голубя. На мою штанину заполз муравей. Ничего не происходило. Я почувствовал, что нога немеет, да и мозг идет той же дорогой. Я хотел было заговорить, как вдруг Марина подняла руку, показывая мне, чтобы я пригнулся. Она указала на крытую галерею у входа на кладбище.

Кто-то пришел. Кажется, это была фигура женщины в черной бархатной накидке. Лицо закрывала вуаль. На руках, скрещенных на груди, были перчатки того же цвета. Накидка ниспадала до земли и закрывала ноги. Отсюда казалось, что фигура без лица перемещается, не касаясь

земли. Меня прошиб озноб.

— Кто?... — прошептал я.

— Шишиш, — перебила Марина.

Невидимые за колоннами галереи, мы шпионили за дамой в черном. Она перемещалась между могилами, словно привидение. В руках у нее была красная роза. Издалека цветок напоминал свежую ножевую рану. Женщина подошла к могиле, находившейся точно под нашим наблюдательным пунктом, и встала к нам спиной. Я заметил, что это был единственный памятник без имени. На мраморе был выгравирован только символ в виде насекомого — черной бабочки с расправленными крыльями.

Дама в черном почти пять минут молча стояла возле памятника. Наконец, она наклонилась и положила на плиту розу, а потом медленно ушла, как и появилась, — словно привидение.

Марина нервно взглянула на меня и наклонилась что-то прошептать. Я почувствовал, как ее губы коснулись моего уха, и мой затылок обдало жаром.

— Я ее случайно увидела три месяца назад, когда пришла вместе с Германом положить цветы его тете Реме... Она сюда приходит в последнее воскресенье каждого месяца в десять утра и кладет красную розу на эту могилу, — объяснила Марина. — Всегда одета в плащ, перчатки и вуаль. Всегда одна и с закрытым лицом. Она никогда ни с кем не разговаривает.

— Кто тут похоронен?

Странный символ на мраморе разжигал мое любопытство.

— Не знаю. В списке кладбища нет никакого имени...

— А кто эта женщина?

Марина собиралась ответить, как вдруг увидела, что силуэт дамы исчезает за колоннами галереи. Она схватила меня за руку и быстро поднялась.

— Скорее! Мы ее упустим.

— Мы что — будем ее преследовать? — спросил я.

— Ты же хотел приключений, нет? — ответила она со смесью жалости и раздражения, как будто я был дурачком.

Когда мы прошли по улице доктора Ро, женщина в черном направилась в сторону проспекта Бонанова. Снова пошел дождь, хотя сквозь тучи пробивалось солнце. Мы следовали за дамой в черном сквозь пелену золотистых капель. Мы пересекли проспект Бонанова и поднялись до склонов гор, на которых располагались виллы и особняки, знававшие

лучшие времена. Женщина углубилась в сеть необитаемых улочек. Нас скрывала завеса из сухих листьев, поблескивавших, словно чешуйки огромной змеи. Дама какое-то время стояла на перекрестке, напоминая живую статую.

— Она нас заметила, — прошептал я, прячась с Мариной за толстым стволом дерева, испещренным вырезанными надписями.

На мгновение я испугался, что она развернется и увидит нас. Но нет. Постояв еще немного, она свернула налево и скрылась. Мы с Мариной переглянулись и продолжили свою погоню. След привел нас в переулок, упирающийся в участок трамвайных путей Саррии, которые поднимались до Вайвидреры и Сан-Кугата. Мы остановились. Дамы в черном нигде не было, хотя мы видели, что она свернула именно сюда. Вдалеке над деревьями и крышами домов возвышалось здание интерната.

— Она зашла в свой дом, сказал я. — Должно быть, живет здесь.

— Нет. В этих домах никто не живет.

Марина указала темные фасады за стенами и решетками. Все, что здесь осталось, — это пара старых заброшенных складов и сгоревший несколько десятков лет назад особняк. Дама исчезла у нас из-под носа.

Мы пошли по переулку. В луже под нашими ногами отражалось небо. Капли дождя искали наши отражения. В конце переулка покачивалась от ветра деревянная дверь.

Марина молча посмотрела на меня. Мы тихонько подошли к двери, и я заглянул внутрь. Дверь в стене из красного кирпича открывалась во двор. То, что когда-то было садом, полностью заросло сорняком. За зарослями проглядывало странное здание, увитое плющом. Только спустя несколько секунд я понял, что это стеклянная оранжерея со стальным каркасом. Растения шумели как пчелиный рой.

— Ты первый, — пригласила Марина.

Я набрался смелости и шагнул в эти джунгли. Марина без предупреждения взяла меня за руку и пошла следом.

Звук моих шагов тонул в густых зарослях. Я представил клубок черных змей с красными глазами. Мы пробрались через лес с торчащими в стороны ветвями, которые царапали кожу, и оказались у самой оранжереи. Марина сразу отпустила мою руку, изучая зловещее сооружение. Плющ обвивал каждую деталь здания. Оно выглядело как дворец, погребенный в болоте.

— По-моему, мы остались с носом, — поды托жил я. — Здесь уже

много лет никто не появлялся.

Марина кивком выразила согласие. Она разочарованно бросила последний взгляд на оранжерею. — Этим немым руинам известно больше, — подумал я.

— Ладно, пойдем, — поторопил я и предложил ей руку в надежде, что она ее возьмет, чтобы пробраться через заросли.

Марина проигнорировала мой жест и, нахмурив брови, двинулась вдоль сооружения. Я вздохнул и неохотно пошел следом. Эта девчонка была упрямей осла.

— Марина, — начал я, — здесь нет...

Я догнал ее возле дальней части оранжереи, где, казалось, был вход. Марина посмотрела на меня и поднесла руку к стеклу. Она стерла слой грязи, под которым что-то было нарисовано. Я узнал такое же изображение черной бабочки, как на безымянной могиле на кладбище. Марина надавила рукой на дверь, и та медленно поддалась. Внутри ощущался сладковатый смрад. Это был запах болота и отравленной колодезной воды. Оставшись к глухим к слабому голосу здравого смысла, я шагнул в тень.

Глава пятая

Призрачный аромат духов и старого дерева витал среди теней. Из-за земляного пола в помещении было влажно. Клубы пара кружились под стеклянным куполом. В воздухе конденсировались невидимые капли воды. Откуда-то сверху доносился странный звук, напоминавший бряцанье металлических пластин. Так дребезжат от ветра жалюзи.

Марина медленно продвигалась вперед. В помещении было жарко и влажно. Одежда намокла и липла к телу, лоб покрылся потом. Я подошел к Марине и при слабом свете увидел, что ее внимание что-то привлекло. Этот странный лязг все еще доносился из тени. Казалось, но исходит откуда-то сверху.

— Что это? — прошептала Марина с призвуком страха в голосе.

Я пожал плечами. Мы углубились в помещение.

Мы остановились в том месте, где на нас падали проникавшие сквозь крышу солнечные лучи. Марина собиралась что-то сказать, как вдруг мы вновь услышали зловещее позвякивание. Близко. Меньше чем в двух метрах. Прямо над нашими головами. Мы молча переглянулись и медленно подняли взгляды на затемненный участок крыши. Я почувствовал, как Марина с силой сдавила мне руку. Девушку пробирала дрожь. Меня тоже.

Мы были окружены. Разнообразные угловатые силуэты нависали над нами. Я различил дюжину, может, больше. В полутьме мерцали ноги, руки и плечи. Армия неподвижных тел висела над нами, словно дьявольские марионетки. Когда они соприкасались, раздавался этот металлический лязг. Мы стали пятиться назад, как вдруг Марина задела ногой рычаг, управлявший системой блоков. Рычаг поддался. В мгновение ока эта армия застывших фигур взлетела вверх. Я бросился к Марине, чтобы закрыть ее, и мы оба упали навзничь. Раздалось громкое эхо удара и треск старого стекла оранжереи. Я испугался, что большие осколки, падая, пригвоздят нас к земле. В этот момент я почувствовал на затылке что-то холодное. Пальцы.

Я открыл глаза. Мне улыбалось лицо. Желтые глаза безжизненно поблескивали. Глаза были стеклянные, а лицо высечено из лакированного дерева. Тут я услышал рядом сдавленный крик Марины.

— Это куклы, — сказала она, едва дыша.

Мы поднялись на ноги и стали внимательно рассматривать странных существ, пытаясь понять, что же они такое. Марионетки. Фигуры из дерева, металла и керамики. Они висели на тросах общего механизма. Задев рычаг, Марина нечаянно привела в действие систему блоков. Куклы висели в полуметре от крыши. Они двигались, будто в жутком балете висельников.

— Что это за чудовища...? — воскликнула Марина.

Я посмотрел на марионеток и увидел среди них мага, полицейского, балерину, знатную даму в платье гранатового цвета, силача с ярмарки... Все они были выполнены в натуральную величину и одеты в роскошные костюмы, которые со временем превратились в лохмотья. Но это была не единственная черта, что выдавало их общее происхождение.

— Они все недоделаны, — обнаружил я.

Марина сразу поняла, что я имел в виду. У каждого из этих существ чего-то не хватало. У полицейского не было рук, у балерины — глаз, на месте которых были пустые впадины. У мага не было ни рук, ни рта... Мы смотрели на фигуры, висевшие в свете лучей. Марина подошла к балерине и стала внимательно на нее смотреть. Она указала мне на маленький символ на лбу балерины, возле линии волос. Снова черная бабочка. Марина протянула руку к этому значку и прикоснулась к волосам. Потом быстро отдернула руку и с отвращением сказала:

— Они настоящие.

Не может быть.

Мы изучили зловещих кукол и на каждой увидели тот же значок. Мы еще раз дернули за рычаг и подняли марионеток наверх. Я смотрел, как недвижимые фигуры поднимаются вверх и подумал, что эти механические души спешили соединиться со своим создателем.

— Кажется, тут что-то есть, — раздался за моей спиной голос Марины.

Я обернулся и увидел, как она указывает на угол оранжереи, в котором стоял старый письменный стол. Его поверхность покрывал толстый слой пыли. По столу полз паук, оставляя за собой крошечный следы. Я присел и стер пыль. В воздухе поднялось серое облако. На столе лежала книга в кожаной обложке, раскрытая на середине. Внизу на старой желто-коричневой фотографии было каллиграфическим почерком написано «Арль, 1903». На ней были изображены сиамские близнецы, сросшиеся корпусами. Нарядно одетые девочки улыбались в камеру самой печальной улыбкой на свете.

Марина перелистывала страницы. Книга оказалась альбомом со

старыми фотографиями, самыми обычными и нормальными. Только в том, что они изображали, нормального и обычного не было ничего. Сиамские близнецы были лишь небольшой частью содержимого этого альбома. Марина перелистывала страницы со смесью интереса и отвращения. Я взглянул на фото и почувствовал, как по спине пробежал холодок.

— Какие причудливые формы порой принимает природа... — пробормотала Марина. Безобразные существа, которых раньше показывали в цирке...

Подавляющее действие этих снимков сокрушило меня. Обратная сторона природы явила свой безобразный лик. Невинные души были заперты в невообразимо деформированных телах.

Несколько минут мы в молчании просматривали страницы этого альбома. Фотографии одна за другой показывали нам кошмарных существ. Причем физические уродства не шли ни в какое сравнение с тем ужасом, одиночеством и отчаянием, которое читалось на лицах этих несчастных.

— Боже мой, — прошептала Марина.

Под каждой фотографией был указан год съемки и город, в котором ее делали: Буэнос Айрес, 1893, Бомбей, 1911, Турин, 1930, Прага, 1933... Я не мог понять, кто и зачем мог собрать такую коллекцию. Наконец Марина оторвала взгляд от альбома и отошла в тень. Я попытался сделать то же самое, но тоска и ужас от увиденного приковали меня к этому адскому каталогу. Проживи я еще хоть тысячу лет, все равно буду помнить взгляд каждого из этих существ. Я закрыл книгу и повернулся к Марине. Она судорожно вздохнула, и я, не зная, что сделать или сказать, почувствовал себя совершенно беспомощным. Что-то в этих снимках потрясло Марину.

— Ты в порядке? — Спросил я.

Марина молча кивнула с прикрытыми глазами. Вдруг раздался какой-то звук. Я вглядывался в окружавшие нас тени. И снова этот непонятный звук. Враждебный. Злобный. Я почувствовал запах гниения, навязчивый и тошнотворный. Он доносился из тьмы, как вонючее дыхание из пасти дикого животного. У меня появилось чувство, что мы были не одни. Здесь был кто-то еще. И этот кто-то за нами наблюдал. Марина неподвижно смотрела на черную завесу мрака. Я взял ее за руку и повел к выходу.

Глава шестая

Когда мы вышли наружу, дождь одел улицы в наряд из серебра. Был час дня. На обратном пути мы не обмолвились ни словом. У Марины дома Герман ожидал нас к обеду.

— Пожалуйста, не рассказывай ему ничего, — попросила Марина.

— Не беспокойся.

Я понимал, что не стоит вообще говорить о том, что произошло. По мере удаления от этого зловещего места воспоминания об оранжерее и альбоме со снимками ослабевали. Когда мы дошли до площади Саррьи, Марина сильно побледнела и дышала с трудом.

— Ты хорошо себя чувствуешь?

Марина неуверенно ответила «да».

Мы сели на краю площади. Она несколько раз глубоко вдохнула с закрытыми глазами. У наших ног расхаживала стая голубей. На мгновение мне показалось, что Марина упадет в обморок. Но она открыла глаза и улыбнулась мне.

— Не волнуйся. Просто голова немного кружится. Должно быть, от запаха.

— Наверняка. Наверное, там было мертвое животное. Крыса или...

Марина согласилась с таким предположением. Чуть позже на ее лицо вернулись краски.

— Надо бы мне поесть. Пойдем, Герман нас ждет — не дождется.

Мы встали и направились к ее дому. Кафка ожидал нас на ограде. Кот с презрением посмотрел на меня, спрыгнул с ограды и стал теряться о ноги Марины. Я шел, раздумывая о преимуществах котов, как вдруг услышал лунный голос из граммофона Германа. Музыка лилась по саду как приливная волна.

— Что это за музыка?

— Лео Делиб, — ответила Марина.

— Впервые слышу.

— Делиб, французский композитор, — пояснила Марина, удивляясь моему невежеству. — И чему вас только в школе учат?

Я пожал плечами.

— Это из его оперы «Лакме».

— А кто поет?

— Моя мать.

Я в изумлении уставился на нее.

— Твоя мать оперная певица?

Марина твердо посмотрела на меня.

— Была, — ответила она. — Ее больше нет в живых.

Герман ждал нас в главном зале, большой комнате овальной формы. Под потолком висела большая хрустальная люстра. Отец Марины был воплощением этикета. На нем был костюм с жилетом, а белая шевелюра была аккуратно зачесана назад. Он выглядел как пришелец из конца девятнадцатого века. Мы сели за стол со скатертью тончайшей работы и серебряными приборами.

— Нам очень приятно, Оскар, что ты навестил нас, — сказал Герман. — Не каждое воскресенье мы проводим в такой приятной компании.

Тарелки из фаянса были настоящим произведением искусства, притом антикварным. Обед состоял из супа с очень аппетитным ароматом и хлеба. Больше ничего не было. Герман обслуживал меня в первую очередь, и я догадался, что вся церемонность вызвана моим присутствием. Несмотря на приборы из серебра, тарелки как из музея и парадную одежду, в этом доме не хватило бы денег и на одну такую тарелку. Потому не было и света. Дом постоянно освещался свечами. Герман поделился со мной своими соображениями.

— Ты, должно быть, заметил, что у нас нет электричества, Оскар. Это потому, что мы не особенно верим в достижения современной науки. В конце концов, что это за наука, которая может сделать ночь светлой, но не может накормить каждое человеческое существо?

— Я бы сказал, что проблема не в науке, а в тех людях, которые решают, как распорядиться ее достижениями, — возразил я.

Герман поразмыслил надо моими словами и кивнул с серьезным видом — то ли из вежливости, то ли потому, что правда был со мной согласен.

— Я вижу, Оскар, что философия вам не чужда. Вы читали Шопенгауэра?

Я почувствовал на себе взгляд Марины, свидетельствовавший о внимании, с которым она слушала отца.

— Только урывками, — уклончиво ответил я.

Мы вернулись к трапезе в молчании. Герман дружелюбно мне

улыбался и то и дело с любовью поглядывал на свою дочь. Что-то мне подсказывало, что друзей у Марины было не много и что Герман приветствовал мое появление в их доме, несмотря на то, что я не знал, чем отличается Шопенгауэр от Оппенгеймера.

— А скажите-ка мне, Оскар, что сейчас происходит в мире?

Он так задал этот вопрос, что я стал опасаться, как бы новость об окончании второй мировой не шокировала его.

— По правде говоря, ничего особенного, — ответил я. Марина внимательно наблюдала за мной. — Скоро выборы...

Это возбудило интерес Германа, который остановил ложку на полпути ко рту и решил развить тему.

— А вы, Оскар? За левых или за правых?

— Папа, Оскар анархист, — отрезала Марина.

Кусок хлеба застрял у меня в горле. Я не знал, что означает это слово, но звучало оно как «антихрист». Герман внимательно и с интересом посмотрел на меня.

— Юношеский идеализм... — пробормотал он. — Понимаю, понимаю. В твои годы я тоже читал Бакунина. Это как корь. Пока не переболеешь...

Я бросил на Марину убийственный взгляд, она же ответила привычной кошачьей улыбкой.

Я отвел глаза и опустил взгляд. Герман наблюдал за мной с добродушным любопытством. Я вежливо кивнул ему и поднес ложку ко рту. За едой хотя бы не надо говорить, а значит, меньше шансов сесть в лужу.

Мы молча пообедали. Я заметил, что сидевший напротив Герман стал клевать носом. Когда в конце концов ложка выскоцила из его пальцев, Марина молча встала и ослабила его шелковый галстук серебристого цвета. Герман вздохнул. Его рука слегка дрожала. Марина обняла отца за плечи и помогла ему встать. Герман послушно встал и слабо, почти стыдливо, улыбнулся мне.

Мне показалось, что он в один миг постарел лет на 15.

— Прошу прощения, Оскар, — сказал он едва слышно. — Годы берут свое...

Я тоже поднялся, взглядом предлагая Марине помочь. Она отвергла мое предложение и попросила меня остаться в зале. Герман опирался на плечи Марины, и они медленно вышли из комнаты.

— Для нас было большим удовольствием, Оскар... — услышал я из темного длинного коридора слабый голос Германа. — Приходите к нам снова, приходите к нам снова...

Я слышал, как звук их шагов стих в глубинах особняка и при свете свечей ожидал возвращения Марины почти полчаса. Я впитывал в себя атмосферу этого дома. Когда стало ясно, что Марина не вернется, я забеспокоился.

Я хотел отправиться на ее поиски, но подумал, что вторгаться в жилое пространство без приглашения бестактно. Мне пришло в голову написать записку, но не было ни ручки, ни бумаги. Уже вечерело, и я счел за лучшее пойти в интернат. Вернусь завтра, после занятий, убедиться, что все в порядке. Я с удивлением заметил, что Марины не было всего полчаса, а я уже искал предлоги вернуться. Я вышел через кухню и пересек сад. Над городом сгущались быстро бегущие тучи.

Я не торопясь шел к интернату, и события прошедшего дня прокручивались у меня в голове. Поднявшись по лестнице на четвертый этаж, я зашел в свою комнату и осознал, что это был самый странный день в моей жизни. Но если бы можно было купить билет на повторный сеанс, я бы не колеблясь взял два.

Глава седьмая

Ночью мне снилось, что я был заперт внутри огромного калейдоскопа. Его крутило ужасное существо, глаз которого я видел через линзу. Мир терялся в лабиринтах оптических иллюзий, которые то и дело возникали вокруг. Насекомые. Черные бабочки. Я резко проснулся с ощущением, что по жилам течет кипящий кофе и весь день ходил как в лихорадке.

Занятия проходили как поезда, которые не останавливались на моей станции. Шеф сразу заметил, что что-то со мной не то.

— Обычно ты витаешь в облаках, — сказал он, — а сегодня, похоже, на грешной земле. Ты не заболел?

Я успокоил его рассеянным жестом и посмотрел на часы над классной доской. Половина четвертого. Два часа до окончания занятий. Целая вечность. Снаружи капли дождя барабанили по стеклам.

Как только прозвенел звонок, я на максимальной скорости помчался вон из класса, лишая Шефа нашей ежедневной прогулки по городу. По бесконечным коридорам я прошел к выходу. Сады и фонтаны белели в сумраке грозы. У меня не было ни зонта, ни даже накидки. Небо было тяжелого свинцового цвета, и огни веранд напоминали зажженные спички.

Я бросился бежать, стараясь не попадать в лужи и переполненные водостоки. Наконец, я оказался у выхода с территории. По улице, словно кровь из порезанной вены, лились потоки воды. До нитки промокший, я бежал по узким безлюдным улицам. Канализационные решетки грохотали у меня под ногами. Город, казалось, утонул в черном океане.

Через десять минут я был у ограды дома Марины и Германа. К тому моменту моя одежда и обувь были безнадежно мокрыми. Сумерки закрывали горизонт сероватым занавесом. Откуда-то сзади раздался треск, вроде бы со стороны улицы, по которой я пришел. Я испуганно обернулся. На миг мне показалось, что кто-то меня преследует. Но вокруг никого не было, лишь дождь молотил по лужам на дороге.

Я прошел через калитку. Вспышки молний осветили мне тропинку к особняку. Ангелы на фонтане приветствовали меня у входа. Дрожа от холода, я подошел к кухонной двери. Она была открыта, и я вошел. Дом был погружен в кромешную темноту. Я вспомнил, что Герман говорил об

электричестве. Только тогда мне пришло, наконец, в голову, что меня никто не приглашал. Уже второй раз я вторгался в этот дом без какого-либо повода. Я подумал было уйти, но снаружи завывала буря. Я вздохнул. От холода болели руки, а кончиков пальцев я уже почти не чувствовал. Я закашлял как собака, так, что почувствовал пульс в висках. Холодная одежда прилипла к телу. «Полцарства за полотенце!», — подумалось мне.

— Марина? — окликнул я.

Эхо моего голоса затерялось в коридорах особняка. Передо мной расстипалось покрывало из теней. Только вспышки молнии время от времени освещали помещение, так что запоминались только отдельные кадры, как на фотопленке.

— Марина, — повторил я. — Это Оскар...

Я стал с опаской продвигаться в глубь дома. Мокрая обувь издавала при ходьбе хлюпающие звуки. Я остановился у входа в зал, где мы вчера обедали. Стол был пустой, на стульях никто не сидел.

— Марина? Герман?

Ответа не было. Я различил в полутьме на маленькой тумбочке подсвечник и коробок спичек. Окоченевшие пальцы зажгли спичку только с шестого раза.

Наконец мерцающий свет зажегся. Его призрачные отблески наполнили зал. Я пошел в ту сторону, куда вчера удалились Герман с Мариной.

Коридор вел в другой большой зал, так же украшенный хрустальной люстрой. Ее подвески переливались в полумраке словно бриллиантовая карусель. Буря наполнила дом косыми тенями, которые попадали в помещение снаружи и искаjались хрусталем. Старая мебель и кресла были накрыты белыми простынями. На второй этаж вела парадная лестница. Я подошел к ней, чувствуя себя интервентом. Сверху на меня смотрели, поблескивая, два желтых глаза. Раздалось мяуканье.

«Кафка», — с облегчением вздохнул я. Кошка тут же отступила во мрак. Я остановился и посмотрел вокруг. От моих ног остались следы на слое пыли.

— Есть кто-нибудь? — позвал я вновь и опять не получил ответа.

Я представил, каким был этот зал, празднично убранный, несколько десятков лет назад: оркестр, десятки танцующих пар... Сейчас же он походил на палубу затонувшего корабля. На стенах висели полотна, написанные маслом. Все они изображали женщину. Я узнал ее. Она была на картине, которую я увидел в свой первый визит в этот дом. Безукоризненная техника и магическая притягательность линий и красок на

этих полотнах были почти сверхъестественными. Я задался вопросом: кто же художник? Даже я не сомневался, что все портреты принадлежали кисти одного человека. Казалось, что дама наблюдает за мной, в какой бы точке помещения я ни находился.

Было несложно заметить, как сильно эта женщина похожа на Марину. Такие же губы на бледном лице, почти прозрачная кожа, такая же фигура — стройная и хрупкая, как фарфоровая статуэтка, такие же бездонные и грустные серые глаза. Вдруг к моей ноге что-то прикоснулось: это Кафка крутился рядом. Я нагнулся и погладил его по серебристой шерсти.

— Где же твоя хозяйка?

Он грустномяукнул в ответ. Дом был пуст. Было слышно, как дождь барабанит по крыше. Через тысячу маленьких отверстий вода попадала на чердак. Видимо, Герману и Марине пришлось выйти по какой-то невообразимой причине. В любом случае, это не мое дело. Я погладил Кафку и решил уйти, пока меня не обнаружили.

— Один из нас тут лишний, — прошептал я Кафке. — Я.

Вдруг шерсть на загривке животного всталася дыбом, а его мускулы напряглись под моей рукой как металлические тросы. Кафка испуганно мяукнул.

Что же могло так напугать зверька? Этот запах. Вонь гниющего трупа, как вчера в оранжерее. На меня накатила волна тошноты. Я поднял взгляд. За окном зала была завеса из дождя, сквозь которую я различил расплывчатые силуэты ангелов на фонтане. Интуиция подсказывала, что происходит что-то нехорошее. Среди статуй была лишняя фигура. Я выпрямился и подошел к окну. Один из силуэтов вращался вокруг своей оси. Пораженный, я застыл на месте. Я не видел четких контуров фигуры, лишь смутный силуэт в накидке. Было ощущение, что странное существо наблюдает за мной. И знает, что за ним наблюдаю я. Я неподвижно стоял у окна, казалось, целую вечность. Через несколько секунд фигура нырнула в тень.

Когда очередная вспышка молнии осветила сад, существа уже не было на месте. Потом я понял, что вместе с ним исчезла и вонь разложения.

Я не придумал ничего лучше, чем дождаться возвращения Германа и Марини. Идея выйти на улицу казалась не особенно заманчивой. Буря не стихала. Я сел в огромное кресло и стал ждать.

Постепенно шум дождя и слабое освещение большого зала убаюкали меня, и я стал проваливаться в сон. В какой-то момент послышался звук

открывающейся двери и шаги у парадного входа. Я вышел из транса. И сердце сразу забилось как бешеное. Я слышал, как по коридору приближаются голоса. Увидел блики свечи. Кафка побежал на свет, и тут в зал вошел Герман со своей дочерью. Марина впилась в меня холодным взглядом.

— Что ты тут делаешь, Оскар?

Я пробормотал что-то невразумительное. Герман добродушно улыбнулся и с любопытством посмотрел на меня.

— Боже мой, Оскар. Вы полностью промокли! Марина, принеси Оскару чистые полотенца... Пойдемте, Оскар, разведем огонь. На улице льет как из ведра.

Я сел напротив камина с чашкой горячего бульона, который мне дала Марина, и начал неуклюже объяснять причину своего прихода, не говоря ничего про странный силуэт за окном и жуткий смрад. Герман выслушал мои объяснения благосклонно и не выказал ни малейшего недовольства моим вторжением. А вот о Марине такого сказать нельзя было. Она прожигала меня взглядом. Я испугался, что мое появление в их доме на правах члена семьи разрушит нашу дружбу раз и навсегда. Пока мы сидели у камина на протяжении получаса, я не раскрывал рта.

Потом Герман извинился и пожелал мне спокойной ночи. Я подумал, что Марина вот-вот вытолкает меня за дверь и скажет никогда больше не возвращаться. «Сейчас начнется», — промелькнуло в голове. Поцелуй смерти. Наконец Маринаsarкастично улыбнулась.

— Мне кажется, ты слегка навязчив.

— Спасибо, — механически ответил я, ожидавший кое-чего похуже.

— Так может скажешь, какого дьявола ты на самом деле тут делаешь?

Пламя, сверкая, отражалось в ее глазах. Я допил свой бульон и опустил глаза.

— На самом деле... я не знаю, — ответил я. — Полагаю, что я... знаю, что я... — вне всяких сомнений, мой жалкий вид мне помог, так как Марина подошла ко мне и взяла меня за руку.

— Посмотри на меня, — приказала она.

Я посмотрел. Она глядела на меня со смесью сострадания и симпатии.

— Я на тебя не сержусь, слышишь? — сказала она. — Я просто удивилась, увидев тебя здесь, так внезапно. Каждый понедельник мы с Германом ездим к врачу, в больницу Сан-Пабло. Потому нас и не было, когда ты пришел. И это не лучший день для приема гостей.

Мне стало стыдно.

— Этого больше не повторится, — пообещал я.

Я хотел рассказать Марине про странное видение, представившееся моему взору, но она вдруг тонко улыбнулась и нагнулась, чтобы поцеловать меня в щеку. Когда меня коснулись ее губы, вся моя одежда мигом высохла, а слова прилипли к языку. Марина услышала мое тихое бормотание.

— Что...? — спросила она.

Я молча посмотрел на нее и покачал головой.

— Ничего.

Она недоверчиво подняла бровь, но не стала упорствовать.

— Хочешь еще бульона? — спросила она, поднимаясь.

— Да, спасибо.

Марина взяла у меня чашку и пошла на кухню, чтобы ее наполнить. Я остался сидеть возле огня, восхищаясь портретами женщины на стенах. Когда вернулась Марина, она сразу увидела, куда я смотрю.

— А дама на всех этих картинах...

— Это моя мать, — сказала Марина.

Я почувствовал, что затронул деликатную тему.

— Никогда не видел таких картин. Они как... фотографии души.

Марина молча кивнула.

— Должно быть, ее рисовал знаменитый художник, — настаивал я. — Никогда не видел ничего подобного.

Марина ответила не сразу.

— Ты не поверишь. Этот художник ничего не рисовал уже почти шестнадцать лет. Эта серия картин — его единственное произведение.

— Видимо, он очень хорошо знал твою мать, раз рисовал ее так, — развивал я тему.

Марина пристально посмотрела на меня.

Таким же взглядом на меня смотрела женщина с портретов.

— Лучше чем кто бы то ни было, — ответила она. — Он был ее мужем.

Глава восьмая

Тем вечером, сидя перед камином, Марина поведала мне историю Германа и его виллы в квартале Саррья. Герман Блау родился в состоятельной, процветающей семье каталонских буржуа. Ни один светский скандал не обходился без участия династии Блау — ни в театре «Лицео», ни в промышленной колонии на берегах реки Сегре. Поговаривали, что Герман вовсе и не сын великого патриарха Блау, а плод тайной любовной связи своей матери Дианы со свободным художником Квимом Сальватом. Сальват, в свою очередь, был профессиональным портретистом, острословом и развратником. Он компрометировал представителей знатных фамилий, одновременно рисуя их же портреты за астрономические гонорары. Было это правдой или нет, точно можно было сказать одно: Герман не был похож ни на одного из членов своей семьи, ни внешне, ни по характеру. Кроме живописи и рисунка его ничего не интересовало, а это казалось всем крайне подозрительным. Особенно его достопочтенному отцу.

Накануне шестнадцатилетия старшего сына глава семьи заявил, что в его роду нет места лентяям и бездельникам. И если Герман будет упорствовать в своем желании «быть художником», он отправит сына работать грузчиком на заводе, или каменщиком, или заставит пойти на военную службу, — одним словом, туда, где его характер закалят и сделают из него толкового человека. Герман же предпочел убежать из дома туда, откуда был благополучно возвращен спустя двадцать четыре часа.

Его отец, разочаровавшись в первенце и отчаявшись, решил сделать ставку на второго сына, Гаспара, который упорно пытался освоить торговлю текстильной продукцией и хотел продолжить семейное дело. Опасаясь за финансовое положение Германа, отец оформил на него этот полузастроенный особняк в квартале Саррья.

— Хотя ты позоришь наш род, я не для того вкалывал как раб, чтобы мой сын оказался на улице, — сказал он Герману.

Раньше особняк был одним из самых популярных мест сбора знати, но потом стал необитаем. Он был проклят. Говорили, именно тут Диана тайно виделась с Сальватом.

Таким образом, по иронии судьбы, дом достался Герману.

Через какое-то время, с помощью своей матери, Герман пошел в

ученики к этому самому Квиму Сальвату. В первый же день Сальват, глядя на Германа в упор, произнес такие слова:

— Во-первых, я тебе не отец, и твою мать я едва знаю. Во-вторых, жизнь художника — это риск, неопределенность и зачастую бедность. Ты ее не выбираешь: она сама выбирает тебя. Если какой-то из этих пунктов заставляет тебя задуматься о правильности сделанного выбора, лучше уходи туда, откуда пришел, прямо сейчас.

Герман остался.

Годы учебы у Сальвата открыли ему новый мир. Впервые в жизни Герман увидел, что кто-то верит в него, в его талант и в его возможность стать чем-то большим, чем бледная копия отца. Он почувствовал себя другим человеком. За первые полгода он узнал больше, чем за всю жизнь.

Сальват был человеком великодушным и экстравагантным, большим любителем изысканных вещей. Он работал только ночами и, хотя красотой не отличался и был похож на медведя, считался настоящим сердцеедом, наделенным даром обольщения, которым владел едва ли не лучше чем кистью. Модели дивной красоты и дамы из высшего общества непрерывным потоком проходили через студию Сальвата, желая ему позировать и, как догадывался Герман, не только позировать. Художник много знал о винах, поэзии, древних городах и бомбейских техниках любви. Свои сорок семь лет он прожил крайне насыщенно и любил повторять, что люди больше не живут так, будто никогда не умрут, и в том была их ошибка. Он улыбался и жизни, и смерти, божественному и человеческому. Он готовил лучше самых известных шеф-поваров «Красного гида» Мишлен и ел больше их всех вместе взятых.

За то время, что они провели вместе, Сальват стал не только учителем Германа, но и его лучшим другом. Герман всегда знал, что именно Квиму Сальвату он обязан тем, чем он стал — как художник и как личность.

Сальват был одним из тех избранных, что владели секретом света. Он говорил, что свет — это капризная балерина, прекрасно знающая о своих чарах. В его руках свет превращался в великолепные линии, которые подсвечивали полотно и открывали двери души. Это, по крайней мере, объясняло прочувствованный текст подписей к экспонатам его выставок.

— Картина — это письмо, выполненное светом, — учил Сальват. — Сперва нужно освоить алфавит, потом грамматику. И только после этого оттачивать стиль и совершенствовать эффект.

Именно Сальват расширил кругозор Германа в многочисленных поездках. Так юноша познакомился с Парижем, Веной, Берлином, Римом...

Довольно скоро Герман понял, что Сальват умел не только великолепно рисовать, но и не менее великолепно продавать свои полотна. В этом и состоял секрет его успеха.

— Из каждой тысячи людей, покупающих картину или другое произведение искусства, только один имеет хотя бы примерное представление о том, что именно он покупает, — с улыбкой объяснял Сальват. — Все остальные покупают не картину, а художника, слухи, которые о нем ходят, и почти всегда то, что они сами о нем думают. Эта торговля ничем не отличается от продажи змахарских снадобий и любовных эликсиров, Герман. Разница лишь в цене.

Большое сердце Квима Сальвата перестало биться шестнадцатого июля 1938 года. Кое-кто считал, что это произошло из-за излишеств, которые он себе позволял. Герман же всегда полагал, что всему виной ужасы войны, которые убивают надежду, и жажда жизни, бурлившая в душе его наставника.

— Я мог бы рисовать хоть тысячу лет, — шептал Сальват на смертном одре, — но за это время человеческое бескультурье, невежество и жестокость ничуть бы не уменьшились. Красота — дуновение бриза против урагана реальности, Герман. У моего искусства нет рассудка. Оно ничему не служит...

Огромное количество его любовниц, кредиторов, друзей и коллег, десятки людей, которым он безвозмездно помогал, оплакивали Сальвата на похоронах. Все они знали, что в тот день света на Земле стало меньше, и что с этого дня все они стали более одинокими, а их мир опустел.

Сальват завещал Герману весьма скромную сумму денег и свою студию. Согласно его завещанию, остальные деньги (которых было не много, так как он тратил больше чем зарабатывал и прежде чем зарабатывал) распределялись между его любовницами и друзьями. Душеприказчик передал Герману письмо, которое Сальват отдал ему перед смертью. Послание следовало вскрыть, когда его жизнь оборвется.

Юноша со слезами на глазах и разбитым на кусочки сердцем всю ночь слонялся по городу, не зная, куда податься. Рассвет застал его на волнорезе в порту и именно там в первых лучах утра Герман прочитал последние слова, которые написал ему Квим Сальват.

«Дорогой Герман!

Я никогда не говорил этого при жизни, потому что все время ждал подходящего момента. Но боюсь, я его так и не дождался. Вот что я хочу

тебе сказать. Я никогда не встречал такого одаренного художника как ты, Герман. Ты этого пока не знаешь и не можешь понять, но в тебе заложен огромный талант, а моя заслуга лишь в том, что я его распознал. Сам того не ведая, ты дал мне больше, чем я тебе. Мне бы хотелось, чтобы ты нашел себе наставника, которого заслуживаешь, того, кто будет развивать твой талант, а не учиться у тебя. В тебе говорит свет, Герман. А все остальные могут лишь слушать. Не забывай об этом никогда. Сейчас и навсегда — твой учитель, ставший учеником, и лучший друг.

Сальват».

Через неделю Герман, терзаемый невыносимыми воспоминаниями, уехал в Париж. Ему там предложили работу преподавателя в школе живописи. Он не возвращался в Барселону десять лет. В Париже он стал известным портретистом и обнаружил в себе страсть, которая его никогда больше не покидала — то была опера. Его картины начинали хорошо продаваться, и торговец, который знал Германа через Сальвата, стал его агентом. Когда же он состоялся как преподаватель, то стал зарабатывать достаточно, чтобы жить простой, но достойной жизнью. Он подергал за кое-какие ниточки и с помощью ректора школы, который знал пол Парижа, получил сезонный абонемент в Парижскую оперу. Никакой роскоши: шестой ряд амфитеатра слева. Двадцать процентов сцены не было видно, зато музыка была великолепна, независимо от того, сидели вы в дорогой ложе или на галерке.

Там он впервые увидел ее. Она казалась неземным существом, сошедшим с полотен Сальвата, но ее ослепительная красота не шла ни в какое сравнение с голосом. Девятнадцатилетнюю девушку звали Кирстен Ауэрманн, и, согласно программке, она была одним из самых многообещающих оперных талантов в мире. В тот же вечер он был ей представлен на приеме, организованном труппой после спектакля. Герман пробился к ней, сказав, что он музыкальный критик из газеты «Монд». Он протянул ей руку, но не мог вымолвить ни слова.

— Для критика вы плоховато говорите по-французски и много молчите, — пошутила Кирстен. В тот момент Герман решил, что женится на этой женщине любой ценой. Даже если это будет последнее, что он сделает в жизни. Он прибег ко всем способам обольщения, которые были в арсенале у Сальвата столько лет. Но Сальват был один, и равняться на него не стоило. Так началась игра в кошки-мышки, длившаяся шесть лет и окончившаяся летним вечером 1946 года в маленькой часовне в

Нормандии.

Во времена, когда они поженились, смрадный дух войны все еще витал над Европой. Через какое-то время Кирстен и Герман вернулись в Барселону и поселились в квартале Саррья. В отсутствие хозяина вилла превратилась в музей призраков. Но светлый характер Кирстен и три недели уборки полностью изменили ситуацию.

Так началась самая чудесная глава в истории этого особняка. Герман без устали рисовал, одержимый необъяснимым вдохновением. Его картины начали цениться в высших кругах и довольно скоро иметь «Блау» в своей коллекции стало обязательным атрибутом светского человека. Вскоре его отец начал гордиться успехами сына и говорить об этом во всеуслышание. «Я всегда верил в то, что он талантлив и его ждет слава», «у него это в крови, как у всех Блау» и «никакой отец так не гордится своим сыном как я» стали его любимыми фразами. И повторялось это так часто и уверенно, что скоро все поверили. Агенты и выставочные залы, в которых с Германом раньше даже не здоровались, стали перед ним заискивать. Но даже в этом водовороте тщеславия и лицемерия он никогда не забывал уроков Сальвата.

Сценическая карьера Кирстен тоже шла в гору. В эпоху, когда появились первые граммофонные пластинки, Кирстен стала одной из первых певиц, увековечивших свой репертуар. То были светлые годы счастья в особняке Саррьи — годы, когда все казалось возможным, а на горизонте не мелькали никакие тени. Никто не замечал обмороков и головокружений Кирстен, пока не стало слишком поздно. Все объяснялось шумным успехом, постоянными переездами и нервным напряжением.

В день, когда Кирстен прошла обследование у доктора Кабрильса, он сообщил ей две новости, которые изменили ее мир навсегда. Во-первых, Кирстен была беременна. Во-вторых, неизлечимое заболевание крови постепенно сокращало ее жизнь. Ей оставалось жить год. Самое большое, два. В тот же день, выйдя из приемной врача, Кирстен заказала для Германа золотые часы с дарственной надписью в Главной швейцарской часовой мастерской на Виа Августа.

«Для Германа, в котором говорит свет. К.А.»

Часы показывали, сколько времени у них еще осталось.

Кирстен ушла со сцены и отказалась от карьеры. Прощальный вечер проходил в театре «Лицедео», где она исполнила отрывки из «Лакме» Делиба,

своего любимого композитора. Никогда больше не будет такого голоса.

Когда Кирстен вынашивала ребенка, Герман нарисовал серию портретов, которые сейчас украшали стены особняка. Их он никогда и не думал продавать.

Двадцать шестого сентября 1964 года на вилле в Саррье родилась девочка со светлыми волосами и серыми глазами матери. Ее назвали Мариной, и в своем светлом лице она запечатлела отражение матери.

Спустя полгода Кирстен Ауэрманн умерла в той комнате, где подарила жизнь своей дочери и где они с Германом провели счастливейшие часы своей жизни. Ее супруг до самого конца держал Кирстен за дрожащую бледную руку. К рассвету ее тело уже остыло.

Через месяц после кончины жены Герман вернулся в свою студию, которую оборудовал на чердаке фамильного дома. Маленькая Марина играла тут же на полу. Герман взял кисть и попытался сделать мазок на полотне. Его глаза застлали слезы, и кисть выпала из руки. С тех пор Герман Блау не рисовал. Свет в нем замолчал навсегда.

Глава девятая

Осенью мои визиты в дом Германа и Марины стали каждодневным ритуалом. На занятиях я сидел в полудреме, ожидая момента, когда улизну из школы и пойду по секретному переулку. Там меня всегда ждали мои новые друзья, которых не было только по понедельникам, когда Марина сопровождала отца на процедуры. Мы пили кофе и беседовали в полуутесных залах.

Герман вызвался научить меня играть в шахматы. Несмотря на его уроки, Марина ставила мне шах и мат за пять или шесть минут, однако я не терял надежды.

Постепенно, сам того не замечая, я присвоил мир Марины и Германа себе. Их дом, воспоминания, витавшие в воздухе... стали моими. Я узнал, что Марина не ходила в школу, потому что не хотела оставлять отца одного, и ухаживала за ним. Она рассказала, что Герман научил ее читать, писать и думать.

— Знания по географии, тригонометрии и арифметике — пустой звук, если ты не умеешь думать сам, — объясняла Марина. — А этому ни в какой школе не научат. Этого нет в программе.

Герман открыл для нее мир искусства, истории, науки. Огромная библиотека особняка превратилась в ее вселенную. Каждая книжка была пропуском в новый мир с новыми идеями.

Однажды вечером в конце октября мы сидели на подоконнике на втором этаже и смотрели на далекие огни Тибидабо. Марина призналась, что ее мечта — стать писательницей. У нее был целый ворох рассказов и историй, которые она писала с девяти лет. Когда я попросил ее дать мне что-нибудь почитать, она посмотрела на меня как на пьяного и сказала, что об этом не может быть и речи.

«Это как шахматы», — подумал я, — «со временем получится».

Я часто наблюдал за Германом и Мариной, когда они не отвлекались на меня — играя, читая или сидя друг напротив друга за шахматной доской. Невидимые нити, которые их связывали, этот отдельный мир, который они построили далеко от всех и вся, — это казалось мне волшеством.

Иногда я боялся убить это чудо своим присутствием. Бывали дни,

когда, возвращаясь в интернат, я чувствовал себя самым счастливым человеком на свете уже потому, что мне позволяли разделить это чувство единства.

Я держал нашу дружбу в тайне, сам не знаю почему. Я никому ничего не рассказывал, даже своему товарищу Шефу. Всего за несколько дней Марина и Герман стали тайной, которой я жил. И по правде говоря, только ею я и хотел жить.

Помню, как однажды Герман рано пошел спать, извинившись в своей изящной манере джентльмена девятнадцатого века. Я остался в зале с портретами наедине с Мариной. Она мне загадочно улыбнулась и сказала, что писала про меня. Это известие привело меня в ужас.

— Про меня? Что значит — пишешь про меня?

— Значит, что не contra, а про.

Этим следовало ограничиться. Марина застала меня врасплох.

— Ну так что же? — спросила она. — У тебя настолько низкая самооценка, что ты считаешь, о тебе нечего писать?

У меня не было ответа на этот вопрос. Этому научил меня Герман, когда мы играли в шахматы. Основная стратегия: даже если тебя застали со спущенными штанами, грозно кричи и бросайся в атаку.

— А если и так, тем более не вижу, почему ты не можешь дать мне почитать, — отрезал я.

Марина в нерешительности приподняла бровь.

— Я имею право знать, что ты обо мне пишешь, — настаивал я.

— Вдруг тебе не понравится?

— А вдруг понравится?

— Я подумаю.

— Буду ждать.

Холод пришел в Барселону как обычно — со скоростью метеорита. Меньше чем за сутки температура стала минусовой. Вместо легких осенних плащей на улицах появились армии поношенных пальто. Небо теперь было стального цвета, а по улицам носился ураганный ветер, кусавший за уши.

Герман и Марина неожиданно подарили мне меховую шапку, которая, должно быть, стоила целое состояние.

— Это чтобы защищать мысли, Оскар, — пояснил Герман. — Чтобы ты не простудил голову.

В середине ноября Марина сообщила, что они с Германом на неделю

едут в Мадрид. Знаменитый врач из больницы Ла-Пас согласился включить Германа в экспериментальную программу лечения, которая проверялась в Европе всего пару раз.

— Не знаю, говорят, что этот врач творит чудеса, — сказала Марина.

Перспектива провести без них целую неделю придавила меня каменной плитой. Мои попытки это скрыть провалились. Марина видела меня насквозь. Она взяла меня за руку.

— Это всего на неделю. Потом ты снова нас увидишь.

Я кивнул. И она не стала больше меня утешать.

— Мы с Германом подумали... Ты пока не приглядишь за Кафкой и за домом? — продолжила Марина.

— Разумеется. О чем речь.

Ее лицо просияло.

— Хоть бы этот доктор оказался таким хорошим, как о нем говорят, — сказал я.

Марина пристально посмотрела на меня. Губы улыбались, но серые глаза светились грустью, которая меня обезоружила.

— Хоть бы.

Поезд на Мадрид уходил в девять утра с вокзала Франции. Я выбежал из интерната на рассвете. На остававшиеся карманные деньги я заказал такси, чтобы забрать Марину и Германа и отвезти их на вокзал. То воскресное утро было завешено голубой дымкой, которая медленно исчезала с наступлением янтарного рассвета.

Большую часть пути мы преодолели молча. Таксометр старенького «Сеата» щелкал как метроном.

— Не стоило беспокоиться, дорогой Оскар, — сказал Герман.

— Что вы, мне совсем не трудно, — ответил я. — На улице жуткий холод, не мог позволить вам мерзнуть.

Когда мы приехали на вокзал, Герман расположился в кафе, а мы с Мариной пошли покупать забронированные заранее билеты.

Перед отбытием поезда Герман меня так крепко и душевно обнял, что я чуть не расплакался. Носильщик помог ему погрузить чемоданы, и Герман оставил нас с Мариной на перроне, чтобы мы могли попрощаться. Эхо тысячи голосов и свистков множилось под сводами вокзала.

Мы молча, почти икоса, смотрели друг на друга.

— Ну что же... — сказал я.

— Не забывай подогревать молоко для Кафки, потому что...

— Он ненавидит холодное молоко, особенно сразу после очередного

убийства, знаю. Кот с барскими запросами.

Начальник вокзала приготовился дать отмашку поезду красным флагом. Марина вздохнула.

— Герман тобой гордится, — сказала она.

— Не понимаю, почему.

— Мы будем скучать по тебе.

— Так только кажется. Ладно, тебе пора.

Вдруг Марина шагнула ко мне и коснулась своими губами моих. Не успел я и глазом моргнуть, как она зашла в вагон. А я остался на перроне, глядя вслед поезду, прорезающему туман. Когда его шум стих вдали, я побрел к выходу с вокзала и по дороге вспомнил, что я так и не рассказал Марине о странном существе, которое я видел у ее дома в грозу. Со временем я сам предпочел о нем забыть и убедил себя, что все это мне почудилось.

В большом вестибюле вокзала ко мне подбежал запыхавшийся носильщик.

— Вот... меня попросили вам передать.

Он протянул мне конверт желтого цвета.

— Думаю, вы ошиблись, — сказал я.

— Нет, нет. Сеньора сказала отдать это вам, — настаивал носильщик.

— Какая сеньора?

Носильщик махнул рукой в сторону выхода на бульвар Колумба.

Ступени вокзала были окутаны паутиной тумана. Там никого не было. Носильщик пожал плечами и ушел.

Озадаченный, я обогнул здание, вышел на улицу и увидел ее силуэт. Дама в черном, которую мы видели на кладбище Саррии, садилась в карету, запряженную лошадьми. Она повернулась и на несколько секунд задержала на мне взгляд. Ее лицо скрывала темная вуаль, напоминавшая стальную паутину. В следующий момент дверца кареты захлопнулась и возница, полностью закутанный в серый плащ, тронул лошадей.

Карета на полной скорости промчалась между бульваром Колумба в направлении улицы Рамблас и скрылась.

Я совсем забыл посмотреть, что же было в конверте, который передал мне носильщик. Я порвал его и увидел внутри обыкновенную визитную карточку. На ней были указаны следующие реквизиты:

Михаил Кольвеник, улица Принсеса, 33, 2а

Я перевернул карточку. На оборотной стороне был напечатан символ, который мы видели на памятнике на кладбище и на заброшенной оранжерее. Черная бабочка с раскрытыми крыльями.

Глава десятая

По дороге на улицу Принсеса я жутко проголодался и зашел в булочную напротив церкви Санта-Мария-Дель-Мар, чтобы купить себе пирожное. В воздухе витал аромат сладкого хлеба и эхо колоколов. Улица Принсеса была узкой и тенистой и пролегала через старинный квартал.

Я прошел мимо старинных особняков и зданий, которые казались древнее, чем сам город. На фасаде одного из домов я с трудом смог прочитать стершиеся цифры 33. Я прошел в вестибюль, который напоминал старинную монастырскую часовню. На стене с обшарпанной эмалью висели ржавые почтовые ящики. Я безуспешно искал на них имя Михаила Кольвеника, как вдруг услышал за спиной тяжелое дыханье.

Я настороженно повернулся и увидел морщинистое лицо старухи, сидевшей в каморке привратника у входа.

Мне показалось, что это восковая фигура, наряженная вдовой. Ее лицо приняло осознанное выражение. Глаза были белыми как мрамор. И без зрачков. Она была слепа.

— Кого вы ищете? — спросила привратница надтреснутым голосом.

— Михаила Кольвеника, сеньора.

Пустые белые глаза дважды моргнули. Старуха помотала головой.

— Мне дали этот адрес, — настаивал я. — Михаил Кольвеник, квартира 2.

Старуха снова помотала головой и снова села неподвижно.

В этот момент я уловил какое-то движение на столе каморки. По морщинистой руке старухи полз черный паук.

Белые глаза все так же смотрели в пустоту.

Я тихонько проскользнул к лестнице.

Никто не менял лампочку на этой лестнице уже лет тридцать. Ступеньки были скользкими и разбитыми.

Лестничные площадки были колодцами темноты и тишины. Призрачный свет струился через слуховое окно чердака. Там кругами летал запертый голубь. У второй квартиры была тяжелая дверь из обработанного дерева с металлической защелкой. Я дважды позвонил и услышал в глубине квартиры эхо звонка.

Прошло несколько минут. Я снова позвонил. Еще две минуты. Мне уже начинало казаться, что я попал в усыпальницу. Одно из сотен

призрачных зданий, которых так много в старых районах Барселоны.

Вскоре решетка смотрового окна открылась и лучи света прорезали темноту. Я услышал из-за двери древний голос — он не разговаривал несколько недель, а то и месяцев.

— Это кто?

— Сеньор Кольвеник? Михаил Кольвеник? — спросил я. — Можно с вами поговорить?

Окошко тут же закрылось.

Тишина. Я было собирался снова позвонить, как вдруг дверь квартиры открылась. На пороге появился силуэт. Из глубины помещения донесся рокот водопроводной трубы.

— Чего тебе, паренек?

— Сеньор Кольвеник?

— Я не Кольвеник, — перебил голос. — Меня зовут Сентис. Бенжамин Сентис.

— Прошу прощения, сеньор Сентис, мне дали этот адрес и...

Я дал ему визитку, которую получил от носильщика на вокзале.

Негнущаяся рука взяла карточку, и этот человек, лица которого не было видно, довольно долго изучал карточку, после чего вернул ее мне.

— Михаил Кольвеник уже много лет здесь не живет.

— А вы его знаете? — спросил я. — Может, вы сумеет мне помочь?

Еще одна длительная пауза.

— Проходи, — сказал наконец Сентис.

Бенжамин Сентис был крупным человеком, который, похоже, никогда не снимал свой фланелевый халат гранатового цвета.

Во рту у него была зажженная сигарета, а над губой красовались усы в стиле Жюля Верна, дополнявшиеся бакенбардами. Окна квартиры, из которых в помещение проникал эфирный свет, выходили на лес барселонских крыш старого квартала. Вдалеке виднелись башни собора, а еще дальше возвышалась гора Монтжуик. Стены комнаты были голыми, на пианино лежал слой пыли, а по полу были разбросаны кипы старых газет. В этом помещении не было ничего из наших дней.

Бенжамин Сентис жил в предпрошедшем времени.

Мы сели в зале с балконом, и Сентис снова посмотрел на карточку.

— Зачем ты ищешь Кольвеника?

Я решил рассказать ему все с начала, с нашего похода на кладбище, до внезапного появления дамы в черном на вокзале Франции этим утром.

Сентис слушал меня с отсутствующим взглядом, не проявляя никаких эмоций. Когда я закончил рассказ, в комнате повисло неловкое молчание. Он пристально посмотрел на меня. У него был волчий взгляд — пронизывающий и холодный.

— Михаил Кольвеник жил в этой квартире на протяжении сорока лет — почти с самого своего приезда в Барселону, — сказал он. — Тут до сих пор есть кое-какие книги. Это все, что после него осталось.

— А у вас есть его настоящий адрес? Не подскажете, где я могу его найти?

Сентис улыбнулся.

— Скорее всего, в аду.

Я непонимающее смотрел на него.

— Михаил Кольвеник умер в 1948 году.

Бенжамин Сентис рассказал, что Михаил Кольвеник приехал в Барселону из родной Праги в конце 1919 года. Ему тогда было чуть за двадцать.

Кольвеник бежал из Европы, разрушенной по время Первой мировой. Он не знал ни слова по-испански, хотя французским и немецким владел свободно.

В этом враждебном и сложном для выживания городе у него не было ни друзей, ни знакомых, ни денег. Свою первую ночь в Барселоне он провел в тюрьме за то, что спал в подъезде дома, чтобы не замерзнуть. Там его и схватили полицейские.

В тюрьме двое сокамерников Кольвеника, которые обвинялись в нападении, грабеже и умышленном поджоге, решили его избить под предлогом того, что «из-за этих паршивых иностранцев страна разваливается». Со временем три сломанных ребра срослись, ушибы и внутренние травмы зажили, но на левое ухо он остался глух.

«Повреждение нерва», — таков был приговор врачей. Плохое начало.

Но Кольвеник всегда говорил, что то, что плохо начинается, может кончиться только лучше, чем началось. Через десять лет Михаил Кольвеник стал одним из самых богатых и влиятельных людей в Барселоне.

Восстанавливаясь после избиения в тюрьме, он познакомился с человеком, который впоследствии стал его лучшим другом — молодым врачом Джоном Шелли, англичанином по происхождению. Доктор Шелли немного знал немецкий и прекрасно представлял себе, каково быть иностранцем в Испании. Благодаря ему Кольвеник по завершении лечения

получил работу на маленькой фабрике «Вело Гранелл», где производились ортопедические изделия и протезы. Первая мировая в Европе и Рифская война создали все условия для появления спроса на эту продукцию. Тысячи людей, обезображеных ради увеличения прибыли банкиров, премьер-министров, таможенников, биржевых маклеров и прочих патриархов отечества, оказались выброшенными из жизни во имя свободы, демократии, могущества империи, нации и знамени.

Цеха «Вело Гранелл» располагались рядом с рынком в Борне. Там были и ателье с витринами, на которых были выставлены искусственные руки, ноги, глаза и суставы, напоминая всем о хрупкости человеческого тела. Со скромным жалованием и рекомендацией предприятия Михаил Кольвеник обосновался в квартире на улице Принсеса. Он любил читать, и уже через год свободно изъяснялся на испанском.

Его талант и инженерный гений были оценены по достоинству, и довольно быстро он стал одним из главных работников на фабрике. У Кольвеника были широкие познания в области медицины, хирургии и анатомии. Он разработал революционную модель пневматического протеза руки и ноги, движениями которого можно было управлять. Изделие реагировало на мышечные импульсы, что придавало ему огромную подвижность. Это изобретение сделало «Вело Гранелл» одним из лидеров рынка.

И это было лишь начало. На столе Кольвеника не прекращали появляться новые заказы, и в конце концов он был назначен главным инженером активно развивающегося производства.

Через несколько месяцев трагическая случайность позволила молодому Кольвенику вновь проявить свой талант. Сын основателя «Вело Гранелл» попал в ужасный несчастный случай. Гидравлический пресс оставил его без обеих рук, как будто откусив их. Кольвеник несколько недель без устали трудился над созданием новых рук — из дерева, металла и фарфора, которые бы реагировали на импульсы мышц и сухожилий предплечья.

Кольвеник разработал модель, которая работала за счет приема электрических импульсов нервных окончаний.

Через четыре месяца после происшествия пострадавший уже получил новые руки, которыми он мог брать предметы, зажигать сигары и застегивать рубашку без посторонней помощи. На этот раз все были

убеждены, что Кольвеник совершил невозможное.

Не любитель похвал и дифирамбов, Кольвеник скромно отвечал, что он всего лишь трудится на ниве новой науки. В благодарность за его работу основатель фабрики сделал Кольвеника генеральным директором предприятия и одним из главных держателей акций, что фактически превратило его в одного из совладельцев фабрики наряду с тем человеком, которому, благодаря таланту Кольвеника, достались новые руки.

«Вело Гранелл» под началом Кольвеника вошла в новую фазу развития. Фабрика расширила рынок и выпустила новую линию изделий. Символом завода стала черная бабочка с раскрытыми крыльями, чего Кольвеник так и не объяснил. Предприятие выпустило новые механизмы: подвижные суставы, циркуляционные клапаны, костные ткани и множество других изобретений. Парк аттракционов Тибидабо пополнился за счет механизмов, которые Кольвеник проектировал развлечения и эксперимента ради.

«Вело Гранелл» поставляла изделия в Европу, Америку и Азию. Стоимость акций и личное состояние Кольвеника росли, однако он не хотел уезжать из скромной квартирки на улице Принсеса, и говорил, что ему незачем переезжать. Кольвеник был человеком одиноким, жившим простой жизнью, и ему с его книгами вполне хватало такой квартирки.

Но этому суждено было измениться с появлением на игровой доске новой фигуры. Ева Иринова была звездой нового спектакля в Королевском театре. Юной русской диве едва исполнилось девятнадцать лет. Поговаривали, что ее красота стала причиной не одного самоубийства в Париже, Вене и других европейских столицах. Ева Иринова путешествовала в компании двух странных личностей — близнецов Сергея и Татьяны Глазуновых, которые позиционировали себя как агенты и наставники Евы. Ходили слухи, что Ева и Сергей были любовниками, что злобная Татьяна спала в гробу в подземельях Королевского театра, что Сергей убил одного из Романовых, что Ева могла общаться с духами умерших... Какие только сплетни ни окружали славу прекрасной Ириновой, которая очаровала всю Барселону.

Слухи о легендарной певице дошли и до Кольвеника. Заинтересованный, он пошел однажды вечером в театр посмотреть, из-за кого была вся шумиха. Тогда-то он и влюбился в Иринову.

С того дня гримерная певица была в буквальном смысле завалена цветами. Через два месяца Кольвеник забронировал в театре ложу и

каждый вечер любовался оттуда предметом своего восхищения. Что и говорить, за этой историей с пристальным вниманием следил весь город.

Однажды Кольвеник собрал своих юристов и сказал им готовить деловое предложение для импресарио театра — Даниеля Местреса. Он хотел приобрести старый театр вместе со всеми его долгами, полностью его перестроить и превратить в главную сцену Европы. По его мысли, в театре должны были быть последние достижения техники и, конечно, его обожаемая Ева Иринова. Дирекция театра ухватилась за столь выгодную возможность. Новый проект получил название Большого королевского театра.

На следующий день Кольвеник сделал Еве предложение на безупречном русском. Она согласилась.

После свадьбы пара планировала поселиться в шикарном особняке, который жених собирался построить в парке Гуэля. Сам же Кольвеник сделал первый набросок роскошного сооружения, которое могло тянуться с замками Сунийе, Балсельша и Баро. Поговаривали, что впервые в истории Барселоны столько денег было потрачено на постройку частного дома. Однако кое у кого счета на астрономические суммы не вызывали положительных эмоций. Совладелец фабрики «Вело Гранелл» не одобрял помешательства Кольвеника и подозревал, что для осуществления проекта Большого королевского театра были задействованы активы фабрики. Это не прошло незамеченным. В довершение всего по городу пошли слухи, что Кольвеник не исповедовал христианство. Появились сомнения относительно его прошлого и репутации изобретателя, который сделал себя сам. Большая часть этих слухов гибла, не доходя до прессы, так как «Вело Гранел» имела слишком большое влияние в правительственные кругах. Счастья за деньги не купишь, говорил Кольвеник; зато купишь все остальное.

Однако Сергей и Татьяна Глазуновы, злобные стражи Ириновой, угрожали будущему возлюбленных. Для них не было комнаты в новом особняке. Предвидя возможные проблемы с близнецами, Кольвеник предложил им большую сумму денег за расторжение контракта с Евой. В свою очередь, они обязывались покинуть страну и никогда не пытаться связаться с Ириновой. Сергей в ярости наотрез отказался от предложения Кольвеника и сказал, что Михаил с Евой никогда от него не избавятся.

В то самое утро, когда Сергей с Татьяной вышли из подъезда на улице Сан-Поль, на них из кареты обрушился град пистолетных выстрелов. Они выжили чудом. Все решили, что это был теракт анархистов. Через неделю

близнецы подписали бумаги Кольвеника, расторгли контракт с Ириновой и исчезли навсегда.

Свадьба Евы Ириновой и Михаила Кольвеника была назначена на двадцать четвертое июня 1935 года в соборе Барселоны.

Церемония венчания, которую многие сравнивали с коронацией Альфонсо XIII, выпала на ослепительное летнее утро. В каждом уголке улице перед собором стояли зрители, жаждущие приобщиться к пышному, величественному ритуалу. Ева Ирина была прекрасна как никогда. После свадебного марша Вагнера в исполнении оркестра «Лицео» молодожены спустились по ступеням собора к карете, которая их ожидала. Когда до экипажа с белыми лошадьми оставалось меньше трех метров, через кордон охраны прорвался мужчина и бросился к супругам. Раздались взволнованные возгласы. Кольвеник обернулся и увидел налитые кровью глаза Сергея Глазунова.

То, что произошло дальше, свидетели не смогли забыть никогда. Глазунов достал стеклянный пузырек и выплеснул содержимое в лицо Еве. Кислота прожгла фату, и вокруг образовалась завеса пара. Раздался дикий крик. В толпе началось беспорядочное движение, и нападавшему удалось скрыться.

Кольвеник склонился на колени перед невестой и взял ее на руки.

Под действием кислоты черты лица Евы размывались и искажались как свежая акварель в воде. Дымящаяся кожа превращалась в красный пергамент, и воздух наполнил запах горелого мяса. Кислота не попала на глаза невесты, в которых теперь читался ужас и невообразимая боль. Кольвеник пытался спасти лицо жены, но на его пальцах лишь оставались куски мяса, а кислота прожигала перчатки. Когда Ева, наконец, потеряла сознание, ее лицо было уже безобразной маской из костей и голого мяса.

Отреставрированный Королевский театр так и не открыл своих дверей. После трагедии Кольвеник с женой поселился в недостроенном особняке в парке Гуэля. Ева никогда не покидала пределов этого дома. Кислота совершенно изуродовала лицо и повредила голосовые связки. Говорили, что она общается записками и неделями не выходит из своих покоев.

Тем временем становилось ясно, что финансовые затруднения «Вело Гранелл» куда серьезнее, чем предполагалось. Кольвеник чувствовал себя загнанным в угол и скоро перестал появляться на предприятиях. Пошли слухи, что из-за какой-то странной болезни он вынужден все больше

времени проводить за пределами особняка. Достоинием общественности стали многочисленные нарушения в управлении фабрикой и странные сделки, которые в прошлом заключал Кольвеник. Появлялись все новые сплетни и тайные обвинения. Кольвеник, ставший затворником вместе со своей возлюбленной Евой, превратился в фигуранта страшных легенд. В парио. Правительство экспроприировало консорциум сообщества «Вело Гранелл». Расследуя это дело, судебные власти собрали папку, в которой было больше тысячи страниц, и ее содержание постепенно становилось известно широкой публике.

В последующие годы Кольвеник потерял свое состояние, а его особняк превратился в замок теней и развалин. После нескольких месяцев неоплачиваемого труда прислуга ушла, и только личный шофер Кольвеника остался ему верен. Ходили страшные слухи о том, что супруги Кольвеник живут среди крыс, блуждая по своему огромному склепу, в котором сами же себя и похоронили.

В декабре 1948 года ужасный пожар уничтожил дом супругов. Газета «Бруси» писала, что пламя было видно аж из Матаро. Свидетели тех событий утверждали, что небо Барселоны превратилось в багровое покрывало, и что пепельные облака закрывали небо до самого рассвета. Толпа людей молча смотрела на дымившиеся руины здания. Обугленные обнявшиеся тела Евы и Михаила нашли на чердаке. Их фотография появилась на страницах «Вангардии» под заголовком «Конец эпохи».

К началу 1949 года Барселона стала уже забывать историю Михаила Кольвеника и Евы Ириновой. Большой город стремительно менялся, и загадка «Вело Гранелл» стала частью легендарного прошлого, навеки утерянного.

Глава одиннадцатая

История, которую мне рассказал Бенжамин Сентис, незримой тенью преследовала меня до конца недели. Чем больше я прокручивал ее в голове, тем сильнее становилось впечатление, что в ней чего-то не хватает. Чего — уже другой вопрос. Эти размышления не покидали меня от зари до зари, пока я с нетерпением ждал возвращения Марины и Германа.

Вечерами, после окончания занятий, я приходил в их дом проверить, все ли в порядке.

Кафка неизменно встречал меня у главного входа, иногда с охотничьей добычей в клыках. Я наливал молока в его тарелку, и мы беседовали; точнее, он пил молоко, а я разглагольствовал.

Не раз меня посещала заманчивая мысль исследовать пустое жилище, но я не стал этого делать. Присутствие хозяев чувствовалось в каждом углу дома. Обычно я сидел в особняке до наступления сумерек, наслаждаясь теплотой невидимой компании. Я располагался в зале с картинами и часами разглядывал картины, которые Герман написал пятнадцать лет назад. Я видел на этих портретах взрослую Марину, женщину, в которую она превратится. Мне было интересно, смогу ли я когда-нибудь создать что-то настолько же ценное. Хоть сколько-нибудь ценное.

В воскресенье я как штык стоял на вокзале Франции. До прибытия экспресса из Мадрида оставалось еще два часа. Я проводил их, блуждая по зданию, под сводом которого поезда и иностранцы сливались в единый поток странников.

Я всегда думал, что старинный железнодорожный вокзал — это одно из немногих мест в мире, где еще сохранилась магия. В них живут призраки воспоминаний и прощаний вместе с началом сотен путешествий в дальние края, путешествий в один конец. «Если однажды я потеряюсь, пусть меня ищут на вокзале», подумал я.

Свисток мадридского экспресса пробудил меня от философских раздумий. Поезд примчался на станцию на полном ходу, и раздался скрип тормозов. Медленно и степенно, как и положено такой грузной машине, поезд остановился. Первые пассажиры — просто безымянные силуэты — начали сходить с поезда.

Я лихорадочно обыскивал взглядом перрон, сердце бешено билось в груди. Десятки незнакомых лиц мелькали передо мной. Вскоре я начал

задумываться — а не ошибся ли я днем, поездом, вокзалом, городом или планетой. В этот момент я услышал голос, который не мог не узнать.

— Дорогой Оскар, вот так сюрприз. Мы по вам соскучились.

— Могу сказать то же самое, — ответил я, пожимая руку пожилого художника.

Марина вышла из вагона следом.

На ней было то же белое платье, что и в день отъезда. Она молча мне улыбнулась, глаза засияли.

— И как там в Мадриде? — спросил я, взяв у Германа чемодан.

— Чудесно. И в десять раз прекраснее, чем в мой последний визит, — ответил Герман. — Если он не перестанет расти, то скоро займет всю равнину.

Я заметил, что Герман говорил особенно бодро и оживленно, из чего стало ясно, что новости от доктора из Ла-Пас были замечательные. По дороге к выходу, пока Герман поддерживал непринужденную беседу о развитии железнодорожного транспорта с оторопевшим носильщиком, мы с Мариной могли поговорить наедине. Она сильно сжала мне руку.

— Как все прошло? — прошептал я. — Герман вроде бы весел.

— Хорошо. Очень хорошо. Спасибо, что приехал нас встретить.

— Спасибо, что вернулась, — ответил я. — Барселона опустела с вашим отъездом... Мне столько надо тебе рассказать.

Мы остановили у вокзала такси — старенький «Додж», который шумел сильнее мадридского экспресса. Мы ехали по улице Рамblas, и Герман, довольный, улыбался, глядя на людей, рыночные площади и цветочные киоски.

— Пусть говорят, что хотят, но такой улицы нет ни в одном городе мира, дорогой Оскар. Даже в Нью-Йорке.

Марина благосклонно слушала комментарии отца, который после поездки казался оживленнее и моложе.

— Чудесное утро, не правда ли? — быстро спросил Герман.

— Да, — ответил я.

— Так значит, вы сегодня не учитесь...

— Фактически, нет.

Герман перестал улыбаться, и на секунду я увидел мальчика, которым он был несколько десятков лет назад.

— Скажите, Оскар, у вас есть какие-нибудь дела сегодня?

В восемь утра я уже был у их дома, как и просил Герман. Прошлым вечером я сказал своему преподавателю, что у меня в понедельник праздник, и если меня освободят от занятий, то на неделе я буду вечерами заниматься в два раза больше.

— Не знаю, что там у тебя за дела в последнее время. Здесь не отель, но, конечно, и не тюрьма. Ты сам отвечаешь за свои поступки, — заключил падре. — И знаешь, что делаешь, — уже не так уверенно добавил он.

Когда я пришел на виллу в Саррье, Марина готовила корзину с бутербродами и термос с питьем. Кафка, облизываясь, внимательно следил за ее манипуляциями.

— Куда мы идем? — спросил я, заинтригованный.

— Сюрприз, — ответила Марина.

Чуть позже появился Герман, моложавый и полный сил, одетый как гонщик двадцатых годов. Он пожал мне руку и попросил помочь ему в гараже. Я согласился. Оказывается, у них есть гараж. А когда мы с Германом обогнули особняк, я увидел, что на самом деле их целых три.

— Оскар, я очень рад, что вы смогли к нам присоединиться.

Он остановился у третьей двери гаража, увитого плющом, размером с небольшой дом. Рычаг двери со скрежетом поддался. В сумраке помещения поднялся столб пыли. Казалось, гараж был закрыт лет двадцать. Остатки старого мотоцикла, ржавые инструменты и составленные друг на друга коробки были покрыты слоем пыли толщиной с персидский ковер.

Я заметил серый чехол, который предположительно скрывал автомобиль.

Герман взялся за край чехла и сказал мне сделать то же.

— На счет три? — сказал он.

На «три» мы сорвали покрывало с машины, как фату с невесты. Когда облако пыли рассеялось, слабый свет, струившийся между деревьями, представил моему взору необычную картину.

В недрах этой пещеры стоял великолепный «Такер» винного цвета пятидесятых годов, с хромированными покрышками. Я в восхищении уставился на Германа. Он гордо улыбнулся.

— Сейчас такие автомобили уже не делают, дорогой Оскар.

— Мы его выкатим? — спросил я, глядя на автомобиль, который мне казался музеинным экспонатом.

— Оскар, перед вами «Такер». Не мы его выкатим, а он нас вывезет.

Через час мы уже мчались по дороге вдоль побережья. Герман

буквально летел по дороге, закованный в свои доспехи гоночного пионара и вооруженный улыбкой победителя лотереи. Мы с Мариной расположились рядом с ним, на переднем сиденье. В распоряжение Кафки было отдано все заднее сиденье, где он спал в свое удовольствие. Нас все обгоняли, но другие водители глядели на нас с удивлением и восхищением.

— Когда есть стиль, скорость не важна, — прокомментировал Герман.

Мы почти добрались до Бланеса, а я все еще не знал, куда мы едем. Герман был поглощен дорогой, и мне не хотелось его отвлекать. В его манере управлять автомобилем была та же галантность, что и в обращении с людьми: он уступал дорогу пешеходам и кивал мотоциклистам и полицейским. В Бланесе я увидел дорожный знак с надписью «Муниципалитет Тосса-де-Мар». Я повернулся к Марине, и она мне подмигнула. Мне пришло в голову, что, возможно, мы едем в замок Тосса, но «Такер» проехал мимо населенного пункта и поехал по узкой дороге, которая уходила на север вдоль побережья.

Это была не просто дорога, а лента, которая вилась между небом и скалами, с сотней резких поворотов. На крутых склонах росли сосны, и меж их ветвей виднелось теплое синее покрывало моря. Внизу, в сотне метров, были десятки маленьких бухточек и труднодоступных излучин, вдоль которых пролегала секретная дорога между Тосса-де-Мар и Пунто-Прима, а километрах в двадцати было видно порт Сан-Фелиу-де-Гишольс.

Минут через двадцать Герман остановил машину на обочине дороги. Марина посмотрела на меня и кивнула в знак того, что мы на месте. Мы вышли из «Такера», и Кафка побежал впереди между соснами, как будто зная дорогу. Герман убедился, что машина стоит на ручнике и не скатится вниз, а Марина тем временем подошла к склону, спускавшемуся к морю.

Я последовал за ней и залюбовался открывшимся видом. Излучина в форме полумесяца под нашими ногами обнимала прозрачные изумрудные волны. Дальше низина пляжей с каменными глыбами аркой тянулась до Пунто-Прима, где силуэт скита Сант-Эльм бросался в глаза, словно часовой на вершине горы.

— Пойдем скорей, — поторопила Марина.

Мы зашагали вдоль сосен.

Тропа шла мимо старинного заброшенного дома, в котором теперь рос кустарник. Оттуда к золотистому галечному пляжу спускалась сверкавшая на солнце лестница, высеченная в скале. Увидев нас, в небо взметнулась стая чаек, и переместилась на вершину скалы, напоминавшей контурами замок в королевстве моря и света. Вода была такая прозрачная, что можно было разглядеть каждую мелочь на дне.

Вершина скалы выдавалась в центре, словно нос спущенного на воду корабля. Воздух был напоен запахом моря, и вдоль берега дул соленый бриз. Марина рассеянно смотрела на горизонт, подернутый серебряной дымкой.

— Это мое самое любимое место в мире, — сказала она.

Марина решительно настроилась показать мне все закутки скал.

Я сразу сообразил, что для меня такая прогулка может кончиться проломленным черепом или незапланированным купанием.

— Я не горный козел, — возразил я, стараясь доводами здравого смысла убедить ее отказаться от скалолазания без страховок.

Марина, пропустив мои увещевания мимо ушей, стала взбираться по гладким склонам над морем, залезая в расщелины, где прилив вдыхал и выдыхал, словно каменный кит. Я с риском для самолюбия следовал за ней, ожидая, что коварная судьба может в любой момент познакомить меня со всеми статьями закона всемирного тяготения.

И мой прогноз оказался верен. Марина перепрыгнула через небольшую расщелину, чтобы изучить грот в скале. Она сказала, что если это удалось ей, то я просто обязан попробовать.

В следующий момент мои ноги уже омывали средиземноморские волны. Я задрожал от холода и стыда. Марина с тревогой глядела на меня со скалы.

— Я в порядке, — жалобно протянул я. — Не ушибся.

— Холодно?

— Да что ты. Жара.

Марина улыбнулась и на моих изумленных глазах сняла белое платье и нырнула в воды лагуны. Через пару секунд она, улыбаясь, уже стояла рядом со мной. Купание в такое время года было полнейшим безрассудством. Но я решил не отставать от Марины. Мы рассекали волны энергичными движениями, а потом на холодных негнущихся ногах вышли греться на солнце. В висках стучала кровь, и я не мог с уверенностью сказать, что было тому причиной — холодная вода или мокре нижнее белье Марины, которое было в пределах моей видимости.

Она заметила мой взгляд и пошла искать платье, которое лежало на склоне скалы. Я смотрел, как она лавировала между камнями и как каждый мускул ее тела напрягался под влажной кожей при движении. Я облизнул соленые губы и вдруг почувствовал, что дико проголодался.

Остаток дня мы провели в этом скрытом от всего мира уголке,

поглощая бутерброды из корзины. Марина рассказала историю заброшенного особняка посреди соснового бора. Дом принадлежал голландской писательнице, которая из-за неведомой болезни постепенно теряла зрение. Понимая, что ее ожидает, она решила построить убежище в скалах и провести там свои последние светлые дни, сидя на пляже и любуясь морем.

— Писательница проводила время в компании немецкого пастора Саши и своих любимых книг, — рассказывала Марина. — Окончательно потеряв зрение, она сознавала, что никогда больше не увидит рассвет над морем, и попросила рыбаков, которые бросали якорь под скалой, позаботиться о Саше. Через несколько дней она на рассвете взяла лодку и заплыла далеко в море. Больше ее не видели.

Почему-то мне казалось, что история голландской писательницы была плодом воображения Марины, и я так ей и сказал.

— Иногда в воображении существует более реальный мир, Оскар, — сказала она. — Мы помним только то, чего никогда не было.

Герман спал, прикрыв лицо широкополой шляпой. Кафка лежал у него в ногах. Марина грустно смотрела на отца. Чтобы не тревожить сон Германа, я взял Марину за руку и повел на другой конец пляжа. Там мы сели на камни, отполированные волнами, и я рассказал ей обо всем, что узнал за прошедшую неделю.

Я не упустил ни одной детали, начиная с появления дамы в черном на вокзале и заканчивая историей Михаила Кольвеника и «Вело Гранелл», которую мне поведал Бенжамин Сентис, и не забыл рассказать о странном существе, которое я видел в грозу у дома Марины. Она молча слушала, отсутствующим взглядом созерцая маленькие водовороты, которые волны оставляли у ее ног.

Так мы сидели и молчали довольно долго, глядя на отдаленный силуэт скита Сант-Эльм.

— Что сказал врач из Ла-Пас? — наконец спросил я.

Марина подняла взгляд. Солнце уже садилось, и в его янтарных отблесках я увидел слезы в глазах моей подруги.

— Что осталось мало времени...

Я обернулся и увидел, как Герман машет нам рукой. У меня сжалось сердце, а горло сдавило, словно удавкой.

— Он не знает, — сказала Марина.

— Так лучше.

Я взглянул на Марину и заметил, как она быстрым, легким движением вытерла слезы. Не знаю, что на меня нашло, но я вдруг набрался смелости и нагнулся к ее лицу, чтобы поцеловать ее. Марина положила пальцы на мои губы и погладила меня по щеке, медленно отстраняясь. Потом она встала и зашагала прочь.

Я вздохнул.

Я встал и направился к Герману, который что-то рисовал в небольшом альбоме. Я вспомнил, что он уже много лет не держал в руках ни карандаша, ни кисти.

Герман поднял взгляд и улыбнулся мне.

— Скажите-ка, Оскар, как вы думаете, — похоже получилось? — спросил художник, отвлекая меня от забот, и показал мне альбом. Карандашные штрихи с неправдоподобной точностью запечатлели лицо Марины.

— Просто потрясающе, — пробормотал я.

— Вам нравится? Я рад.

На другом конце пляжа был виден неподвижный силуэт Марины, которая смотрела на море. Герман посмотрел сначала на нее, потом на меня. Он вырвал листок и протянул его мне.

— Это вам, Оскар, чтобы вы не забывали мою Marinу.

Постепенно сумерки превратили море в расплавленную медь. Герман все улыбался и рассказывал забавные истории, которые случались с ним за рулем «Такера». Марина слушала его, улыбаясь его шуткам, и я снова почувствовал между ними эту незримую связь, казавшуюся мне волшебством. Я ехал молча, прижавшись лбом к стеклу и пытаясь совладать с досадой. На полпути Марина молча взяла мою руку и пожала ее.

Когда мы приехали в Барселону, на город уже спускались сумерки. Герман настоял на том, чтобы проводить меня до дверей интерната. Он припарковал «Такер» возле ограды и протянул мне руку. Марина зашла со мной на территорию. Ее присутствие обжигало, и я не знал, куда от этого деться.

— Оскар, если я чем-то...

— Нет.

— Послушай, Оскар, есть вещи, которых ты не понимаешь, но...

— Очевидно, — отрезал я.

— Подожди, — сказала Марины, стоя у ограды.

Я остановился возле пруда.

— Я хочу, чтобы ты знал: сегодня был один из лучших дней в моей жизни, — сказала она.

Когда я повернулся, чтобы ответить, Марина уже ушла.

Каждая ступенька лестницы давалась с таким трудом, как будто ботинки у меня были из свинца. По дороге я встретил кое-кого из товарищней. Они косились на меня, как будто впервые видели в интернате. По колледжу распространились слухи о моих таинственных похождениях. Но меня это не волновало. Я взял со стола в коридоре газету, отправился в свою комнату, лег на кровать и положил на газету на грудь. Из коридора доносились голоса. Я зажег ночник и попытался укрыться от реального мира в колонках газеты. Но имя Марины было в каждой строчке. «Это пройдет», — подумал я.

Через какое-то время прозаичные новости отвлекли меня от гнетущих мыслей. Чтобы забыть о собственных проблемах, надо почитать про чужие. Войны, аферы, убийства, мошенничества, гимны, дефиле и футбол. В мире ничего не изменилось. Уже спокойнее я продолжил читать. Сначала я не заметил. Там была маленькая заметка, просто чтобы занять место. Я сложил газету пополам и поднес ее к свету.

В канализациях Барселоны найден труп. Густаво Берсео, редакция.

Тело восьмидесятитрехлетнего Бенджамина Сентиса была найдено в четверг рано утром в четвертом коллекторе канализационной сети Сиутат-Вея. Как туда попал труп неизвестно, коллектор был закрыт с 1941 года. Предполагаемая причина смерти — сердечный приступ. Однако по нашим источником, труп был обнаружен без обеих рук.

В сороковые годы Бенжамин Сентис был известен в связи со скандалом на предприятии «Вело Гранелл», совладельцем которого он был. В последнее время, практически разоренный, он вел уединенную жизнь в маленькой квартирке на улице Принсеса, не поддерживая родственных связей.

Глава двенадцатая

Ночью я не смыкал глаз, снова и снова прокручивая в голове рассказ Сентиса. Я еще несколько раз перечитал заметку о его гибели в надежде среди букв и знаков препинания найти некий скрытый смысл. Старик не сказал мне, что это он был совладельцем «Вело Гранелл» вместе с Кольвеником. Если в остальном он не соврал, получается, что Сентис — сын основателя фабрики, унаследовавший половину ее акций, когда Кольвеник стал генеральным директором.

Это открытие меняло местами все кусочки головоломки. Если Сентис обманул меня в одном, мог обмануть и во всем остальном.

Когда рассвело, я все ломал голову над этой историей и ее связкой. В тот вторник во время перерыва я убежал из интерната, чтобы встретиться с Мариной. Она, в который раз прочитав мои мысли, уже ждала меня в саду с газетой в руках. Хватило одного взгляда, чтобы понять: она читала заметку о гибели Сентиса.

— Этот человек тебя обманул... А теперь он мертв.

Марина бросила боязливый взгляд дом, как будто боялась, что Герман мог нас услышать.

— Пойдем-ка лучше прогуляемся, — предложила она.

Я согласился, хотя меньше чем через полчаса должен был вернуться на занятия.

Наш маршрут привел нас в парк Санта-Амелия на границе с кварталом Педральбес. В центре парка возвышался недавно отреставрированный особняк. В одном из старинных залов ныне располагалось кафе. Мы уселись за столик возле большого окна, и Марина вслух прочитала заметку, которую я уже помнил наизусть.

— Тут нигде не сказано, что это было убийство, — неуверенно заметила Марина.

— Конечно, тут не сказано. Но сама подумай: человека, который двадцать лет жил как затворник, находят мертвым в канализации, без обеих рук...

— Согласна. Это убийство.

— Это больше чем просто убийство, — сказал я напряженно. — Что мог Сентис делать посреди ночи в заброшенном канализационном туннеле?

Официант, протирающий стаканы за барной стойкой, от скуки стал

вслушиваться в наш разговор.

— Потише, — прошептала Марина.

Я внял ее просьбе и постарался успокоиться.

— Тогда нужно пойти в полицию и рассказать о том, что мы знаем, — заметила Марина.

— Ничего мы не знаем, — возразил я.

— Скорее всего, нам все же известно больше чем им. Неделю назад таинственная женщина дает тебе карточку с адресом Сентиса и эмблемой черной бабочки. Ты навещаешь Сентиса, который утверждает, что ему ничего об этом не известно, но рассказывает про Михаила Кольвеника и «Вело Гранелл», втянутых в странную историю сорокалетней давности. Почему-то он не упоминает, что принимал непосредственное участие в событиях, и что он и есть сын основателя фабрики, которому Кольвеник после несчастного случая изготовил искусственные руки... А спустя неделю тело Сентиса находят в канализационном туннеле...

— Без протезов... — добавил я, вспомнив, что Сентис не пожал мне руку в нашу первую встречу.

Когда я подумал о его негнущихся руках, меня пробрала дрожь.

— Когда мы вошли в эту оранжерею, мы задели какие-то нити... — сказал я, пытаясь упорядочить факты в голове, — и впутались. Дама в черном сама передала мне эту карточку.

— Оскар, мы не знаем наверняка, что карточка полагалась именно тебе, и зачем она это сделала, мы тоже не имеем представления. Мы даже не знаем, кто она...

— Зато она знает, кто мы и где находимся. А раз она знает это...

Марина вздохнула.

— Надо сейчас же позвонить в полицию и забыть эту историю как можно скорее, — сказала она. — Мне все это не нравится, к тому же не наше это дело.

— Еще как наше, с тех пор как мы пошли за дамой в черном.

Марина перевела взгляд на парк за окном. Двое детей пытались запустить в небо воздушного змея. Глядя на них, она спокойно сказала:

— И что ты предлагаешь?

Я прекрасно знал, что предложу.

Лучи заходящего солнца освещали церковь на Плаза-Саррья, когда мы с Мариной пошли по проспекту Бонанова в сторону оранжереи. Мы потрудились взять с собой фонарь и коробок спичек. Обогнув улицу Ирадиера, мы пошли по пустынным улицам вдоль железнодорожных

путей.

Эхо поездов доходило до Вайвидреры, где растворялось среди деревьев. Вскоре мы увидели переулок, в котором в прошлый раз потеряли даму в черном и обнаружили оранжерею. Мощеная уличка была покрыта слоем сухих листьев. Мы вошли в заросший двор. Растительность, отбрасывавшая студенистые тени, колыхалась на слабом ветру, и меж облаков уже проглядывала луна. С наступлением темноты начинало казаться, что поверхность оранжереи покрывают не заросли плюща, а клубки змей. Мы обогнули здание и подошли к задней двери. При свете спички мы увидели под слоем мха эмблему Кольвеника и «Вело Гранелл». Я сглотнул и посмотрел на Марину. Ее лицо было мертвенно-бледным.

— Это была твоя идея... — сказала она.

Я включил фонарик, и в красноватых отсветах увидел порог оранжереи. Прежде чем войти, мы окинули помещение взглядом. При свете дня оно показалось мне несколько зловещим. Ночью же оно напоминало съемочную площадку фильма ужасов. Луч фонаря выхватил из тьмы плавные очертания посреди строительного мусора. Я шел следом за Мариной, освещая нам дорогу. Влажная почва хлюпала под ногами.

До нашего слуха донеслось леденящее душу пощелкивание сверху: то сталкивались друг с другом деревянные куклы. В центре оранжереи тени сгущались. Я не сразу вспомнил, поднят или опущен был механизм, к которому крепились марионетки, когда мы оттуда уходили. Я взглянул на Марину и понял, что она думает о том же.

— После нас тут кто-то побывал... — сказала она, указывая на скопление фигур, зависшее на средней высоте между крышей и полом.

Над нами покачивалось множество ног.

По спине пробежал холодок: кто-то возвращался, чтобы опустить кукол. Не теряя времени, я направился к письменному столу и передал фонарь Марине.

— Что мы ищем? — тихо спросила она.

Я увидел на столе альбом со старыми фотографиями, взял его и убрал в рюкзак.

— Оскар, этот альбом не наш, и я не знаю...

Я пропустил мимо ушей ее высказывание и нагнулся, чтобы изучить ящики стола. В первом лежали ржавые инструменты, ножи, иголки и старые двусторонние пилы. Второй был пустым. Маленькие черные пауки разбежались по трещинам в дереве ящика. Я закрыл его и попробовал третий ящик. Он был заперт.

— Что там? — с беспокойством прошептала Марина.

Я взял нож из первого ящика и попытался сломать замок. Марина, стоя у меня за спиной, держала фонарь и смотрела на тени, танцующие на стенах оранжереи.

— Долго еще?

— Успокойся. Еще минута.

Я уже чувствовал, что нож уперся в замок. Я повернул его и стал сверлить вращательными движениями. Подгнившее сухое дерево легко поддавалось. Раздался громкий треск. Марина присела рядом со мной и положила фонарь на землю.

— Что это за шум? — быстро спросила она.

— Это замок сломался...

Она положила свои руки поверх моих, чтобы я прекратил сверлить.

На несколько секунд повисла мертвая тишина. Я рукой чувствовал быстрое сердцебиение Марины.

А потом я тоже услышал. Треск дерева наверху. Что-то двигалось в темноте между куклами. Я поднял взгляд и едва успел заметить очертание чего-то вроде руки, двигавшейся по извилистой траектории. Как будто одна марионетка отцепилась и заскользила меж креплений как змея. В тот же момент задвигались остальные.

Я с силой сжал нож и дрожа поднялся на ноги. В следующий момент кто-то или что-то выбило фонарь из-под наших ног. Он укатился в угол, и мы остались в кромешной тьме. Тогда мы снова услышали этот звук. Он приближался.

Я схватил подругу за руку, и мы бросились к выходу.

Тут механизм, на котором были закреплены фигуры, начал медленно опускаться, руки и ноги задевали наши головы, как будто пытаясь схватить за одежду. Я почувствовал на затылке металлические когти. Рядом со мной закричала Марина, и я толкнул ее вперед, чтобы она первая прорвалась через туннель кошмарных созданий, которые медленно спускались на нас в темноте. Лунный свет, струившийся сквозь покрывало плюща, позволял различить уродливые лица со стеклянными глазами и эмалированными зубами.

Я что было силы размахивал ножом. Наконец, нож полосонул твердое тело. На мои пальцы пролилась густая жидкость. Я отдернул руку. Что-то потащило Марину в темноту, она в ужасе завизжала, и я увидел жуткое безглазое лицо деревянной балерины с пустыми черными глазницами. Ее

пальцы впились Марине в горло как клыки. На ее лице была маска из мертвой кожи.

Я бросился на нее и повалил на землю.

Мы с Мариной побежали к двери, а обезглавленная балерина поднялась на ноги и стала размахивать руками на невидимых нитях, словно это были ножницы.

Когда мы вырвались из оранжереи, я увидел, что дорогу к калитке нам загораживает множество темных силуэтов. Мы бросились в противоположном направлении — к стене, отделявшей этот земельный участок от железнодорожных путей, вдоль которой была длинная стеклянная галерея. Ее двери были покрыты многолетним слоем грязи. Заперто. Я локтем разбил стекло и нашупал внутренний замок. Задвижка поддалась, и я открыл дверь изнутри. Мы быстро зашли внутрь.

Через задние стекла в галерею попадали два пятна молочного света.

Сбоку уже виднелись рельсы железной дороги. Марина обернулась и посмотрела назад. Возле двери галереи вырисовывались угловатые силуэты.

— Скорей! — крикнула она.

Я в отчаянии стал оглядываться в поисках предмета, которым можно было разбить стекло. В темноте я с трудом различил кузов старого автомобиля. Перед ним лежал маховик. Я схватил его и бросился к стеклу, рукой защищая лицо от осколков. Ночной бриз ударил мне в лицо, и я почувствовал, насколько спертым был воздух в туннеле.

— Сюда! — Марина подтянулась к отверстию в стеклянной стене. Силуэты медленно двигались в нашу сторону.

Я обеими руками держался за металлический маховик, раскручивая его в воздухе. Вдруг фигуры резко подались назад. Я непонимающе смотрел на них, как вдруг услышал вверху металлический звук и бросился к стеклу как раз в тот момент, когда с потолка упало тело. Я узнал безрукого полицейского. Его лицо тоже было прикрыто слоем грубо сшитой мертвой кожи. Швы кровоточили.

— Оскар! — крикнула Марина, которая уже стояла по другую сторону стекла.

Я бросился к разбитому отсеку, по краям которого торчали осколки стекла. Один из них порвал мне брюки и поцарапал ногу. Он легко прорезал кожу, а я перевалился на другую сторону, и почувствовал, как боль впилась в меня стальными клыками. По ноге потекла теплая струя крови.

Марина помогла мне подняться, и мы перешли через железную дорогу. В этот момент что-то схватило меня за лодыжку, и я упал навзничь прямо на рельсы. Оглушенный, я обернулся. На моей ноге сомкнулась рука ужасной марионетки. Она потащила меня к рельсам, и я почувствовал вибрацию металла. От стеклянных стен отражался свет приближающегося поезда. Я услышал лязг и ощутил, как подо мной задрожала земля.

Увидев, что к нам на полной скорости приближался поезд, Марина взвизгнула, упала на колени рядом со мной и стала поочередно разжимать деревянные пальцы, сдавившие мою лодыжку. Свет от поезда упал на ее лицо, и я услышал, как взвыл свисток. Марионетка лежала недвижно и продолжала сжимать мою ногу. Марина обеими руками пыталась освободить меня. Один палец поддался. Она вздохнула.

В следующий миг существо поднялось и второй рукой схватило Марину за предплечье. Маховиком, который все еще был у меня в руках, я со всей силы ударил куклу в лицо, так что услышал, как ломается череп. Тут я с ужасом осознал, что марионетка была не из дерева, а из плоти. В этом создании была жизнь.

Поезд оглушительно шумел, так что наших криков не было слышно. Камни на шпалах дрожали. На нас упал луч фар.

Я закрыл глаза и продолжил лупить куклу маховиком, и наконец почувствовал, как ее голова отделилась от тела. Только после этого хватка чудища ослабла.

Ослепленные светом, мы перекатились по камням в сторону. Многотонная металлическая машина промчалась всего в нескольких сантиметрах, обдав нас дождем искр. Останки уродца дымились на рельсах, словно угли в костре.

Когда поезд проехал мимо, мы открыли глаза. Я повернулся к Марине и кивнул в знак того, что я в порядке. Мы медленно поднялись. Ногу пронзила пульсирующая боль.

Марина положила мою руку вокруг своего плеча, и таким образом мы перебрались на другую сторону железной дороги. Только когда мы там оказались, нам хватило смелости оглянуться. Что-то двигалось между рельсами, сверкая под луной. Это была деревянная рука, отрезанная поездом. Она конвульсивно дергалась, увеличивая амплитуду, а потом замерла. Не говоря ни слова, мы прошли через кусты и направились вверх по улице Ангиль. Вдалеке слышался звон колоколов.

К счастью, когда мы пришли, Герман спал у себя в кабинете.

Марина тайком провела меня в одну из ванных комнат, чтобы при свечах смыть с ноги кровь. Плиточные стены и пол отражали свет. В центре располагалась массивная ванна на четырех металлических ножках.

— Снимай штаны, — сказала Марина с аптечкой в руках, стоя ко мне спиной.

— Что?

— Ты слышал.

Я сделал то, что она говорила, и положил ногу на край ванны. Порез был глубже, чем мне казалось, а кожа по краям уже стала ярко-красной. Меня затошило.

Марина встала на колени и внимательно осмотрела рану.

— Тебе больно?

— Только когда смотрю на ногу.

Моя свежеиспеченная медсестра взяла пропитанный спиртом кусочек хлопковой ткани и поднесла его к порезу.

— Будет жечь...

Когда спирт попал на рану, я сжал край ванны с такой силой, что там должны были остаться отпечатки моих пальцев.

— Мне жаль, — прошептала Марина и подула на рану.

А мне-то как жаль.

Я глубоко вздохнул и закрыл глаза, а Марина продолжила аккуратно промывать мне рану. Наконец, она взяла из аптечки бинт и твердой рукой, как профессионал, приложила к порезу, не отрывая глаз от того, что делала.

— Им нужны были не мы, — сказала Марина.

Я не очень понимал, о чём она.

— Этим марионеткам в оранжерее, — добавила она, не глядя на меня. — Им нужен был альбом с фотографиями. Мы не должны были его брать...

Я чувствовал ее дыхание на своей коже, когда она перевязывала мне ногу.

— Про тот день на пляже... — начал я.

Марина замерла и подняла взгляд.

— Нет, ничего.

Она наложила последний бинт на порез и молча посмотрела на меня. Казалось, Марина хотела что-то сказать, но в итоге лишь встала и вышла из ванной.

Я остался в компании свечей и рваных штанов.

Глава тринадцатая

В интернат я вернулся уже за полночь, когда все товарищи уже легли спать, но из замочных скважин их комнат в коридор еще струился свет. Я на цыпочках пробрался в свою комнату. Я с огромным облегчением закрыл дверь и взглянул на будильник на прикроватной тумбочке. Почти час ночи. Я включил настольную лампу и вытащил из сумки альбом с фотографиями, который мы взяли в оранжерею.

Я открыл альбом и по новой погрузился в калейдоскоп персонажей, которые его населяли. На одном изображении была рука со сросшимися перепончатыми пальцами, как у амфибий. На следующей странице белокурая девочка в светлом платье улыбалась почти демоническим оскалом, обнажавшим волчьи клыки над губами. Страница за страницей проходили передо мной эти жуткие капризы природы.

Две альбиносы, кожа которых, казалось, сгорит от первого же луча солнца. Сиамские близнецы, сросшиеся головами, всю жизнь повернутые лицом друг к другу. Обнаженное тело женщины с позвоночником, кривым, как сухая ветка... Почти все были детьми или подростками, многие младше меня. Взрослых и стариков единицы. Я понимал, что надежды на жизнь у этих созданий практически не было.

Я вспомнил, как Марина сказала, что альбом не наш и мы не должны были его трогать. Теперь, когда адреналин больше не играл в крови, это высказывание представлялось мне в ином свете. Своими действиями я осквернял чужие воспоминания, которые мне никогда не принадлежали. В каком-то смысле коллекция печальных снимков этих несчастных была семейным альбомом. Я быстро просмотрел все страницы, чувствуя между фотографиями связь, которая была сильнее времени и пространства. Наконец, я закрыл альбом, убрал его обратно в сумку и выключил свет. В голове возник образ Марины, которая шла по своему любимому пляжу вдоль берега. Я провалился в сон.

На следующий день тучам надоело бороздить просторы барселонского неба, и они унесли дожди на север. Словно тюремный заключенный, я сбежал с последнего урока, чтобы встретиться с Мариной. Тучи больше не заслоняли синее покрывало неба.

Солнце ласкало теплыми лучами улицы города. Она ждала меня в саду, сидя за своей таинственной тетрадью и закрыла ее, как только увидела

меня. Я спросил, о чем она писала — обо мне или о том, что с нами случилось в оранжерее.

— Как твоя нога? — спросила она, прижимая тетрадь обеими руками к груди.

— Жить буду. Пойдем, мне надо тебе кое-что показать.

Я достал из сумки альбом, сел рядом с ней на парапет фонтана и перевернул несколько страниц. Марина горестно вздохнула, увидев снова эти изображения.

— Вот, — сказал я, остановившись на фотографии в конце альбома, — пришло мне в голову утром.

— До сегодняшнего дня я не замечал...

Марина пригляделась к снимку, который я показывал. Это была черно-белая фотография, очень четкая и контрастная, такая, которую можно было бы встретить в приложении к научной диссертации. На ней был запечатлен человек с сильно деформированным черепом и искривленным позвоночником, который едва выдерживал вес несчастного. Он опирался на молодого человека в белом халате и круглых очках, с аккуратными усами и галстуком. Это явно был врач.

Доктор смотрел в объектив, а пациент прикрывал глаза рукой, будто бы стыдясь своего вида. Позади просматривалась гардеробная и вход в медицинскую консультацию.

В углу была приоткрытая дверь, из-за которой выглядывала маленькая девочка с куклой в руках. В отличие от остальных снимков, этот представлял собой нечто большее, чем медицинский документ.

— Посмотри внимательнее, — настойчиво сказал я.

— Я вижу только этого бедолагу...

— Смотри не на него, а на то, что за его спиной.

— Окно...

— А что ты видишь в этом окне?

Марина нахмурила брови.

— Узнаешь? — спросил я, указывая на изваяние дракона на фасаде здания, которое было видно из окна.

— Я его где-то видела...

— Я подумал то же самое, — подтвердил я. — Это здесь, в Барселоне, на улице Рамblas, перед театром «Лицео». Из всех снимков только этот был сделан в Барселоне, — я вытащил фотографию из альбома и протянул ее Марине. На обороте едва различимыми буквами было написано:

Студия фотографии «Марторель Боррас», 1951

Доктор Джон Шелли, улица Рамбла-Де-Лос-Эстудиантес 46,
48, первый этаж
Барселона

Марина пожала плечами и отдала мне снимок.

— Оскар, это ничего не значит. Уже тридцать лет прошло...

— Сегодня утром я заглянул в телефонную книжку. Некий доктор Шелли по-прежнему проживает на первом этаже по адресу Рамбла-Де-Лос-Эстудиантес 46, 48. Имя показалось мне знакомым, и я вспомнил, что Сентис упоминал Джона Шелли, который стал первым другом Кольвеника в Барселоне...

Марина пристально посмотрела на меня.

— И ты на радостях не ограничился ознакомлением с телефонной книжкой...

— Я ему позвонил, — признался я. — мне ответила дочь доктора Шелли, Мария, и я сказал, что нам необходимо побеседовать с ее отцом по очень важному вопросу.

— И тебе просто так удалось?

— Сначала нет, но когда я упомянул имя Кольвеника, она заговорила по-другому. Ее отец примет нас.

— Когда?

Я посмотрел на часы.

— Через сорок минут.

На Плаза-Каталунья мы сели в метро. Уже смеркалось, когда мы подошли к лестнице, выходившей на улицу Рамблас. Приближалось Рождество, и город был освещен множеством гирлянд. Фонари освещали контуры разноцветных силуэтов вдоль бульвара. Стая голубей перемещались между цветочными киосками и кафе, бродячими музыкантами и кафешантанами, туристами и местными, полицейскими и мошенниками, горожанами и призраками других эпох. Герман был прав: такого города нет нигде в мире.

Перед нами возвышался силуэт театра «Лицео», в котором сегодня давали оперу.

Приемная доктора Джона Шелли, которая работала уже много лет, занимала первый этаж тускло освещенного старого особняка.

Мы пересекли похожий на пещеру вестибюль, в котором была роскошная лестница в виде спирали, поднимавшаяся на второй этаж. Эхо

наших шагов заполняло холл. Я заметил, что молоточки на дверях были выполнены в виде ангельских лиц. Витражи на подобие соборных украшали слуховые окошки, превращая помещение в огромный калейдоскоп. На первом этаже, как и во всех домах того времени, их не было, только на третьем.

Наконец, мы дошли до двери с бронзовой табличкой с надписью «Доктор Джон Шелли». Я посмотрел на часы. До назначенного нам времени оставалось две минуты. Марина постучалась.

Вне всяких сомнений, женщина, открывшая нам дверь, сошла с церковной фрески — хрупкая, чистая и загадочная. Ее кожа была снежно-белой, почти прозрачной, а глаза совсем-совсем светлыми. Ангел без крыльев.

— Сеньора Шелли? — вежливо обратился к ней я.

Она кивнула, и во взгляде зажглось любопытство.

— Добрый день, — начал я. — Меня зовут Оскар. Мы беседовали сегодня утром...

— Я помню. Проходите, проходите...

Она жестом пригласила нас внутрь. Мария Шелли двигалась с плавностью и грациозностью балерины, распространяя аромат розовой воды. У нее была стройная фигура, и я подумал, что ей, должно быть, тридцать с небольшим лет, хотя выглядела она моложе. Ее запястье было перебинтовано, а вокруг лебединой шеи был обернут шарф. Вестибюль приемной был темным помещением с бархатными стенами и матовыми зеркалами. В доме пахло как в музее, будто бы этот воздух был заперт в помещении много лет.

— Большое вам спасибо, что согласились нас принять. Это моя подруга Марина.

Мария перевела взгляд на Марину. Меня всегда восхищало, как женщины друг друга оценивают. Наш случай не был исключением.

— Очень приятно, — наконец вымолвила Мария Шелли протяжно. — Мой отец — человек преклонных лет и очень непостоянного характера. Очень вас прошу не слишком его утомлять.

— Не беспокойтесь, — ответила Марина.

Она жестом показала, чтобы мы следовали за нею. Воистину, Мария Шелли обладала змеиной грацией.

— Вы сказали, что знаете что-то о покойном сеньоре Кольвенике... — сказала она.

— Вы его знали? — спросил я в свою очередь.

Ее лицо осветилось воспоминаниями о других временах.

— На самом деле, нет... Слышала я о нем много, да. В детстве, — добавила она, будто бы разговаривая сама с собой.

Обитые черным бархатом стены были увешаны изображениями святых, дев и великомучеников. Фон же был таким темным, что полностью впитывал слабый свет, который попадал в помещение через щели в занавесках. Мы шли за хозяйкой дома, а я тем временем прикидывал, сколько времени она прожила здесь, вдвоем с отцом.

Выходила ли она замуж, жила ли, любила, чувствовала хоть что-нибудь за пределами этих темных стен?

Мария Шелли остановилась возле двери и постучала костяшками пальцев.

— Отец?

Доктор Джон Шелли, точнее то, что от него осталось, сидел в кресле перед камином, задрапировавшись одеялом. Его дочь оставила нас с ним наедине, и пока она не вышла из комнаты, я не мог оторвать взгляд с ее осиной талии. Старый врач, в котором я с трудом узнал человека с фотографии, молча нас разглядывал. В его глазах читалось недоверие, рука на подлокотнике кресла дрожала. Одеколон не перекрывал исходивший от него запах болезни. Саркастичная улыбка не скрывала неприязни ко всему миру и к своему нынешнему состоянию.

— Время делает с телом то же самое, что глупость с душой, — сказал он, указывая на себя, — гробит. Зачем вы пришли?

— Спросить, не могли бы вы рассказать нам о сеньоре Кольвенике.

— Мог бы, только мне незачем, — отрезал старик. — Я в свое время много чего рассказывал, и все было ложью. Если бы люди говорили хотя бы четверть того, что думают на самом деле, этот мир был бы раем.

— Да, но нам нужна правда, — возразил я.

Старик ухмыльнулся.

— Правда на дороге не валяется, сынок. Ее надо искать.

Я попытался понимающе улыбнуться, но начинал подозревать, что этого человека на слове не поймаешь. Марина, угадав мои опасения, перехватила инициативу.

— Доктор Шелли, — сказала она ласково, — в наши руки случайно попала коллекция фотографий, которая может иметь отношение к сеньору Михаилу Кольвенику. На одном из снимков изображены вы с одним из своих пациентов. Именно поэтому мы взяли на себя смелость вас

побеспокоить, надеясь вернуть коллекцию законному хозяину или другому человеку, который имеет на нее права.

На этот раз в ответ не прозвучало ядовитой фразы. Врач смотрел на Марину, не скрывая своего удивления. Почему же мне не пришла в голову такая хитрость? Я решил, что лучше мне уступить право вести беседу Марине.

— Понятия не имею ни о каких фотографиях, сеньорита...

— Речь идет о снимках пациентов с врожденными уродствами, — пояснила Марина.

В глазах доктора зажегся огонек — нам удалось затронуть какие-то струны. Все-таки в этом человеке еще теплилась жизнь.

— А с чего вы взяли, что эта коллекция принадлежала Михаилу Кольвенику? — с напускным равнодушием спросил он. — И какое вы имеете к ней отношение?

— Ваша дочь сказала, что Михаил Кольвеник был вашим другом, — уклончиво ответила Марина.

— Да, простодушия ей не занимать, — враждебно отрезал Шелли.

Марина кивнула и поднялась, жестом указывая мне сделать то же.

— Я поняла, — сказала она вежливо. — Теперь ясно, что мы ошиблись. Просим прощения, что побеспокоили вас, доктор. Пойдем, Оскар. Мы еще встретим того, кому могли бы отдать коллекцию...

— Секунду, — резко сказал Шелли.

Откашлявшись, он рукой указал нам, чтобы мы снова сели.

— Альбом все еще у вас?

Марина кивнула, в упор глядя на старика. Вдруг Шелли издал что-то вроде смешка. Звук был похож на шелест старой газеты.

— А откуда мне знать, что вы понимаете под правдой?

Марина отдала мне безмолвный приказ. Я достал фотографию из сумки и протянул ее доктору Шелли. Он долго смотрел на нее, а потом, наконец, повернулся к камину и заговорил.

Он рассказал нам, что родился в семье англичанина и испанки. В больнице в Борнмуте он специализировался на травматологии. Когда молодой врач приехал в Барселону, статус иностранца не позволял ему вращаться в подобающих кругах. Должность тюремного врача была самым лучшим из поступивших предложений, и он согласился. Михаил Кольвеник лечился у Шелли после своего избиения.

На тот момент Кольвеник не говорил ни на одном испанском наречии. К счастью, Шелли немного знал немецкий. Он одолжил Кольвенику денег,

нашел ему квартиру и работу на «Вело Гранелл». Кольвеник очень привязался к врачу и никогда не забывал его великодушия.

Они стали очень хорошими друзьями.

Со временем дружба подкрепилась и профессиональными интересами. Многим пациентам Шелли нужны были протезы. Среди изготавителей данной продукции «Вело Гранелл» была лидером рынка, а Кольвеник — самым талантливым инженером.

Вскоре Шелли стал личным врачом своего друга. Как только фортуна улыбнулась Кольвенику, они вложили деньги в создание медицинского центра по изучению и лечению врожденных заболеваний и мутаций.

Интерес Кольвеника к данной теме зародился еще в Праге. Шелли рассказал, что мать Кольвеника произвела на свет близнецов. Один из них, Михаил, родился сильным и здоровым. Другой же, Андрей, страдал врожденным неизлечимым заболеванием костных и мышечных тканей. Он не прожил и семи лет. Этот эпизод врезался Михаилу в память до такой степени, что повлиял на выбор профессии. Кольвеник всегда думал, что при надлежащем лечении и высоком уровне развития технологий, которые должны исправлять просчеты природы, его брат не умер бы так рано и мог бы жить полной жизнью.

Именно это убеждение заставило его заняться механизмами, которые, как он любил говорить, «дополняют» тела, по воле судьбы лишенные каких-то частей.

«Природа — словно ребенок, который играет с нашими жизнями. Когда ей надоедают старые и сломанные, им на смену приходят другие, — говорил он. — Наша задача перебрать детали и собрать их по-новому».

Некоторые видели в этих высказываниях дерзость, граничившую с богохульством. Для других же они были источником бесконечной надежды.

Тень брата никогда не покидала Кольвеника.

Он полагал, что лишь по воле случая из них двоих именно он родился здоровым, а брат был обречен на смерть. Шелли добавил, что Михаил в глубине души чувствовал себя виноватым, и не только перед Андреем, но и перед всеми людьми, над которыми природа сыграла такую злую шутку.

В то время Кольвеник начал собирать по всему миру снимки людей с деформированными телами. Для него все эти обезображеные природой существа были братьями Андрея. Его семьей.

— Михаил Кольвеник был выдающимся человеком, — продолжил доктор Шелли. — А такие люди зачастую вызывают неприязнь у менее одаренных. Зависть — это слепота, которая вырывает глаза с корнем. Сколько клеветы в адрес Михаила я слышал в последние годы его жизни и сразу после смерти... Этот чертов инспектор... Флориан. Даже не понял, что его использовали как марионетку, чтобы добраться до Михаила...

— Флориан? — повторила Марина.

— Он возглавлял группу, которая расследовала дело Кольвеника, — сказал Шелли настолько презрительно, насколько позволяли голосовые связки. Жалкий червяк, который пытался сделать себе имя за счет Кольвеника и «Вело Гранелл». Меня утешает только то, что в итоге у него ничего не вышло. Его упрямство уничтожило его же карьеру. Это он заварил тот скандал с телами...

— С телами?

Шелли надолго замолчал, а потом посмотрел на нас обоих и цинично улыбнулся.

— Этот инспектор Флориан... — начала Марина. — Не подскажете, где мы можем его найти?

— В цирке, с остальными клоунами, — ответил Шелли.

— Доктор Шелли, а вы знали Бенжамина Сентиса? — спросил я, пытаясь поддержать беседу.

— Конечно, — ответил Шелли. — Мне приходилось регулярно иметь с ним дело. Будучи совладельцем фабрики, он отвечал за административную часть. По-моему, он был алчным человеком, который не знал своего места. И завистливым, к тому же.

— Вы знаете, что его тело неделю назад было обнаружено в канализации? — спросил я.

— Я читаю газеты, — холодно бросил он.

— Вам это не показалось странным?

— Не более странным, чем все остальное, что пишут в газетах, — отрезал Шелли. — Мир болен. А я уже устал. Что-нибудь еще?

Я хотел было спросить о даме в черном, но Марина меня опередила: она уже покачала головой и улыбнулась доктору. Он дотянулся до звонка для прислуги и позвонил. В комнате, потупив взор, появилась Мария Шелли.

— Молодые люди уходят, Мария.

— Да, отец.

Мы поднялись. Я протянул руку за фотографией, но Шелли взял ее

первый.

— Если этот снимок не очень вам нужен, я заберу его себе...

Сказав это, он повернулся к нам спиной и жестом приказал дочери проводить нас до двери.

В дверях кабинета я обернулся посмотреть на доктора и увидел, как тот бросил фотографию в огонь и смотрел, как она горела.

Мария Шелли молча проводила нас до вестибюля, потом виновато улыбнулась и сказала:

— Мой отец человек с тяжелым характером, но добрым сердцем, — извинилась она. — Жизнь его не щадила, и характер со временем стал меняться...

Она открыла нам дверь и зажгла свет на лестнице. Я прочел в ее взгляде сомнение, как будто она хотела что-то сказать, но боялась это сделать. Марина тоже это заметила и протянула ей руку в знак благодарности. Мария Шелли пожала ее. Эта женщина как будто источала одиночество.

— Не знаю, рассказал ли вам отец... — сказала она, понизив голос и опасливо обернувшись.

— Мария! — раздался голос доктора из глубины квартиры. — С кем ты разговариваешь?

По лицу Марии пробежала тень.

— Иду, отец, иду...

Она бросила на нас последний исполненный отчаяния взгляд и вернулась в квартиру. Обернувшись, я увидел у нее на шее маленький медальон. Мне показалось, что на нем изображена черная бабочка с раскрытыми крыльями. Но дверь закрылась, прежде чем я успел в этом убедиться.

Мы остались на лестничной площадке, откуда было слышно, как доктор в ярости кричит на дочь. Свет на лестнице погас. На секунду мне почудился запах гниющего мяса.

Он исходил откуда-то с лестницы, возможно, в темноте было мертвое животное. Потом мне показалось, что на лестнице раздались шаги. Запах исчез.

— Пойдем отсюда, — сказал я.

Глава четырнадцатая

По дороге к дому Марины я заметил, что она украдкой за мной наблюдает.

— А ты не уедешь на Рождество к семье?

Я покачал головой, глядя на дорогу.

— Почему?

— Мои родители постоянно переезжают с места на место. Мы уже много лет не проводим Рождество вместе.

Не знаю, как это получилось, но мои слова прозвучали грубо и враждебно. Оставшуюся часть пути мы прошли молча. Я проводил Марину до ограды особняка и попрощался с ней.

Когда я шел к интернату, начался дождь. Я смотрел на ряд окон на четвертом этаже колледжа. Свет горел только в двух из них. Большинство учеников уехали на Рождество к семьям и вернуться собирались не раньше чем через три недели. Каждый год одно и то же. Интернат был совершенно пустым, и только парочка невезучих оставалась на попечении преподавателей. В прошлом и позапрошлом году было совсем плохо, но сейчас это не имело значения. По правде говоря, так было лучше. Сама мысль о том, чтобы уехать от Марины и Германа, казалась мне невыносимой. Когда я был с ними, то не чувствовал себя одиноким.

И я снова поднялся по лестнице к себе на этаж. Коридор был тихим и пустынным. Это крыло интерната было нежилым. Вероятно, здесь осталась только донья Паула, пожилая вдова, следившая за чистотой. Она жила в маленькой комнатке на третьем этаже. Этажом ниже раздавалось непрерывное бормотание ее телевизора. Миновав ряды пустых комнат, я подошел к своей спальне и открыл дверь. В небе раздался жуткий раскат грома, и здание завибрировало. Через щель в закрытых ставнях я увидел вспышку молнии. Я лег в кровать, не раздеваясь, и в темноте вслушивался в звуки грозы. Я открыл ящик прикроватной тумбочки и достал оттуда карандашный набросок, который Герман сделал в тот день на пляже. Я рассматривал его в полумраке, пока сон и усталость не взяли верх. Я заснул, прижимая его к груди, словно амулет, а когда проснулся, он исчез у меня из рук.

Я быстро открыл глаза и почувствовал холодный ветер, ударивший в

лицо. Окно было открыто, и комнату заливал дождь. Оглушенный, я привстал на кровати и нашупал выключатель ночника. Бесполезно. Электричества не было. Тут я заметил, что портрет не просто выпал у меня из рук — его не было ни на кровати, ни на полу. Я в недоумении потер глаза кулаками. И почувствовал. Отчетливо и сильно. Опять этот запах разложения — в воздухе, в комнате, под собственной одеждой, как будто кто-то поместил мне под кожу полуразложившийся труп животного, пока я спал. Совершив над собой усилие, я подавил тошноту. На меня нахлынула волна паники.

Я был не один. Пока я спал, кто-то или что-то проникло в комнату.

Медленно пробираясь на ощупь, я пробрался к двери и нашупал выключатель. Ничего. Я вышел в объятый мраком коридор. Запах усилился. Я как будто преследовал дикого зверя. Вдруг мне показалось, что в последнюю дверь прошмыгнула тень.

— Донья Паула? — почти шепотом позвал я.

Дверь тихонько закрылась. Сбитый с толку, я глубоко вздохнул и пошел по коридору. Раздался тихий голос. Как шипение змеи. Кто-то прошептал мое имя. Звук доносился из-за закрытой двери.

— Донья Паула, это вы? — выдавил я, пытаясь унять дрожь в руках.

Еще один шаг в темноте.

Голос снова прошептал мое имя. Он был незнакомым — треснутым, жестоким, источающим злобу. Голосом из кошмаров. Я встал как вкопанный посреди коридора, утопленного во тьме, совершенно парализованный. Вдруг дверь комнаты с оглушительным шумом распахнулась. В течении нескольких секунд, показавшихся мне вечностью, я явственно ощущал, что коридор растягивается и кренится под ногами, подталкивая меня к этой двери.

Дойдя до середины коридора, я увидел на кровати в одной из комнат что-то ослепительно-белое. Портрет Марины. Его держали деревянные руки, запястья которых были обмотаны окровавленными нитями. Я не сомневался в том, что это были руки Бенджамина Сентиса, потерявшиеся в глубинах канализации. Вырванные с корнем. Воздух с шумом вырвался из моих легких.

Запах стал невыносимым, едким. Ужас пронзил меня стальными иглами, когда я увидел у стены неподвижную фигуру — существо в черном одеянии, со скрещенными на груди руками. Лицо обрамляли спутанные патлы. Стоя у двери, я заметил, как его голова очень медленно приподнялась, и на лице появилась улыбка, обнажившая блестевшие во

тьме клыки. Под перчатками, словно клубки змей, зашевелились лапы.

Я шагнул назад и снова услышал, как этот голос шепотом произнес мое имя. Существо бросилось ко мне как огромный паук.

Я не смог подавить вопль ужаса и быстро захлопнул дверь. Я попытался придавить дверь собственным весом, но напор по ту сторону был слишком сильным. Десять когтей насквозь проткнули древесину, и я бросился бежать по коридору в обратную сторону, услышав, как дверь разлетелась на кусочки. Коридор превратился в бесконечно длинный туннель.

В нескольких метрах от меня уже виднелась лестница, и я осмелился бросить взгляд назад. Силуэт кошмарного создания двигался четко в моем направлении. Его сверкающие глаза пронзали ночной мрак. Мне конец.

Я бросился в коридор, который вел в кухню, пользуясь тем, что назубок знал каждый закоулок здания. Я захлопнул дверь. Бесполезно. Чудовище с разбегу врезалось в нее и проломило древесину, опрокинув меня на пол.

Я перекатился по керамическим плиткам под стол, надеясь там спрятаться. Я увидел его ноги. Десятки разбитых тарелок и стаканов устилали пол слоем осколков. По блеску лезвия я заметил среди осколков е зубчатый нож и в отчаянии схватил его что было силы. Чудище нагнулось ко мне и просунуло морду под стол, словно волк в кроличью нору. Я полосонул ножом прямо по лицу, и лезвие вошло в него как в глину. Но все-таки чудовище отступило на полметра назад, и я смог отбежать на другой конец кухни.

Оно приближалось шаг за шагом, а я лихорадочно искал хоть какое-нибудь средство самозащиты. Я наткнулся на ящик и открыл его. Столовые приборы, кухонные принадлежности, свечи, зажигалка... прочий непригодный хлам. Механически я схватил зажигалку и попытался ею воспользоваться.

Тень чудовища уже нависла надо мной. Снова это жуткое зловоние. Острый коготь уже был совсем рядом с моим горлом. Наконец, мне удалось зажечь огонь, и в каких-то двадцати сантиметрах я увидел этого монстра.

Я закрыл глаза и задержал дыханье, увереный, что только что увидел облик своей смерти. Оставалось только ждать. Целую вечность. Когда я вновь открыл глаза, его уже не было. В коридоре были слышны шаги и приглушенный вой, в котором были боль и ярость. Я последовал за ним в свою комнату и выглянул из-за косяка двери. Чудовище рылось в моей сумке. Оно схватило альбом с фотографиями, обернулось и посмотрело на меня.

Призрачный свет ночи на мгновение представил моему взору это создание. Я хотел что-то сказать, но оно тут же исчезло в оконном проеме.

Я побежал к подоконнику, ожидая увидеть на земле распостертое тело. Силуэт с невероятной скоростью заскользил по водосточной трубе. Черная шевелюра развеялась на ветру. Чудовище перепрыгнуло на крышу восточного крыла, ловко лавировало между башнями и фигурными водостоками. Парализованный, я беспомощно наблюдал, как это мерзкое создание перемещается по крышам, выделявая на ходу не мыслимые пирамиды, словно пантера в джунглях. Я заметил, что рама окна запачкана кровью. Цепочка следов вела к окну из коридора, и я не сразу понял, что кровь была не моя. Я ранил ножом человека.

Я прислонился к стене. Колени подогнулись, и я, обессиленный, соскользнул по стене вниз.

Не знаю, сколько времени я провел в этой позе. Когда я смог подняться на ноги, то решил пойти в единственное место, где чувствовал себя защищенным.

Глава пятнадцатая

Я подошел к дому Марины и стал на ощупь пробираться по саду. Обогнув дом, я направился к кухонной двери. Из-за занавесок струился теплый свет, и я почувствовал облегчение. Дверь была открыта. Я постучался костяшками пальцев и вошел. Несмотря на столь поздний час, Марина сидела за кухонным столом и при свете свечей писала в своей тетради, а Кафка лежал у нее на коленях.

Когда она меня увидела, ручка выпала из ее пальцев.

— Боже мой, Оскар! Что... — воскликнула она, глядя на мою изорванную, грязную одежду и ощупывая порезы на лице. — Что с тобой приключилось?

После пары чашек горячего чая я смог рассказать Марине, что произошло, точнее то, что я помнил, а в своем рассудке я уже начинал сомневаться. Она слушала, взяв мою руку в свои ладони, пытаясь меня успокоить. Вероятно, я выглядел еще более жалко, чем мне казалось.

— Можно мне остаться тут на ночь? Я не знаю, куда идти. А в интернат возвращаться не хочу.

— Я бы тебе и не позволила. Оставайся с нами сколько захочешь.

— Спасибо.

Я прочитал в ее взгляде тревогу, которая снедала и меня самого. После того, что со мной произошло, ее дом был не более безопасным местом, чем интернат. За нами следили. И они всегда знали, где мы находились.

— И что будем делать, Оскар?

— Можно поискать этого инспектора, про которого говорил Шелли, — Флориана, и постараться выяснить, что там было на самом деле...

Марина вздохнула.

— Слушай, может, мне лучше уйти?... — предложил я.

— И думать забудь. Я приготовлю тебе комнату наверху, рядом с моей. Пойдем.

— А что...что скажет Герман?

— Он будет в восторге. Скажем ему, что остался отмечать с нами Рождество.

Я пошел за ней по лестнице наверх, впервые поднимаясь на второй этаж. В свете канделябра перед нами открылся коридор с рядами дубовых

дверей по обеим сторонам. Моя комната располагалась в конце коридора, рядом с комнатой Марины.

Мебель была старинной, но в комнате царили чистота и порядок.

— Белье свежевыстиранное, — сказала Марина, убирая с кровати покрывало.

— В шкафу лежат одеяла, если вдруг замерзнешь. А вот полотенца. Посмотрим, подойдет ли тебе пижама Германа.

— Буду как в плащ-палатке, — пошутил я.

— Пусть лучше будет велика, чем мала. Я сейчас вернусь.

Я услышал ее шаги в коридоре, положил свою одежду на стул и лег в кровать, укрывшись чистой, накрахмаленной простыней. Я никогда в жизни не был так измотан. Мои веки как будто налились свинцом. Вернувшись, Марина принесла что-то вроде ночной сорочки длиной метра два, которую, судя по покрою, принесли прямиком из гардероба младенца.

— Даже не думай, — возразил я. — Я не буду спать в этом.

— Вариантов нет. Тебе еще без рисунка досталась. Герман не разрешает мне оставлять на ночь голых мальчишек. Тебе подойдет.

Она положила сорочку на кровать и оставила на прикроватной тумбочке свечи.

— Если тебе что-нибудь понадобится, постучи по стене. По другую сторону сплю я.

Мы несколько секунд молча смотрели друг на друга. Наконец, Марина отвела взгляд.

— Спокойной ночи, Оскар, — прошептала она.

— Спокойной ночи.

Когда я проснулся, комнату заливал солнечный свет. Окна выходили на восток, и я увидел высоко в небе сияющее солнце. Лежа в кровати, я заметил, что моей одежды уже нет на стуле, куда я ее клал, и понял, что это означало. Черт возьми, наверняка Марина решила заодно привести ее в порядок.

Из-под двери в комнату проникал аромат горячего хлеба и кофе. Оставив всякую надежду сохранить достоинство, я решил спуститься вниз, задрапированный в это нелепое одеяние. Я вышел в коридор и увидел, что волшебное ослепительное сияние солнца заливает весь дом. С кухни доносились голоса хозяев. Я набрался смелости и спустился по лестнице. Остановившись на пороге двери, я предупредительно покашлял.

Марина, протягивая Герману чашку кофе, подняла взгляд.

— С добрым утром, спящая красавица, — сказала она.

Герман обернулся и галантно поднялся, протягивая мне руку и предлагая место за столом.

— Добрый день, дорогой Оскар! — воскликнул он с энтузиазмом. — Очень рад вас видеть. Марина рассказала мне про интернат. Знайте, что можете оставаться здесь, сколько захотите. Это ваш дом.

— Огромное спасибо...

Марина подала мне чашку кофе, хитро улыбаясь и показывая на рубашку.

— Тебе очень идет.

— Знаю. А где моя одежда?

— Я решила ее простирануть. Сохнет.

Герман пододвинул ко мне блюдо со свежими круассанами из булочной «Фокс». У меня потекли слюнки.

— Попробуйте, Оскар, — сказал Герман. — Это «Мерседес-Бенц» в мире круассанов. А то, что внутри, — не джем, а произведение искусства.

Я с жадностью потерпевшего кораблекрушение поглощал предложенное блюдо. Герман рассеянно просматривал газету. Он пребывал в хорошем расположение духа и, хотя уже закончил завтракать, не вставал из-за стола, пока я не съел все до последней крошки. Потом он посмотрел на часы.

— Папа, ты опоздаешь к священнику, — напомнила ему Марина.

Герман с некоторой досадой кивнул.

— Не понимаю, зачем мне напрягаться... — сказал он. — Этот плут расставляет больше западней, чем иной егерь.

— Это у него профессиональное, — сказала Марина. — Уверена, он у тебя попросит прощения.

Я непонимающие посмотрел на них, не имея ни малейшего представления, о чем они говорили.

— Мы о шахматах, — пояснила Марина. — Герман и местный священник уже много лет сражаются на шахматной доске.

— Никогда не играйте в шахматы с иезуитами, Оскар. Ладно, мне пора, с вашего разрешения... — сказал Герман, поднимаясь.

— Нам будет вас не хватать. Удачи.

Герман взял пальто, шляпу и деревянную трость и направился навстречу шахматисту-иезуиту. Как только он ушел, Марина принесла из сада мою одежду.

— Мне очень жаль, но Кафка успел здесь спать.

Одежда высохла, но характерный запах кошки не исчезнет и после пятидесяти стирок.

— Сегодня утром, перед завтраком, я позвонила в полицейское управление из бара на площади. Этот инспектор Флориан сейчас в отставке, живет в Вайвидрере. Телефона его у меня нет, а вот адрес дали.

— Буду готов через минуту.

Фуникулерная станция Вальвидреры находилась в нескольких шагах от дома Маринь. Через десять минут мы пришли туда и купили билеты. С перрона, стоя у подножья горы, мы видели, как квартал Вайвидреры балконом возвышался над остальным городом. Казалось, дома были завешены тенями на невидимых нитях. Мы сели в конце вагона, и фуникулер начал свое плавное восхождение. Барселона простиралась под нашими ногами.

— Должно быть, хорошая работа, — сказал я. — Быть кондуктором на фуникулере. Они же как небесные лифтеры.

Марина со скепсисом посмотрела на меня.

— Что я не так сказал? — спросил я.

— Ничего. Если это предел твоих мечтаний. Не у всех людей все так просто как у тебя. Марина Блау, Нобелевский лауреат в области литературы и хранительница коллекции ночных сорочек династии Бурбонов.

Марина вдруг так посерезнела, что я не стал шутить в ответ.

— Дело в том, что тот, кто не знает своего направления, не придет вообще никуда, — наконец, сказала она.

Я показал ей билет.

— Я знаю, куда направляюсь.

Она отвела взгляд. Несколько минут мы поднимались молча.

Вдалеке виднелся силуэт моего интерната.

— Архитектура, — прошептал я.

— Что?

— Хочу стать архитектором. Вот предел моих мечтаний. Я никому этого не говорил.

Наконец, она улыбнулась. Фуникулер достиг вершины горы и загрохотал как старая стиральная машинка.

— А мне всегда хотелось иметь собственный собор, — сказала Марина. — Предложения будут?

— Готический собор. Дай мне немного времени, и я его тебе построю.

Солнце осветило ее лицо и глаза, устремленные на меня, заблестели.

— Обещаешь? — спросила она, протягивая мне руку ладонью вверх.
Я пожал ей руку. — Обещаю.

По адресу, который дали Марине, практически на краю пропасти располагался старый дом. На территории буйствовали заросли сада. Ржавый почтовый ящик выглядел там как осколок давно минувшей индустриальной эпохи. Мы пробрались к двери. Рядом с ней стояли ящики с перевязанными бечевками кипами старых газет. Штукатурка фасада походила на старую кожу, испорченную ветром и влагой. Инспектор Флориан явно не тратился на поддержание презентабельного вида своего жилища.

— Вот тут как раз нужен архитектор, — сказала Марина.
— Или пара шашек динамита...

Я постучал в дверь потихоньку, опасаясь, что сильный стук может обрушить этот дом с края горы.

— А может, попробовать позвонить?

Кнопка звонка была сломана, и оттуда торчали провода времен Эдиссона.

— Я туда палец не суну, — ответил я, снова стуча в дверь.

Вдруг дверь на десять сантиметров приоткрылась. Из темноты жилища блеснула дверная цепочка, за которой виднелась пара холодных стальных глаз.

— Кто тут?

— Виктор Флориан?

— Это я. Вопрос был: кто тут?

Голос был властный и нетерпеливый. Глас закона.

— У нас есть информация о Михаиле Кольвенике... — схитрила Марина.

Дверь распахнулась настежь. Виктор Флориан был человеком высоким и мускулистым. Как мне показалось, на нем был тот же костюм, что и в день отставки. Он походил на полковника, у которого не осталось ни полка, ни даже батальона. Во рту у него была зажженная сигарета, а брови были гуще, чем шевелюра большинства людей.

— Что вы знаете о Кольвенике? Вы кто? Кто дал вам адрес?

Флориан не задавал вопросы, он их выпаливал. Он пропустил нас внутрь, опасливо глянув на улицу, будто кто-то мог войти за нами следом. Внутри был буквально рассадник грязи, будто на заброшенном складе.

Бумаг там было больше, чем вalexандрийской библиотеке, но все в полном беспорядке.

— Проходите.

В соседней комнате вся стена была завешана оружием. Револьверы, автоматические пистолеты, маузеры, штыки... В некоторых странах революция начиналась с меньшим арсеналом.

— Пресвятая дева... — пробормотал я.

— Отставить! Здесь не церковь, — отрезал Флориан, закрывая дверь в комнату.

Мы прошли в глубь дома, где находилась маленькая столовая, откуда было видно всю Барселону. Даже уволившись, инспектор нес дозор над всем городом. Он указал нам на дырявый диван. Посреди стола стояла банка консервированной фасоли и бутылка пива. «Вот она — полиция в отставке; могущество на пенсии», подумал я. Флориан уселся на стул напротив и достал из своего хлама часы.

Он резким движением поставил их на стол, циферблатом к нам.

— У вас пятнадцать минут. Если через четверть часа вы не расскажете мне ничего нового, вылетите отсюда.

Рассказ обо всем, что случилось, занял у нас меньше пятнадцати минут. Флориан слушал нас, и постепенно его маска покрывалась трещинами, через которые я видел усталого пожилого человека, прятавшегося в этой дыре со старыми газетами и коллекцией оружия. Выслушав наш рассказ, Флориан взял свою сигарету, внимательно смотрел на нее почти минуту, после чего, наконец, зажег.

А потом, задумчиво глядя на окутанный туманом город внизу, он начал рассказывать.

Глава шестнадцатая

— В 1945 году я был главой судебной бригады в Барселоне, — начал Флориан. — Я подумывал о переводе в Мадрид, когда мне поручили расследовать дело «Вело Гранелл». Бригада около трех лет занималась делом Михаила Кольвеника, иностранца, который был не особо симпатичен властям... но доказательств не было. Мой предшественник ушел в отставку. «Вело Гранелл» была скрыта за каменной стеной из адвокатов и лабиринтом из финансовых сообществ, покрытых непроглядным мраком тайны. Начальство преподнесло мне это дело как единственную возможность сделать карьеру. «Закрывая такие дела, люди получают кабинет в министерстве, личного шофера и свободный график», — говорили они. Тщеславие часто отупляет...

Флориан выдержал паузу, смакуя свои слова и саркастично улыбаясь самому себе. Он покусывал сигарету, как будто то была соломинка с поля.

— Ознакомившись с материалами дела, — продолжил он, — я понял, что то, что началось как рутинное расследование финансовых нарушений в управлении компанией и случаев предполагаемого мошенничества, в итоге стало настолько запутанным случаем, что никто не знал, какой судебной бригаде его отдать. Вымогательства. Кражи. Покушения на убийство... И многое другое... Понимаете, на тот момент у меня был солидный опыт в делах о растрате фондов, уклонении от налогов, мошенничестве и должностном злоупотреблении... И все эти преступления не часто карались — были другие времена, но мы знали обо всех них.

Флориан сидел, окруженный облаком дыма от собственной сигары.

— Так почему вы взялись за это дело?

— Из-за собственной спеси. Из-за тщеславия и алчности, — ответил Флориан, говоря таким тоном, как будто он был худшим из преступников.

— А может, вы еще хотели узнать правду, — вмешался я. — И восстановить справедливость...

Флориан грустно мне улыбнулся. И в его взгляде явственно читались тридцать лет угрызений совести.

— К концу 1945 «Вело Гранелл» фактически обанкротилась, — продолжил Флориан. — Три главных банка Барселоны заморозили счета компании, а ее акции были изъяты из обращения. Без притока финансовых стечий из армии юристов и запутанной сети компаний-призраков рухнула

как карточный домик. Дни величия и могущества были позади. Большой королевский театр был закрыт со дня трагедии, обезобразившей Еву Иринову, и к 1945 году лежал в руинах. Фабрика и мастерские закрылись. Активы предприятия были конфискованы. Слухи распространялись, словно гангрена. Кольвеник, сохраняя хладнокровие, решил организовать в Лонха-Де-Барселона фуршет, чтобы убедить всех, что у него все под контролем. Он выслал приглашения всем крупным акционерам, могущественным семьям Барселоны...

В тот вечер дождь лил как из ведра. Лонха была украшена, словно сказочный замок. В десятом часу вечера прислуга самых богатых людей города, многие из которых были Кольвенику должны, принесла от своих хозяев записки с извинениями. Когда я приехал, было уже за полночь. Кольвеник сидел в зале один, наряженный в великолепный фрак и раскуривая дорогую сигару из Вены. Он поприветствовал меня и предложил бокал шампанского. «Попробуйте, инспектор. Жаль, добро пропадает», — сказал он. До того момента мы никогда не встречались лично.

Мы разговаривали на протяжении часа. Он рассказывал мне о книгах, которые читал в юности, и о путешествиях, которые ему не суждено было совершить... Кольвеник был очень обаятельный человек. Его глаза светились умом.

Как я ни старался, я не смог проникнуться к нему неприязнью. Более того, я ему сочувствовал, хотя предполагалось, что я охотник, а он — моя жертва. Я заметил, что он хромает и опирается на деревянную трость. «Наверное, никто не терял стольких друзей за один день», — сказал я.

Он улыбнулся и спокойно обдумал мои слова. «Вы заблуждаетесь, инспектор. В таких случаях друзей никто не приглашает». Я очень вежливо поинтересовался, планирует ли он оппонировать в суде, и сказал, что я не остановлюсь, пока он не окажется на скамье подсудимых. Помню, он спросил: «Что мне сделать, дорогой Флориан, чтобы вы отказались от своего намерения?». «Убить меня», — ответил я. — «Всему свое время, инспектор», — с улыбкой сказал он. И с этими словами он, прихрамывая, удалился.

Больше я его не видел... но я все еще жив. Кольвеник не исполнил своей последней угрозы.

Флориан остановился и отпил воды из стакана. Он всасывал жидкость с такой жадностью, как будто это был его последний стакан воды в жизни. Он облизнул губы и продолжил рассказывать.

— С того дня Кольвеник, одинокий и всеми покинутый, жил вдвоем со своей супругой в гротескном замке, который построил до этого. В последующие годы его видели только два человека. Первым был его старый шофер, некий Луис Кларет, обездоленный бедолага, который слепо обожал Кольвеника и не ушел от него, даже когда тот больше не мог выплачивать ему зарплату. Вторым был его личный врач, доктор Шелли, на которого мы тоже завели дело. Никто больше Кольвеника не видел. Из показаний Шелли следовало, что он не выходил из своего дома в парке Гуэля, пораженный какой-то неведомой болезнью, симптомы которой он не мог нам описать. Не поняли мы их, даже когда просмотрели личные записи Шелли.

Через какое-то время мы заподозрили, что Кольвеник умер или бежал за границу, и все это было фарсом. Шелли продолжал настаивать на том, что странная болезнь не позволяет Кольвенику покидать особняк. Он ни при каких обстоятельствах не мог принимать посетителей или выходить за пределы дома; это был приговор.

Ни мы, ни судья не могли предположить... Тридцать первого декабря 1948 года мы получили ордер на обыск его дома и на арест самого Кольвеника. Большая часть конфиденциальной документации предприятия исчезла. Мы подозревали, что она находится в резиденции Кольвеника. У нас уже было достаточно доказательств, чтобы обвинить его в мошенничестве и уклонении от налогов. Ждать дальше не было смысла.

— Последний день 1948 года был последним днем Кольвеника на свободе. Специальная бригада должна была прийти за ним в особняк. Иногда крупных преступников приходится ловить на мелочах...

Сигарета Флориана снова погасла. Инспектор посмотрел на нее и бросил в пустую пепельницу, вокруг которой уже образовалась братская могила окурков.

— В ту самую ночь страшный пожар, в котором погибли Кольвеник с Евой, уничтожил их жилище. Когда рассвело, на чердаке обнаружили два обуглившихся тела...

Наши надежды закрыть дело рухнули в одночасье. Я никогда не сомневался в том, что пожар этот не был случайностью. Со временем я пришел к выводу, что за этим стоял Сентис и другие члены правления.

— Сентис? — перебил я.

— Ни для кого не было секретом, что Сентис терпеть не мог Кольвеника за то, что тот перехватил контроль над предприятием, но у них

обоих были причины не позволить этому делу попасть в суд. Но нет человека — нет проблемы. Без Кольвеника головоломка теряла смысл. Можно только сказать, что той ночью в пожаре очистилось много окровавленных рук. Но, опять же, как и во всем, что было связано с «Вело Гранелл», доказательств не было. Все сгорело.

— Но по сей день дело «Вело Гранелл» остается самой большой загадкой в истории полицейского департамента Барселоны. И самой главной неудачей в моей жизни...

— Но ведь пожар случился не по вашей вине, — возразил я.

— Моя карьера в полиции была разрушена. Меня перевели в отдел по борьбе с подрывной деятельностью. Знаете, что это такое? Охота за привидениями. И все это понимали. Я хотел оставить это место, но времена были голодные, а своим жалованием я помогал брату и его семье. Кроме того, бывшего полицейского на работу никто не возьмет.

Народ был сыт по горло разведчиками и доносчиками. Эта работа — единственное, что мне оставалось. Она заключалась в том, что я должен был среди ночи проверять приюты с инвалидами войны и пенсионерами на предмет обнаружения экземпляров «Капитала» и социалистических листовок в мусорных пакетах...

— В конце 1949 года я думал, что со мной покончено. Все было не просто очень плохо, а еще хуже. По крайней мере, так мне казалось. Тринадцатого декабря, на рассвете, почти через год после пожара, в котором погибли Кольвеник с женой, у дверей старого цеха «Вело Гранелл» в Борне были обнаружены разорванные в клочья тела двух инспекторов, которые вместе со мной расследовали это дело. Было известно, что они отправились в цех по анонимной наводке по делу «Вело Гранелл». Это была ловушка. Такой смерти я бы не пожелал и худшему врагу. Даже попади они под колеса поезда, их тела не были бы так обезображенены... Они были хорошими полицейскими. Вооруженными и опытными. В отчете говорилось, что прохожие слышали выстрелы. Возле тел было найдено четырнадцать девятимиллиметровых гильз.

Все указывало на то, что гильзы были их. Однако ни в стенах, ни где-либо еще в пределах помещения ни одной пули не было.

— Как такое возможно? — спросила Марина.

— А никак. Это совершенно невозможно. Но случилось... Я лично видел гильзы и осматривал место преступления.

Мы с Мариной посмотрели друг на друга.

— А может, они стреляли по машине или по карете, или по другому движущемуся объекту, в котором застряли пули? — предположила Марина.

— Твоя подруга стала бы отличным полицейским. Мы в свое время проверили эту гипотезу, но она не подтвердилась. Пули такого калибра должны рикошетить от металлических поверхностей, нанося различные повреждения, что всегда можно установить по найденным кусочкам металла. Здесь же не было ничего.

— Через несколько дней, на похоронах моих друзей, я увидел Сентиса, — продолжил Флориан. — У него был беспокойный вид человека, не спавшего несколько суток. Грязная одежда висела как на вешалке, а изо рта воняло перегаром. Он признался мне, что из страха не возвращался домой, а спал все это время в ночлежках... «Моя жизнь не стоит и гроша, Флориан», — сказал он мне. — «Я мертвец». Я предложил ему защиту полиции, но он лишь улыбнулся в ответ. Я даже предложил ему пожить у меня. Он отказался. «Я не хочу, чтобы ваша смерть была на моей совести», — сказал он и затерялся в толпе.

В последующие месяцы все, кто расследовал дело «Вело Гранелл» умерли, якобы по естественным причинам. Врачи в каждом случае констатировали сердечный приступ. Обстоятельства были похожи: жертва погибала одна, зачастую ночью, в постели, иногда на полу. Как будто пыталась бежать от безликой смерти. Исключением был Бенжамин Сентис. Я не разговаривал с ним тридцать лет, до недавнего времени.

— Накануне его гибели? — уточнил я.

Флориан кивнул.

— Он позвонил в участок и спросил меня. По его словам, он располагал информацией об убийствах в цехе и деле «Вело Гранелл». Я ему позвонил и переговорил с ним, уверенный, что он в бреду, но из сострадания согласился встретиться в баре на улице Принсеса на следующий день. Он не пришел на встречу. Через два дня мне позвонил старый друг из полиции и сказал, что они обнаружили в туннеле канализации труп. Протезы рук, изготовленные Кольвеником, исчезли. Все это упоминалось в прессе.

Однако в газетах не говорилось, что на стене туннеля полиция обнаружила надпись, сделанную кровью. «Teufel».

— «Teufel»?

— Это на немецком, — сказала Марина. — Означает «дьявол».

— А еще так назывался символ Кольвеника, — добавил Флориан.

— Черная бабочка?

Он кивнул.

— Почему она так называется? — спросила Марина.

— Я не этимолог. Знаю только, что Кольвеник их коллекционировал, — ответил полицейский.

Был уже почти полдень, и Флориан пригласил нас на обед в забегаловку возле вокзала. Все мы хотели поскорей уйти из этого дома. Оказалось, что хозяин забегаловки — друг Флориана. Он посадил нас за столик у окна.

— Что, племянники решили навестить, шеф? — спросил он с улыбкой.

Флориан кивнул, не вдаваясь в объяснения. Официант принес нам по яичнице и хлебу с помидорами, и пачку сигарет для Флориана. После вкуснейшего обеда Флориан продолжил рассказ.

— Когда я приступил к делу «Вело Гранелл», выяснилось, что точных фактов о прошлом Кольвеника известно не было... В Праге не было никогда человека его национальности с таким именем. Вероятно, имя Михаил было его псевдонимом.

— Тогда кем же он был? — спросил я.

— Я задаюсь этим вопросом вот уже тридцать лет. На самом деле, когда я связался с пражской полицией, они сказали, что в архивах Вольвтерхауса был некий Михаил Кольвеник.

— Что это такое? — спросил я.

— Муниципальная психиатрическая лечебница. Но не думаю, что это был наш Кольвеник. Скорее всего, он просто взял себе имя пациента этого заведения. Кольвеник не был психом.

— А зачем ему было брать имя пациента лечебницы? — спросила Марина.

— В то время это было делом привычным, — объяснил Флориан. — В послевоенное время взять другое имя означало начать жизнь заново. Оставить кошмарное прошлое позади. Вы еще очень молоды, и в годы войны вам жить не довелось. Вы и не знаете тех, кто после нее начал жизнь заново...

— Думаете, Кольвенику было, что скрывать? — спросил я. — Может, пражская полиция о нем что-то знала...

— Думаю, это простое совпадение. Бюрократия. Поверьте, уж я-то знаю, о чем говорю, — сказал Флориан. — Даже если Кольвеник из архивов больницы был тем самым Кольвеником, это мало что нам дает. Его имя упоминается в полицейских отчетах в связи со смертью некоего хирурга под той же фамилией — Антонина Кольвеника. Дело было

закрыто: естественная смерть.

— Тогда причем тут психлечебница? — спросила Марина.

— Флориан несколько секунд молчал, будто бы не решаясь ответить. — Есть подозрение, что он проводил эксперименты с телом умершего...

— Какие?

— Пражская полиция не уточнила, — сухо ответил Флориан и зажег сигарету.

Мы надолго замолчали.

— А что там говорил нам доктор Шелли? Про близнеца Кольвеника, врожденные заболевания и...

— Так ему сказал Кольвеник. Для этого человека обманывать было так же легко и естественно как дышать. А у Шелли были причины верить ему, не задавая лишних вопросов, — сказал Флориан. — Кольвеник финансировал его медицинский институт и исследования до последнего песо. Шелли практически работал на «Вело Гранелл». Прихвостень...

— Так значит, у Кольвеника не было брата? — я совсем запутался. — Но ведь это объясняло его одержимость врожденными аномалиями...

— Думаю, все-таки был, — перебил инспектор. — Мне так кажется.

— Так значит...

— Думаю, тот мальчик, о котором Кольвеник рассказывал, был он сам.

— Еще один вопрос, инспектор...

— Я уже не инспектор, милая.

— Тогда Виктор. Можно же вас так называть?

Флориан первый раз улыбнулся расслабленно и открыто.

— Что за вопрос?

— Вы сказали, что когда начали расследовать дело «Вело Гранелл» по факту мошенничества, всплыло кое-что еще...

— Да. Поначалу нам казалось, что это просто способ прикрыть финансовые махинации: несуществующие платежки и счета, чтобы скрыться от налогов, счета из больниц, приютов для нищих и так далее. Но одному из моих людей бросилось в глаза, что некоторые счета фактур проходили с подписью доктора Шелли, а именно услуги моргов различных больниц Барселоны.

— Кольвеник продавал трупы? — спросила Марина.

— Нет. Он их десятками скупал — бродяг без семей и знакомых, самоубийц, утопленников, брошенных стариков... Всех, кого отринул этот город.

В глубине помещения, словно эхо нашей беседы, бормотало радио.

— И что он делал с этими трупами?

— Никто не знает, — ответил Флориан. — Мы их никогда не увидим.

— Но у вас имеется своя теория на этот счет, не так ли, Виктор? — настаивала Марина.

Флориан молча посмотрел на нас.

— Нет.

Для полицейского, даже отставного, врал он неважно. Марина не стала развивать тему. Инспектор явно подустал, вытаскивая на свет тени, населявшие его прошлое. Его наносная свирепость исчезла. Сигарета в его руках дрожала, и сложно уже было сказать, кто из них кого курит.

— Что же до оранжереи, о которой вы говорили... Не вздумайте туда возвращаться. Забудьте это дело. Забудьте альбом с фотографиями, безымянную могилу и даму в черном. Забудьте Сентиса, Шелли и меня. Я всего лишь жалкий старик, который сам не знает, что мелет. Эта история уже сгубила слишком много жизней. Не ввязывайтесь.

Он подал официанту знак, чтобы тот рассчитал нас, и подытожил:

— Обещайте мне, что так и сделаете.

Он спрашивал меня так, словно это мы гнались за этим делом, а не оно преследовало нас по пятам. После того, что произошло прошлой ночью, его слова звучали для меня как волшебная сказка.

— Мы попытаемся, — сказала Марина за нас обоих.

— Дорога в ад вымощена благими намерениями, — ответил Флориан.

Инспектор проводил нас до фуникулерной станции и дал телефон забегаловки.

— Тут меня знают. Если вам что-нибудь понадобится, позвоните, и мне передадут сообщение. В любое время дня и ночи. У Мано, хозяина заведения, хроническая бессонница, так что он каждую ночь слушает Би-Би-Си или изучает языки... Вы его не побеспокоите.

— Не знаю, как вас благодарить...

— Лучшая благодарность — держаться подольше от этого дела, — отрезал Флориан.

Мы кивнули. Двери фуникулера открылись.

— А вы, Виктор? — спросила Марина. — Что будете делать вы?

— То же, что и все старики: сидеть и вспоминать прошлое. И думать, поступил бы ли я иначе, повернись время вспять. Ладно, вам пора...

Мы вошли в вагон и уселись возле окна. Вечерело. Прозвонил звонок, и двери закрылись. Фуникулер со скрипом двинулся вниз. Огни

Вайвидреры постепенно оставались позади, как и силуэт Флориана, застывший на перроне.

Герман приготовил на ужин вкуснейшее итальянское блюдо, название которого звучало как часть репертуара оперного театра. Мы ужинали на кухне, слушая рассказ Германа о поединке с падре, которому он, как обычно, проиграл. Марина была необычайно тиха, разговаривали в основном мы с Германом. Я даже спросил, не обидел ли я ее каким-нибудь словом или поступком. После ужина Герман предложил мне сразиться в шахматы.

— Я бы с радостью, но, пожалуй, помыть посуду у меня лучше получится, — отшутился я.

— Я помою, — тихо сказала Марина у меня за спиной.

— Нет, правда... — возразил я.

Герман уже готовился к сражению в другой комнате, выстраивая на доске фаланги шахматных войск. Я повернулся к Марине, которая отвела взгляд и пошла мыть тарелки.

— Скажи, чем тебе помочь.

— Ничем. Иди к Герману — ему будет приятно.

— Оскар, вы идете? — раздался из соседней комнаты голос Германа.

Я в свете свечей смотрел на Марину. Она была бледной и уставшей.

— Ты хорошо себя чувствуешь?

Она повернулась и улыбнулась мне. Марина умела улыбаться так, что я чувствовал себя жалким и беспомощным.

— Иди давай. И позволь ему выиграть.

— Это будет несложно.

Я запомнил это и оставил ее одну.

Я вошел в зал, где меня ждал ее отец.

Там, при свете кварцевого канделябра, я расположился за шахматной доской, где он столько времени проводил со своей дочерью.

— Ходите, Оскар.

Я сделал ход. Он тихонько покашлял.

— Насколько я помню, пешки так не ходят, Оскар.

— Прошу прощения.

— Не извиняйтесь. Это юношеский задор. Вы не думайте, я все прекрасно понимаю. Юность — как капризная невеста. Мы ее не ценим и не понимаем, пока она не покидает нас навеки... эх... не знаю, к чему это я... итак, пешка...

Около полуночи меня разбудил какой-то звук. Дом был погружен во мрак. Я сел на кровати и услышал этот звук вновь. Приглушенный кашель. Обеспокоенный, я встал с кровати и вышел в коридор. Шум доносился с нижнего этажа.

Я остановился у входа в спальню Марины. Дверь была открыта, в кровати никого. Я ощутил укол страха.

— Марина?

Ответа не было. Я на цыпочках спустился по холодным ступеням. У подножья лестницы блестели глаза Кафки. Кошка тихо мяукнула и повела меня по темному коридору. В конце коридора из-под закрытой двери струился свет. Кашель доносился оттуда — болезненный, надрывный. Кафка подошел к двери и, мяукая, остановился.

Я тихонько постучал.

— Марина?

Долгая пауза.

— Входи, Оскар.

Ее голос походил на стон. Я подождал несколько секунд и вошел. Свеча, стоявшая на полу, едва освещала ванную комнату белого кафеля. Марина стояла на коленях, перегнувшись через край ванны.

Она вся дрожала, а пропитавшаяся потом ночнойшка облегала ее тело, словно саван. Она закрыла лицо, но я видел, что из носа течет кровь, а на груди расплываются алые пятна. Я застыл на месте, парализованный.

— Что с тобой? — тихо спросил я.

— Закрой дверь, — твердо сказала она. — Закрой.

Я сделал, как она велела, и подошел к ней. У нее был жар. Волосы, мокрые от холодного пота, прилипли к лицу. Я испугался и хотел броситься на поиски Германа, но она вдруг невероятно сильно схватила меня рукой.

— Нет!

— Но...

— Я в порядке.

— Ничего подобного!

— Оскар, делай, что хочешь, но Германа не зови. Он не может ничего сделать. Все уже прошло. Мне лучше.

— Да ты бледнее смерти, — пробормотал я.

Она взяла мою руку и прижала к груди. Я почувствовал, как под ребрами быстро бьется сердце. Я в замешательстве убрал руку.

— Жива и здорова. Видишь? Обещай, что не скажешь Герману.

— Почему? — возмутился я. — Да что с тобой такое?

Она опустила глаза, бесконечно уставшая, и нагнулась ко мне.

— Обещай мне.

— Ты должна сходить к врачу.

— Обещай мне, Оскар.

— Если ты пообещаешь сходить к врачу.

— Договорились. Я обещаю.

Она смочила полотенце и стала вытирать с лица кровь. Я чувствовал себя бесполезным.

— Теперь, когда ты видел меня в таком состоянии, я больше не буду тебе нравиться.

— Не говори глупостей.

Она продолжала протирать лицо, не отводя от меня взгляда.

Ее тело, обернутое во влажный хлопок, казалось мне невероятно хрупким. Я с удивлением обнаружил, что совершенно не смущаюсь. И ее мое присутствие тоже не смущало. Когда она вытирала пот и кровь, руки у нее дрожали. На двери ванной висел чистый халат. Я помог Марине его надеть. Она завернулась в него и вздохнула, изможденная.

— Что я могу сделать? — тихо спросил я.

— Останься тут, со мной.

Она села напротив зеркала, взяла расческу и попыталась привести в порядок волосы, разметавшиеся по плечам. Но силы совсем ее покинули.

— Позволь мне, — я забрал у нее расческу.

Я причесывал ее в тишине, и иногда наши взгляды встречались в зеркале.

Марина же сильно сдавила мою руку и прижала к своей щеке. Я почувствовал ее горячие слезы, и мне не хватило смелости спросить, отчего она плакала.

Я проводил Марину в ее комнату и уложил ее в постель. Она больше не дрожала, а щеки уже не были белее мела.

— Спасибо, — прошептала она.

Я решил, что лучше дать ей отдохнуть, и вернулся в свою комнату. Я снова лег в кровать и стал безуспешно пытаться уснуть. Снедаемый тревогой, я лежал в темноте и вслушивался в потрескивание дома и шум деревьев за окном. Мучительное беспокойство не отпускало меня. Слишком много событий за слишком короткое время. Мой мозг неправлялся. В призрачном свете раннего утра все казалось размытым. Но больше всего пугало меня то, что я сам себе не мог объяснить, что же чувствую к Марине.

Я смог уснуть лишь на рассвете. Мне снилось, что я бегу по залам дворца из белого мрамора, затемненного и необитаемого. В нем были сотни статуй. Когда я мимо них пробегал, каменные фигуры открывали глаза и говорили слова, которых я не понимал. Потом мне показалось, что я увидел Марину, и я побежал ей на встречу. Светлый силуэт ангела вел ее за руку по окровавленному коридору. Я бежал за ними, но вдруг одна из дверей в коридоре распахнулась, и оттуда появилась фигура Марии Шелли, которая плыла над землей в потертом саване. Она плакала, но слезы не капали на пол. Она протянула ко мне руки, а когда дотронулась, то рассыпалась на сотни осколков. Я выкрикнул имя Марины, умоляя ее вернуться, но она, похоже, меня не слышала. Я бежал и бежал, но коридор становился все длиннее. А потом ангел света повернулся, и я увидел его настоящее лицо. Вместо глаз у него были пустые глазницы, а вместо волос — белые змеи. Он коварно улыбнулся и, закрыв Марину белыми крыльями, исчез. Во сне я почувствовал запах разложения, отчетливый запах смерти. Кто-то прошептал мое имя.

Я повернулся и увидел черную бабочку, пролетающую рядом с моим плечом.

Глава семнадцатая

Я проснулся в приступе удушья и почувствовал себя более уставшим, чем был, когда ложился. В висках стучало так, будто я выпил пару литров черного кофе. Я не знал, который час, но судя по положению солнца, было около полудня. Стрелки часов подтвердили мою догадку. Половина первого.

Я спустился вниз, но дом был пуст. На столе меня ждал остывший завтрак и записка.

Оскар,

Мы ушли на прием к врачу. Нас не будет весь день. Не забудь покормить Кафку. К ужину вернемся.

Марина.

Я перечитал записку, изучая почерк Марины и наслаждаясь вкусным завтраком. Через несколько минут меня удостоил своим присутствием Кафка, и я налил ему молока в чашку. Заняться мне было совершенно нечем, поэтому я решил прогуляться до интерната забрать кое-какие вещи и заодно сказать донье Пауле, что комнату мою убирать не надо, так как на Рождество я уезжаю к семье.

Прогулка до школы пошла мне впрок. Я вошел через главный вход и направился в комнату доньи Паулы на третьем этаже.

Донья Паула была хорошей женщиной, не склонившейся на улыбки воспитанникам интерната. Она тридцать лет была вдовой и бог знает сколько сидела на диете. «Просто я от природы склонна к полноте, понимаете?», часто говорила она. У нее никогда не было детей и теперь, когда ей было около семидесяти пяти, она с удовольствием нянчилась с нами. Донья Паула жила одна, в компании двух канареек и огромного телевизора «Зенит», который выключался только после национального гимна и желания спокойной ночи от членов королевской семьи. Руки старушки были изъедены щелоком, а вен на ногах опухали так, что больно было смотреть.

Из роскоши она позволяла себе только поход в парикмахерскую раз в две недели и журнал «Ола». Я частенько видел, как она читала про принцесс и восхищалась платьями кинозвезд. Когда я постучал в дверь,

донья Паула смотрела ремейк «Пиренейского соловья» в цикле мюзиклов с Хоселито в «Дневной передаче» и готовила гренки с убойной порцией сгущенки и корицы.

— Здравствуйте, донья Паула. Простите за беспокойство.

— Оскар, сынок! Какое там беспокойство. Проходи...

На экране а капелла пел Хоселито, а на него зачарованно смотрела пара жандармов. Рядом с телевизором стояла горка со статуэтками девы Марии и старыми фотографиями мужа доньи Паулы Рудольфа во всем блеске армейской формы. Несмотря на преданность супругу, донья Паула была ярой сторонницей демократии. Мотивировала она это тем, что теперь можно было всегда оставаться в курсе событий, а телевизоры делались цветные.

— Слушай, какая гроза была ночью! В новостях сказали, что это из-за землетрясения в Колумбии. Страх-то какой!

— Не волнуйтесь, донья Паула. Колумбия очень далеко.

— Дай бог, дай бог. На там ведь тоже говорят на испанском, так что не знаю...

— Нет, нет, беспокоиться не о чем, угрозы никакой. Я вам хотел сказать, что не нужно убирать мою комнату. Я на Рождество уезжаю к семье.

— Оскар, как же я за тебя рада!

Донья Паула практически видела, как я рос, и была совершенно убеждена, что я преуспею в любых начинаниях. «У тебя точно есть талант», — всегда говорила она, хотя, к чему именно, уточнить не могла. Она угостила меня стаканом молока с печеньем собственного приготовления. Я поел, хотя не был голоден, и немного посмотрел с ней телевизор, соглашаясь со всеми ее комментариями. Старушка болтала без умолку, когда ее было, кому послушать. То есть почти никогда.

— Да, вот это мужчина, а? — она показала на поющего на экране Хоселито.

— Да, донья Паула. А теперь мне пора...

Я на прощанье поцеловал ее в щеку и ушел. Поднявшись в свою комнату, я быстро взял несколько рубашек, пару брюк и чистое нижнее белье, положил все это добро в сумку и торопливо ушел. Заглянув в секретариат, я с невозмутимым выражением лица рассказал историю про Рождество с семьей и там.

Мы молча ужинали в зале с картинами. Герман был очень серьезен и

погружен в свои мысли. Иногда наши взгляды встречались, и тогда он из чистой вежливости мне улыбался. Марина уныло ковырялась ложкой в тарелке и за весь ужин не съела ни кусочка. Вместо звуков беседы комнату заполнял звон посуды и шипение свечей. Страшно было представить, что такого мог сказать врач о здоровье Германа.

Я решил не спрашивать об очевидном. После ужина Герман извинился и удалился в свою комнату. Он выглядел уставшим и постаревшим как никогда. Впервые за время нашего знакомства он не смотрел на портреты своей жены Кирстен. Как только он ушел, Марина отодвинула от себя тарелку с нетронутой пищей и вздохнула.

— Ты ничего не съела.

— Не голодна.

— Плохие новости?

— Давай сменим тему, а? — сказала она сухим, почти враждебным тоном.

Резкость ее слов напомнила мне, что я в этом доме чужой. Как будто она старалась подчеркнуть, что я не принадлежал к их семье: не мой дом — не мои проблемы. А я почти поверил в лелеемую мной иллюзию.

— Извини, — сказала она через какое-то время, протягивая мне руку.

— Да все в порядке, — соврал я.

Я встал, чтобы отнести тарелки на кухню. Марина молча сидела на стуле и гладила Кафку, который мяукал у нее на коленях. Я долго мыл посуду — пока руки не занемели под холодной водой.

Когда я вернулся в зал, Марина уже ушла. Для меня она оставила две зажженные свечи. В доме было темно и тихо. Я задул свечи и вышел в сад. По небу медленно плыли черные тучи. Холодный ветер шевелил кроны деревьев.

Я обернулся и увидел, что в комнате Марины горел свет. Видимо, она еще не легла спать.

В следующую минуту свет погас. Темная громада особняка походила на руины, как в первый день, когда я его увидел. У меня мелькнула мысль тоже пойти в комнату и лечь спать, но меня снедало какое-то томительное беспокойство, предвещавшее долгую и бессонную ночь. Я решил прогуляться, чтобы привести мысли в порядок. Или хотя бы поразмяться.

Я едва отошел от особняка, как вдруг стал накрапывать дождик. Ночь была не из приятных, и на улицах было пусто. Я сунул руки в карманы и пошел дальше. Я блуждал по городу почти два часа. Но ни дождь, ни холод не измотали меня так, как мне того хотелось. Что-то упорно не выходило у

меня из головы. И чем больше я пытался этого не замечать, тем назойливее оно меня преследовало.

Мой маршрут привел меня к кладбищу Саррии. Дождь орошал потемневшие каменные лица статуй и покосившиеся кресты. Сквозь ограду я видел галерею призрачных силуэтов.

Влажная земля пахла мертвыми цветами. Я просунул голову между прутьями из холодного металла. На шее остался ржавый след. Я всматривался в туман, как будто мог там найти объяснение происходившему. Но видел я только смерть и безмолвие.

Что тут творилось? Если во мне оставалась хоть капля здравого смысла, стоило вернуться в особняк и проспать пару сотен часов. За последние месяца три это, вероятно, была лучшая моя мысль.

Я развернулся и пошел по узкому коридору кипарисов. Вдалеке под дождем блестел фонарь. Вдруг свет от него чем-то загородило. Огромный черный силуэт заслонил собой все.

Я услышал перестук лошадиных копыт по брускатке и увидел, как черная карета мчалась мне навстречу, разбрызгивая лужи вокруг. Выдыхаемый лошадьми воздух окутывал их облаком пара. На облучке виднелась фигура извозчика, напоминавшая о далеких временах. Я оглядел дорогу в поисках убежища, но меня окружали лишь голые стены. Земля под ногами задрожала.

Выбора не было: нужно бежать назад. Мокрый и запыхавшийся, я вскарабкался на решетку и перелез через нее.

Глава восемнадцатая

Я упал в самую грязь, размытую к тому же дождем. Потоки черной воды несли увядшие цветы и струились меж надгробных плит. Руки и ноги вязли в грязевом месиве. Я поднялся и побежал прятаться к мраморной статуе, которая простирала руки к небу в молитве. Карета остановилась по другую сторону ограды. Кучер спустился. В руках у него был фонарь, а на голове широкополая шляпа, которая защищала его от холода и дождя и полностью скрывала лицо. Он был закутан в длинный плащ. Я узнал карету. В ней с вокзала Франции уехала дама в черном в то утро, когда передала мне карточку.

На дверце красовалась эмблема. Черная бабочка. Бархатные занавески закрывали окна. Интересно, внутри ли она?

Кучер подошел к ограде и внимательно осмотрел территорию кладбища. Я затаил дыхание, спрятавшись за статуей. Послышалось бряцанье связки ключей и лязг замка. Приглушенное проклятие. Металлический скрежет. Хлюпанье шагов по грязи. Кучер шел прямиком к моему убежищу. Мне пришлось его покинуть. Я повернулся и стал оглядывать кладбище в поисках более надежного укрытия. Сплошное покрывало темных туч прорвалось, и теперь все было залито лунным светом.

В тумане засеребрилась галерея гробниц. Я пополз между плитами, пробираясь в глубь территории, и уперся в мавзолей с дверцами из стекла и железа. Кучер приближался. Я затаил дыхание и нырнул в тень. Он свернулся, не дойдя до меня двух метров, держа фонарь высоко над головой. Я вздохнул. Он направился в самое сердце кладбища, и я сразу понял, куда именно.

Это было чистой воды безумием, но я пополз к нему и затаился между надгробиями северного крыла.

Как только я там оказался, то залез за постамент, с которого было все видно. В паре метров подо мной блестел фонарь кучера, склонившегося над безымянной могилой. Струи дождевой воды омывали черную, словно кровью нарисованную бабочку. Он достал из-под плаща продолговатый металлический предмет и стал что-то делать. Я сглотнул, поняв, что именно. Он вскрывал гробницу.

Я хотел было двинуться к выходу, но не мог пошевелиться. Используя лом в качестве рычага, он сдвинул плиту на несколько сантиметров.

Вскоре я увидел зияющую черноту гробницы, а могильная плита под собственным весом медленно завалилась на сторону и раскололась на две части. Подо мной дрогнула земля. Кучер поднял с земли фонарь и направил свет на яму глубиной около двух метров — спуск в ад. На дне блестела черная крышка гроба.

Кучер посмотрел на небо и медленно спустился в яму. Через секунду он исчез у меня из виду, как будто его поглотила земля. Раздались звуки ударов и треск дерева. Я спрыгнул вниз, по грязи миллиметр за миллиметром пополз к краю ямы и заглянул в нее.

Дождь капал в могилу, и земля там уже была влажной. Кучер двинулся вперед и рывком поднял крышку гроба, которая с грохотом упала в сторону. В свете фонаря я увидел гнилое дерево и остатки обивки. Гроб был пуст. Кучер замер, глядя внутрь, и что-то пробормотал.

Я подумал, что пора бы уносить ноги. Но когда я разворачивался, то зацепил ногой камень, который упал в яму и стукнулся о гроб. В мгновение ока кучер повернулся в мою сторону, сжимая в правой руке револьвер.

Я в панике помчался к выходу, лавируя между памятниками и статуями. Кучер что-то закричал позади, выбирайся из ямы. Я увидел входную калитку и стоявшую за ней карету и на всех парах побежал туда. Шаги кучера приближались. Я понимал, что на открытом месте он схватит меня через несколько секунд, и помнил, что у него есть оружие. Надо было срочно найти убежище, и мой взгляд упал на единственное подходящее место. Я молился, чтобы кучер ни за что не догадался искать меня там: внутри сундука в задней части кареты. Я спрыгнул с платформы и со всех ног помчался к карете.

Не прошло и нескольких секунд, как в кипарисовой аллее раздались шаги кучера.

Я представил себе, что он видел: влажную от дождя тропинку, абсолютно пустую. Шаги замедлились: он обходил вокруг кареты. Я испугался, что мог оставить следы, которые выдали бы мое убежище. Но кучер вернулся к передней части кареты и залез на облучок.

Я замер, услышав ржание лошадей. Ожидание было невыносимым. Наконец я услышал удар хлыста, карета тронулась, и меня отбросило к стенке сундука. Мы ехали.

Все мышцы скоро затекли от холода. Я попытался приподнять крышку сундука, чтобы смотреть, куда мы ехали, но сохранять такое положение тела в условиях движения было невозможно.

Мы проехали Саррью. Я прикинул, возможно ли при необходимости сломать крышку и выпрыгнуть на ходу. Не лучшая идея. Запасы героизма на сегодня были исчерпаны, к тому же меня снедало желание узнать, куда мы все-таки ехали, так что я решил плыть по течению. Я постарался отдохнуть в сундуке как мог: силы надо было экономить.

Дорога казалась мне бесконечной. Роль чемодана, которую я играл, давалась мне не очень-то легко, и по моим ощущениям мы проехали уже несколько десятков километров. Все мышцы под промокшой одеждой ужасно ныли.

Мы оставили позади широкие людные улицы, и теперь ехали по пустынным районам. Я приподнялся и приоткрыл крышку сундука, чтобы понять, где мы, и увидел улочки, темные и узкие, словно расщелины в скалах, и подернутые дымкой готические фасады и фонари. В растерянности я снова улегся. Мы находились в старом городе, где-то в квартале Раваль.

Вонь протекшей канализации напоминала болото. Мы углублялись в сердце туманной Барселоны почти полчаса, потом остановились. Я услышал, как кучер слез с облучка.

Захлопнулась дверца кареты, и мы медленно проехали еще немного. Судя по запаху, мы находились в старой конюшне. Дверца снова захлопнулась.

Я затаил дыхание. Кучер распряг лошадей и сказал им что-то шепотом, я не понял, что именно. Когда я приоткрыл крышку сундука, темноту прорезал луч света, были слышны шаги по соломе и звук льющейся воды.

Наконец, свет погас, а шаги затихли вдалеке. Я подождал пару минут, пока не стало слышно только дыхание лошадей, и выскользнул из сундука. В конюшне царил голубоватый полумрак. Я тихонько двинулся к боковой двери и попал в гараж с высоким потолком и деревянными балками. В глубине помещения виднелись контуры запасного выхода, который, как оказалось, открывался только изнутри. Я вышел на улицу и оказался в темном переулке Раваля, таком узком, что можно было одновременно дотронуться до обеих стен руками. Посреди вымощенной булыжником улочки бежал зловонный ручей. В десяти метрах виднелся угол, к которому я и направился. В тусклом свете древних фонарей, которым было, наверное, больше сотни лет, блестела улица пошире.

Со стороны улицы я увидел вход в конюшню, располагавшуюся в

сером убогом здании. Над дверью была выгравирована дата постройки — 1888 год. Я также заметил, что конюшня была пристройкой к огромному зданию, занимавшему целый квартал. Размерами оно походило на дворец и было со всех сторон покрыто грязным брезентом и строительными лесами, которые полностью его скрывали.

Под ними мог располагаться собор, но я так и не смог догадаться, какой именно. На ум не приходило ни одного подобного здания, которое могло бы располагаться в этой части Равала.

Я подошел к нему и попытался заглянуть за скрывавшие здание деревянные панели.

В густой тени я различил большую маркизу в модернистском стиле, колонны и ряд окон с решетками, украшенными замысловатым узором. Билетные кассы. Арки у входа напоминали сказочный замок. Повсюду был строительный мусор, и от здания веяло влажностью и запустением.

Теперь я знал, что это было за место. Большой королевский театр, грандиозное сооружение, которое Михаил Кольвеник заказал для своей супруги Евы, и в котором так и не состоялось ни одной премьеры. Теперь театр представлял собой полуразрушенные катакомбы, сочетая в себе элементы пародии на Парижскую оперу и Храма Святого Семейства накануне сноса.

Я вернулся к смежному зданию, в котором была конюшня. Вход в подъезд казался черной дырой. Деревянная дверь была низкой и массивной, словно вход в монастырь. Или в тюрьму. Она была открыта, я вошел и увидел окно, которое поднималось до галереи избитого стекла. Наверху была паутина бельевых веревок, на которых болтались лохмотья, развеваемые ветром. Там пахло запустением, отбросами и болезнью.

По стенам текли струи грязной воды из лопнувших труб, а под ногами было болото. Я увидел впереди ряд ржавых почтовых ящиков и подошел к ним. Почти все были пустыми, сломанными и без подписи. Только одним, казалось, все еще пользовались. Под слоем грязи я различил имя.

Луис Кларет, Мила, 3°

Имя показалось мне знакомым, но я не мог вспомнить, откуда. Интересно, так ли звали кучера. Я все повторял про себя это имя, пытаясь вспомнить, где же я его слышал. Вскоре мне это удалось: инспектор Флориан говорил нам, что в последние годы жизни Кольвеника только два человека общались с ним и его супругой — Шелли, его личный врач, и

шофер, который не бросил своего хозяина, Луис Кларет. Я нашупал у себя в кармане бумажку с телефоном, который Флориан дал нам для связи, и тут на лестнице раздались голоса. Я убежал.

Оказавшись на улице, я забежал за угол переулка. Вскоре следом за мной вышла фигура и зашагала по улице под дождем. Снова кучер. Кларет. Я подождал, пока он отойдет подальше и стал его преследовать.

Глава девятнадцатая

Преследуя Кларета, я стал тенью среди теней. Воздух этих кварталов был прямо-таки пропитан бедностью и убожеством. Кларет широкими шагами шел по улицам, на которых я никогда не бывал. Я понятия не имел, где мы, пока Кларет не свернул на углу на улицу Конде-дель-Асальто. Подойдя к Рамблас, он свернул налево, по направлению к Плаза-Каталунья.

По бульвару шли редкие полуночники, а освещенные киоски казались потерпевшими крушение кораблями.

Подойдя к Лицео, Кларет перешел на противоположную сторону улицы и остановился у двери дома, в котором жил доктор Шелли с дочерью. Стоя у входа, он достал откуда-то блестящий предмет. Револьвер.

На фасаде здания красовались рельефы и фигурные водостоки, из которых струями лилась вода. На верхнем этаже дома горел свет в одном окне — кабинете доктора Шелли.

Я представил, как доктор сидит в своем инвалидном кресле и дремлет, неспособный бороться со сном. Я побежал к двери подъезда. Она была заперта изнутри. Ее запер Кларет.

Я окинул взглядом все здание в поисках другого входа. В задней части дома была небольшая пожарная лестница, по которой можно было подняться на карниз, опоясывавший здание и сообщавшийся с балконами главного фасада. Оттуда до кабинета Шелли была всего пара метров.

Я по лестнице взобрался на карниз и снова огляделся вокруг, додумывая свой маршрут. Карниз имел в ширину сантиметров сорок. Улица подо мной казалась бездонной пропастью. Я глубоко вздохнул и сделал первый шаг по карнизу.

Держась за стену, я продвигался сантиметр за сантиметром вперед по скользкой поверхности. Некоторые блоки шевелились под ногами, а карниз как будто удлинялся с каждым моим шагом.

Стена у меня за спиной, испещренная изображениями фавнов, казалось, наклонялась вперед. Я придерживался пальцами за их зубы, опасаясь, что челюсти схлопнутся, и продвигался все ближе к металлической оградке балкона Шелли.

Мне удалось схватиться за решетку вокруг запотевшего окна, которое не было закрыто на шпингалет изнутри. Я прижался лицом к стеклу и стал всматриваться. Увидев, что окно не заперто, я легонько толкнул его, и мне в лицо ударил поток горячего воздуха с запахом дров из камина. Доктор

сидел в своем кресле, будто не покидал этого места с нашей последней встречи. У него за спиной открылись двери кабинета. Кларет. Что-то он припозднился.

— Ты нарушил свою клятву, — сказал он Шелли.

Я впервые слышал его голос так отчетливо. Низкий, надрывный. Как у садовника моего интерната Даниеля, которому во время войны пуля попала в шею. Врачи прооперировали ему горло, но бедолага заговорил лишь спустя десять лет. И когда ему это наконец удалось, говорил он голосом как у Кларета.

— Ты сказал, что уничтожил все, вплоть до последнего пузырька... — сказал Кларет, приближаясь к доктору.

Последний не потрудился даже повернуться. Кларет достал револьвер и направил его на Шелли.

— Ты ошибаешься, — ответил доктор.

Кларет обошел кресло и встал прямо напротив старика. Шелли поднял взгляд, в котором не было ни тени страха. Либо он не боялся, либо умело скрывал испуг. Кларет навел на него оружие.

— Лжешь. Нужно убить тебя сейчас же... — сказал Кларет, прохрипев каждое слово так, словно оно ему давалось с огромными мучениями.

Он поднес дуло пистолета ко лбу Шелли.

— Вперед. Окажешь мне услугу, — отчеканил доктор.

Я нервно сглотнул. Кларет взвел курок.

— Где они?

— Не здесь.

— Тогда где?

— Сам знаешь, — ответил Шелли.

Кларет вздохнул. Он убрал револьвер и в отчаянии уронил руку.

— Мы все прокляты, — сказал Шелли. — Это лишь вопрос времени... Ты этого никогда не понимал, не понимаешь и сейчас.

— Это ты не понимаешь, — сказал Кларет. — Я-то буду умирать с чистой совестью.

Шелли горько улыбнулся.

— На смертном одре совесть мало что значит, Кларет.

— Для меня много.

Вдруг в дверях появилась Мария Шелли.

— Отец... С вами все в порядке?

— Да, Мария. Возвращайся в кровать. Это всего лишь наш друг Кларет. Он уже уходит.

Мария колебалась. Кларет устремил на нее неподвижный взгляд. И на секунду мне показалось, что было что-то неуловимое в этом обмене взглядами.

— Делай, как велено. Ступай.

— Да, отец.

Мария ушла. Шелли снова стал смотреть на огонь.

— Ты заботишься о своей совести, а мне надо думать о дочери. Иди домой, Ты ничего не можешь сделать. Никто не может. Ты же знаешь, что случилось с Сентисом.

— Что он заслужил, то и случилось, — отрезал Кларет.

— Ты, надеюсь, не планируешь скорую встречу с ним?

— Я не бросаю друзей.

— Но они-то тебя побросали, — возразил Шелли.

Кларет развернулся и пошел к выходу, но остановился, услышав слова Шелли.

— Подожди...

Он медленно подошел к шкафу, стоявшему рядом с письменным столом. На шее он нашупал цепочку, на которой висел ключ, и открыл им шкаф. Он взял что-то оттуда и протянул Кларету.

— Возьми, — приказал он. — У меня в них больше нет ни нужды, ни веры.

Я напрягал зрение, пытаясь различить, что же такое он давал Кларету. Это был футляр с серебряными капсулами. Пулями.

Кларет взял его и внимательно рассмотрел. Их взгляды встретились.

— Спасибо, — пробормотал Кларет.

Шелли молча покачал головой, будто не нуждаясь в благодарности. Кларет перезарядил револьвер, вставив туда серебряные пули. Шелли нервно наблюдал за ним, потирая руки.

— Не ходи, — попытался он убедить Кларета.

Последний крутанул барабан.

— У меня нет выбора, — бросил он по пути к двери.

Как только он ушел, я опять двинулся к карнизу. Снова пошел дождь. Я поторопился, чтобы не упустить Кларета, и прошел обратно к пожарной лестнице, спустился по ней и быстро обогнул здание, увидев, как Кларет шагает вниз по Рамblas. Я ускорил шаг, чтобы сократить дистанцию.

Он повернулся только на улице Фернандо, по направлению к Плаза-де-Сан-Хаиме. Между подъездами Плаза-Реаль я заметил телефон-автомат. Я понимал, что необходимо позвонить инспектору Флориану и рассказать о случившемся, но позвонить ему значило потерять Кларета.

Он углублялся в Баррио-Готико, я по-прежнему следовал за ним. Вскоре я перестал различать его силуэт среди огромных дворцов квартала. Мы попали в обворожительную Барселону, лабиринт призраков, где улицы были названы именами из легенд, а полотно истории ткалось под нашими ногами.

Глава двадцатая

Я преследовал Кларета до темной уочки за собором. На углу стояла палатка с масками, и проходя мимо, я ощутил на себе пустой взгляд бумажных лиц. Они буквально гипнотизировали. Кларет остановился метрах в двадцати, возле канализационного люка, и попытался сдвинуть тяжелую крышку.

Когда ему это удалось, он спустился в темную дыру внизу, и лишь тогда я приблизился. На металлических ступеньках раздались шаги, а ночную темноту прорезал луч света от фонаря. Я прокрался к краю люка и заглянул туда.

Из отверстия поднимался поток зловонного воздуха. Я оставался там до тех пор, пока шаги Кларета не стихли, а свет от его фонаря не исчез.

Пора было звонить инспектору Флориану.

Я увидел свет в баре, который то ли рано открывался, то ли поздно закрывался. Заведение представляло собой провонявшую вином забегаловку, расположенную в отдельной квартире дома, которому было не меньше трехсот лет. Хозяин бара был человек угрюмого вида с крошечными глазками, блестевшими, как военная форма. Он приподнял брови и с неприязнью взорвался на меня. Стена у него за спиной была украшена голубыми армейскими флагами, фотографиями Долины Павших и портретом Муссолини.

— Рано, — рявкнул он. — Открываемся в пять.

— Мне нужно только позвонить по телефону. Это срочно.

— Вернись в пять.

— Если бы я мог вернуться в пять, это не было бы срочно... Пожалуйста. Нужно вызвать полицию.

Хозяин пристально посмотрел на меня и наконец указал рукой на телефон на стене.

— Это не бесплатно. Деньги есть?

— Само собой, — соврал я.

Трубка аппарата была грязная и жирная, а рядом с ним стояла стеклянная тарелка с коробками спичек, на которых было название заведения — «Бар Валор» — под изображением имперского орла. Как только бармен отвернулся к кассе, я сунул в карман горсть коробков со спичками, а когда повернулся обратно, я выдал свою самую невинную

улыбку. Я набрал номер, который мне дал Флориан, и из трубки один за другим послышались гудки. Я уже было подумал, что страдающий бессонницей друг Флориана все-таки уснул под новостной выпуск Би-Би-Си, но вдруг на другом конце мне все-таки ответили.

— Доброй ночи. Простите, что беспокою в такой поздний час, — сказал я. — Мне нужно срочно поговорить с инспектором Флорианом. Время не ждет. Он дал мне этот номер, потому что...

— Кто звонит?

— Оскар Драй.

— Оскар кто?

Мне пришлось терпеливо повторить фамилию.

— Одну минуту. Не знаю, дома ли он. Света нет. Можете подождать?

Я посмотрел на хозяина бара, который протирал стаканы в ритме военного марша, сверля меня фирменным взглядом фюрера.

— Да, — смело сказал я.

Ожидание было нескончаемым. Бармен продолжал смотреть на меня так, будто я был сбежавшим преступником. Я безуспешно попробовал улыбнуться.

— Не могли бы вы сделать мне кофе с молоком? — спросил я. — Очень холодно.

— Еще нет пяти.

— А не подскажите, который час? — осведомился я.

— Пяти все еще нет, — ответил он. — А ты точно в полицию звонишь?

— Точнее, в гражданскую гвардию, — соврал я.

Наконец, я услышал голос Флориана — встревоженный и настороженный.

— Оскар? Где ты?

Я ему коротко пересказал основные факты. Когда я добрался до части про канализацию, он напрягся.

— Слушай меня внимательно, Оскар. Жди меня на месте и не уходи, пока я не приду. Я сейчас же возьму такси. Если что — беги. Обращайся в комиссариат на Виа-Лаэтана и спрашивай Мендосу. Он меня знает, и доверять ему можно. Но что бы там ни было, слышишь, что бы там ни было, не вздумай спускаться в этот туннель. Это ясно?

— Как божий день.

— Буду через пять минут.

Он положил трубку.

— С тебя семьдесят песет, — тут же сказал хозяин бара. — Ночной тариф.

— Заплачу в пять, мой генерал, — невозмутимо ответил я.

Мешки у него под глазами приобрели пунцовую оттенок.

— Что, малец, давно по физиономии не получал? — в ярости погрозил он.

Я не двинулся с места, пока он не вышел из-за барной стойки. Подожду Флориана у ларька с масками.

«Буду через пять минут», — сказал мне он.

Стрелки часов на соборе показывали четыре часа утра. Усталость начинала пронзать меня волчьими клыками.

Я стал ходить кругами, чтобы побороть сон и холод. Немного погодя я услышал шаги по брусчатке улицы и помчался Флориану навстречу, но фигура, которую я увидел, никак не походил на Флориана. Это была женщина.

Повинуясь инстинкту, я спрятался, опасаясь, что ко мне приближалась дама в черном. Тень уменьшилась, и женщина прошла мимо, не заметив меня. Это была Мария, дочь доктора Шелли.

Она подошла к канализации и нагнулась над открытым люком, уставившись в черную пропасть внизу. В руке у нее был стеклянный флакончик. Ее преображенное лицо блестело в лунном свете.

Она улыбалась. Я сразу понял, что творилось что-то нехорошее. Где-то в другом месте. Потом мне пришло в голову, что девушка была будто в трансе и сюда пришла в сомнамбулическом состоянии. Другого объяснения у меня не было. Лучше было принять эту гипотезу, чем думать об альтернативах. Я хотел подойти к ней, окликнуть по имени, сделать хоть что-нибудь. Набравшись смелости, я шагнул вперед. Не успел я это сделать, как Мария повернулась ко мне с быстротой и грацией кошки, будто почувствовав мой запах в воздухе. Ее глаза блестели, а на лице застыла такая гримаса, что у меня кровь в жилах похолодела.

— Уходи, — пробормотала она не своим голосом.

— Мария? — едва слышно пролепетал я, растерявшись.

В следующий момент она прыгнула в туннель. Я побежал к люку, ожидая увидеть внизу распростертное тело Марии Шелли. На мгновение в колодец упал луч лунного света. В глубине шахты блестело лицо Марии.

— Мария! — закричал я. — Стой!

Я спустился по лестнице быстро как мог. Не успел я пробежать и пары метров, как убийственный смрад стал сбивать меня с ног. Просвет наверху становился все меньше по мере того, как я удалялся. Я нашупал в кармане коробок спичек и зажег огонь. Зрелище, открывшееся мне, было абсолютно нереальным.

Туннель цилиндрической формы терялся во мраке, а воздух был напитан влагой и запахом разложения. Пол кишел крысами. В этом подземном лабиринте, казалось, слышалось эхо всего города. Покрытая слоем грязи надпись на стене гласила:

Коллектор. Сектор 4. Уровень 2. Участок 66.

Стена по другую сторону туннеля была наклонена. В некоторых участках коллектора можно было видеть слои почвы — все уровни древней Барселоны один за другим.

Я разглядывал трупы старых городов, на которых покоился новый. Место, где Сентис встретил свою кончину. Я зажег другую спичку. Я подавил подступившую к горлу тошноту и двинулся по следам.

— Мария?

Мой голос вернулся ко мне неземным эхом, от которого кровь стыла в жилах. Я решил больше ничего не говорить. Я видел десятки красных точек, которые, словно насекомые, двигались вокруг пруда. Крысы. Спички, которые я зажигал одну за другой, держали их на расстоянии.

Я не был уверен, стоит ли мне продолжать углубляться в туннель. Вдруг вдалеке раздался голос. Я в последний раз взглянул на открытый люк: Флориана не было и в помине. Снова этот голос. Я глубоко вздохнул и стал прокладывать в полумраке маршрут.

Туннель, по которому я шел, напоминал кишечник животного. Внизу все было покрыто слоем жидких фекалий. Я наугад продвигался при слабом свете спичек, которые жег одну за другой, чтобы темнота не поглотила меня полностью. Мое обоняние постепенно привыкало к запаху клоаки. Температура в помещении стала повышаться, а липкая влажность уже ощущалась на коже, одежде и волосах.

В нескольких метрах над собой я увидел красный грубо нарисованный крест. На стенах были другие похожие кресты. Мне показалось, что внизу под ногами что-то блеснуло, и наклонился, чтобы рассмотреть предмет. Я сразу узнал снимок — то была одна из фотографий, которые мы нашли в альбоме оранжереи. Тут же валялись и другие фотографии, и все они упали из одного места. Некоторые были порваны. В двадцати шагах я увидел то,

что осталось от альбома.

Я взял его и пролистал пустые страницы.

Казалось, кто-то искал что-то в этом альбоме, а когда не нашел, в ярости разорвал его на кусочки.

Я находился в помещении, где было что-то вроде перекрестка труб. Подняв голову, я едва успел заметить, как надо мной закрылась крышка другого люка.

Мне показалось, что я увидел решетку. Я приподнял спичку, но поток смрадного воздуха из коллектора погасил пламя. В этот момент раздался странный звук, как будто что-то вязкое медленно ползло по стене. По позвоночнику пробежал холодок. Я в темноте нащупал еще одну спичку и попытался зажечь ее, но ничего не вышло. На этот раз сомнений не было: что-то в туннеле перемещалось, что-то живое. И это были не крысы. Я задыхался. Зловоние этого места перекрывало дыхательные пути. Наконец, спичка в моих пальцах зажглась. Сначала пламя меня ослепило, а потом я увидел, как что-то мчится прямо на меня. Через весь туннель. Неясные фигуры рассредоточились по всей канализации как разбежавшиеся пауки. Из моих дрожащих рук выпала спичка. Я хотел броситься бежать, но все мышцы будто онемели.

Вдруг луч света разрезал тени, и я мельком увидел протянутую мне руку.

— Оскар!

В моем направлении бежал инспектор Флориан. В одной руке у него был фонарь, а в другой — револьвер. Он подбежал и посветил фонарем в каждый темный угол. Мы оба слышали, как страшные силуэты с леденящими душу звуками бегут от лучей света. Флориан держал пистолет наготове.

— Что это было?

Я хотел ответить, но голос мне изменил.

— И какого дьявола ты делаешь тут, внизу?

— Мария... — едва слышно вымолвил я.

— Что?

— Пока я вас ждал, сюда спрыгнула Мария Шелли и...

— Дочь Шелли? — растерянно спросил Флориан. — Здесь?

— Да.

— А Кларет?

— Не знаю. Я шел за ним до сюда...

Флориан внимательно посмотрел на стены вокруг. В конце коридора была закрытая ржавая дверь. Инспектор нахмурил брови и медленно двинулся к ней. Я пошел следом.

— Так это здесь нашли тело Сентиса?

Флориан молча кивнул, указывая на противоположный конец туннеля.

— Эта сеть коллекторов тянется до старого рынка в Борне. Сентиса нашли здесь, но тело явно перетаскивали.

— А не здесь находится старая фабрика «Вело Гранелл»?

Флориан снова кивнул.

— А вы не думаете, что кто-то может использовать эти подземные тунNELи, чтобы перемещаться под городом, между фабрикой и...?

— На, держи фонарь, — перебил меня инспектор. — И вот это.

«Вот этим» оказался револьвер. Я рассматривал его, пока Флориан ломал дверь. Оружие весило больше, чем я думал. Я положил палец на курок и направил на револьвер фонарь. Инспектор бросил на меня убийственный взгляд.

— Осторожней, это тебе не игрушка. Будешь валять дурака — разнесет на куски.

Дверь поддалась. Вонь, потоком хлынувшая изнутри, была неописуемо ужасна. Мы сделали несколько шагов назад, пытаясь одолеть тошноту. Я достал платок и закрыл им рот и нос и отдал Флориану пистолет, а фонарь оставил у себя.

Инспектор пнул ногой дверь и прошел вперед. Воздух внутри был таким тяжелым и вязким, что было удивительно, как там могло быть что-то видно. Флориан взвел курок и двинулся дальше.

— Оставайся здесь, — приказал он.

Я пропустил его приказ мимо ушей и пошел к двери.

— Боже мой!.. — вдруг воскликнул Флориан.

Я почувствовал удушье: сознание не могло справиться с картиной, открывшейся нашим глазам. В темноте на ржавых крюках висели десятки обезображеных тел. На двух столах под ними в беспорядке валялись самые разные детали: металлические ноги, шестеренки, стальные и деревянные механизмы. В стеклянном шкафу стояла целая коллекция флаконов и набор медицинских шприцов, а вся стенка была увешана грязными почерневшими хирургическими инструментами.

— Это еще что? — настороженно пробормотал Флориан.

Тело из дерева и кожи, металла и плоти лежало на столах, словно незаконченная дьявольская игрушка. Это был ребенок с круглыми глазами рептилии и раздвоенным языком, который высывался между черными губами. На лбу было отчетливо видно клеймо в виде черной бабочки.

— Это его мастерская... Так вот где он их делает... — вырвалось у меня.

В этот момент глаза кошмарной куклы задвигались, а голова повернулась. Внутри что-то защелкало, словно часы при настройке.

Существо в упор смотрело на меня. Оно облизнуло губы раздвоенным языком и улыбнулось нам.

— Уходим отсюда! — сказал Флориан. — Сейчас же!

Мы вернулись в коридор и закрыли за собой дверь. Флориан запыхался, а я не мог вымолвить ни слова. Он взял из моей дрожащей руки фонарь и осмотрел туннель. Тут я увидел, как в луче света сверху упала капля.

И еще одна. И еще. Блестящие капли красного цвета. Кровь. Мы молча переглянулись. Что-то капало с потолка.

Инспектор жестом показал мне, чтобы я отступил на несколько шагов назад, и направил луч света вверх. Я увидел, как его лицо залила мертвенная бледность, а твердая рука задрожала.

— Беги, — выдавил он. — Прочь отсюда!

Он взглянул на меня в последний раз и поднял револьвер. В этом взгляде я прочитал прежде всего ужас, а за ним — уверенность в собственной гибели. Он было открыл рот, чтобы сказать что-то еще, но так и не сказал. Никогда. На него из темноты бросилась какая-то тварь и ударила его, не успел он сообразить. Раздался выстрел и оглушительный рикошет пули от стены. Фонарь упал в грязную воду. Тело Флориана с такой силой ударилось об стену, что на почерневшей поверхности остался след в виде креста. Я был уверен, что к тому моменту, как тело инспектора коснулось земли, он был уже мертв.

Я в панике бросился бежать, вспоминая обратную дорогу. Звериный вой заполнил пространство туннеля. Я обернулся. С десяток тварей расползлось по всем углам.

Я бежал быстро, как никогда, слыша за спиной вой невидимой своры, шедшей за мной по пятам. В сознании намертво отпечаталась картина, как тело Флориана с раскинутыми руками ударяется об стену.

Я уже был близко к люку, когда в нескольких метрах надо мной

мелькнула тень, загораживая мне путь к свободе. Я встал как вкопанный. Струившийся сверху свет падал на лицо арлекина. Вокруг стеклянных глаз были черные ромбы, а из-под деревянных губ торчали стальные клыки. Я шагнул назад и почувствовал чьи-то руки на своих плечах. Когти рвали на мне одежду. Что-то сомкнулось вокруг горла — липкое и холодное. Узел завязывался, не позволяя мне дышать. Глаза застлала толстая пелена. Чего-то вцепилось мне в ноги. Арлекин передо мной нагнулся и протянул руки к моему лицу. Я думал, что вот-вот потеряю сознание, а в следующий момент уже молился, чтобы так и произошло. Вдруг голова из дерева, кожи и металла разлетелась на кусочки.

Выстрел раздался справа от меня. От грохота чуть не лопнули барабанные перепонки, и в воздухе повис запах пороха. Арлекин валялся у меня в ногах. Еще один выстрел. Удушающая хватка вокруг горла исчезла, и я повалился на землю, ощущая лишь сильный запах пороха. Кто-то подбежал ко мне. Я открыл глаза и увидел, что надо мной склонился человек. Он поднял меня.

Потом я увидел дневной свет, а легкие наполнил свежий воздух. Я потерял сознание и помню только звон маленьких колокольчиков лошадиной упряжки на фоне бесперебойного звона больших колоколов.

Глава двадцать первая

Комната, в которой я очнулся, показалась мне знакомой. Окна были закрыты, а сквозь занавески струился прозрачный свет. Рядом со мной был чей-то неподвижный силуэт.

Марина.

— Добро пожаловать в мир живых.

Я рывком сел на кровати. Зрение тут же помутилось, а в мозг вонзились стальные иглы. Марина положила руку мне на плечо, и боль стала медленно утихать.

— Тише, — прошептала она.

— Как я тут оказался?

— Кто-то привез тебя на рассвете. В карете. Не знаю, кто.

— Кларет, — пробормотал я, восстанавливая по кусочкам события вчерашней ночи.

Это Кларет вызволил меня из туннеля и привез назад, в особняк. Я понял, что обязан ему жизнью.

— Ты меня до смерти напугал. Где ты пропадал? Я тебя ждала всю ночь. Никогда больше не смей так делать, слышишь?

У меня болело все тело, и даже кивнул в ответ я с трудом.

Я снова растянулся на кровати. Марина поднесла к моим губам стакан воды, который я опустошил залпом.

— Еще хочешь?

Я закрыл глаза и услышал, как она снова наполняет стакан.

— А Герман? — спросил я.

— У себя в кабинете. Он беспокоится за тебя. Я сказала, что ты неважно себя чувствуешь.

— И он поверил?

— Мой отец верит всему, что я говорю, — просто ответила Марина, протягивая мне стакан.

— Зачем он столько сидит у себя в кабинете, раз больше не рисует?

Марина взяла меня за запястье и проверила пульс.

— Мой отец художник, — сказала она чуть погодя. — А художники живут либо будущим, либо прошлым. У Германа остались лишь воспоминания. Ими он и живет.

— Но у него есть ты.

— Я его главное воспоминание, — она посмотрела мне прямо в

глаза. — Я тут принесла тебе покушать. Нужно восстанавливать силы.

Я жестом отказался. О еде было противно даже думать.

Марина поддерживала мне голову, пока я пил. Прохладная чистая вода казалась мнеnectаром.

— Который час?

— Полдень. Ты проспал почти восемь часов.

Она приложила руку мне ко лбу на несколько секунд.

— Хотя бы температуры больше нет.

Я открыл глаза и улыбнулся. Марина, побледневшая, сосредоточенно смотрела на меня.

— Ты бредил. Разговаривал во сне...

— И что говорил?

— Глупости всякие.

Я потрогал пальцами горло. Больно.

— Не трогай, — сказала Марина, хватая меня за руку. — У тебя тут порядочная рана. А еще порезы на плечах и спине. Кто это с тобой сделал?

— Не знаю...

Марина нетерпеливо вздохнула.

— Ты меня жутко напугал. Я не знала, что делать. Сходила позвонить Флориану, но в баре мне сказали, что ты уже звонил, и инспектор ушел в неизвестном направлении. Я звонила еще раз незадолго до рассвета, но он еще не вернулся...

— Флориан мертв, — голос мой дрогнул, когда я произнес имя бедного инспектора. — Вчера ночью я снова был на кладбище... — начал я.

— Да ты совсем рехнулся, — перебила Марина.

Возможно, так оно и было. Она молча протянула мне третий стакан воды, и я выпил все до последнего глотка, после чего не торопясь поведал ей о событиях прошедшей ночи. Когда я закончил рассказ, Марина лишь молча смотрела на меня. Мне показалось, что ее что-то беспокоило. И это что-то не имело никого отношения к тому, что я рассказал. Она заставила меня съесть все, что принесла, хотел я того или нет. На подносе был хлеб и шоколад. Она не отрывала от меня глаз, пока не убедилась, что съел половину плитки и кусок хлеба астрономических размеров. Попавший в кровь сахар быстро вернул меня к жизни.

— Пока ты спал, я тоже поиграла в детектива, — Марина указала на толстую книгу в кожаном переплете на прикроватной тумбочке.

Я прочитал на корешке заглавие.

— Ты увлекаешься энтомологией?

— Насекомыми, — уточнила Марина. — Я кое-что нашла о хорошо нам знакомой черной бабочке.

— О Дьяволе...

— Уникальное создание. Она обитает в туннелях и подвалах, избегает света. Ее жизненный цикл состоит из четырнадцати дней. Перед смертью она хоронит себя в отбросах, а через три дня на том же месте появляется новая личинка.

— Она воскресает?

— Можно сказать и так.

— А питается чем? — спросил я. — В туннелях ведь ни цветов, ни пыльцы...

— Ест своих же, — ответила Марина. — Все описано в книге. Типичные представители братьев наших меньших среди насекомых.

Марина подошла к окну и раздвинула занавески. Солнечный свет затопил комнату. Девушка в задумчивости не отходила от окна. Я почти слышал, как врачаются шестеренки ее мозга.

— Зачем было нападать на тебя и отнимать альбом, а потом разбрасывать фотографии оттуда?

— Возможно, нападавший искал что-то, что было в альбоме.

— Но, что бы это ни было, этого там не оказалось... — закончила за меня подруга.

— Доктор Шелли... — вдруг вспомнил я.

Марина растерянно посмотрела на меня.

— Когда мы к нему пришли, то принесли снимок, сделанный в его приемной, — объяснил я.

— И оставили ему!..

— Скажу больше. Когда мы уходили, он бросил фото в огонь.

— Зачем Шелли сжигать этот снимок?

— Возможно, он не хотел, чтобы эту фотографию кто-либо видел... — предположил я, поднимаясь с кровати.

— И куда это ты собрался?

— К Луису Кларету, — ответил я. — У этого человека есть ответы на все наши вопросы.

— В течение ближайших двадцати четырех часов ты не выйдешь из этого дома, — заупрямилась Марина, направляясь к двери, — Инспектор Флориан погиб, спасая тебя, давая возможность убежать.

— В течение ближайших двадцати четырех часов то, что обитает в этих туннелях, вполне может отправиться искать нас, если мы не сделаем

ничего, чтобы это остановить, — возразил я. — Восстановить справедливость — это меньшее, что мы можем сделать для Флориана.

— Шелли сказал, что для мертвых справедливость не нужна, — напомнила Марина. — Возможно, он был прав.

— Возможно, — признал я. — Но она нужна нам.

Когда мы подошли к границе Раваля, в переулках уже висел туман, окрашенный светом жилых домов и видавших виды притонов. Мы оставили позади приветливый шум квартала Рамблас и стали углубляться в самый убогий район города. Тут не было ни одного туриста и ни одного зеваки. За нами украдкой наблюдали из дверей вонючих подъездов и неаккуратно прорубленных окон фасадов, которые как будто таяли, словно глина. Шум работающих телевизоров и радио наполнял этот остров нищеты, не поднимаясь выше крыш.

Глас Раваля вообще никогда не достигал неба.

Вскоре в просветах между зданиями, покрытыми многолетним слоем грязи, стал виден темный, внушительный силуэт Большого королевского театра. На шпиле здания, словно флюгер, красовалась большая бабочка с черными крыльями. Мы замерли, глядя на это фантастическое зрелище. Самое невероятное здание Барселоны разлагалось здесь как труп в болоте.

Марина указала на освещенные окна третьего этажа пристройки. Я увидел вход в конюшню, откуда можно было попасть в жилище Кларета.

Мы направились к двери. Под лестницей все еще хлюпала вода, оставшаяся после вчерашнего ливня. Мы стали подниматься по шатким темным ступеням.

— А если он не захочет нас принять? — Обеспокоенно спросила Марина.

— Вероятно, он ждет нас, — пришло мне в голову.

Когда мы поднялись на второй этаж, я заметил, что Марина дышала тяжело, с большим трудом. Я остановился и увидел ее бледное лицо.

— Ты как?

— Немного усталая, — с неубедительной улыбкой ответила она. — Ты идешь слишком быстро.

Я взял ее за руку и повел наверх ступенька за ступенькой.

Мы остановились у двери Кларета. Марина глубоко вздохнула, и я увидел, как задрожала у нее грудь.

— Я в порядке, правда, — сказала она, угадывая мои опасения. —

Пойдем скорей. Ты меня сюда привел не окрестностями любоваться.

Я постучал в дверь костяшками пальцев. Деревянная дверь была массивной, старой и твердой, как стена. Я постучал еще раз. Послышались медленные шаги. Открылась дверь, и мы увидели Луиса Кларета — человека, который спас мне жизнь.

— Проходите, — только и сказал он, снова уходя в глубь комнаты.

Мы закрыли за собой дверь. Квартира была темной и холодной. Краска хлопьями свисала с потолка, словно чешуя рептилии. В светильниках без ламп обитали пауки. Плиточная мозаика у наших ног превратилась в осколки. Тут мы услышали из глубины квартиры голос Кларета.

Мы пошли за ним следом и попали в комнату, слабо освещенную огнем в камине. Кларет сидел у камина, молча глядя на раскаленные угли. Стены были увешаны старыми портретами, изображениями людей и лиц из других времен. Кларет посмотрел на нас. У него был ясный, пронизывающий взгляд, седые волосы и морщинистая кожа. Время избороздило его лицо десятками линий, но в нем чувствовалась такая жизненная сила, какой не было и в людях на тридцать лет моложе. В нем угадывались стать и манеры человека, привыкшего к высшему свету.

— У меня не было возможности вас поблагодарить. За то, что спасли мне жизнь.

— Ты не меня должен благодарить. Как вы меня нашли?

— Вас упоминал инспектор Флориан, — вмешалась Марина. — Он сказал нам, что вы и доктор Шелли были единственными людьми, которые до конца оставались с Михаилом Кольвенником и Евой Ириновой и никогда их не покидали. Как вы познакомились с Кольвенником?

На губах Кларета заиграла слабая улыбка.

— Сеньор Кольвенник приехал в этот город в самую холодную зиму века, — начал он. — Одинокий, голодный и замерзший, он нашел убежище в подъезде старого здания, где и решил переночевать. Денег у него едва хватило бы на хлеб и горячий кофе. Больше у него не было ничего.

Пока он размышлял, как быть дальше, он заметил, что был в подъезде не один. Там так же скрывался от холода ребенок лет пяти — нищее дитя в лохмотьях, такое же потерянное, как и он сам. Они говорили на разных языках, так что понимали друг друга с трудом. Но Кольвенник ему улыбнулся и отдал свои деньги, жестами показав мальчику, чтобы тот купил себе еды. Ребенок, не веря в то, что произошло, со всех ног побежал в круглосуточную булочную на Плаза-Реаль за коврикой хлеба. Он вернулся назад, чтобы разделить трапезу с незнакомцем, но того уже забирала полиция.

В тюрьме Кольвеника сильно избили. Пока он отлеживался в больнице, ребенок околачивался у дверей тюрьмы как потерявшая хозяина собака. Спустя две недели Кольвеник, хромая, вышел на свободу.

Мальчик ждал его, чтобы помочь. Он превратился в его проводника и поклялся никогда не покидать человека, который спас его в худшую из ночей, отдав все до последнего гроша... Этим мальчиком был я.

Кларет поднялся и жестом показал нам, чтобы мы последовали за ним по узкому коридору, ведшему к двери. Он достал ключ и открыл дверь. За ней была еще одна такая же дверь, а между ними — небольшая прихожая.

Чтобы хоть что-то видеть в царившем тут мраке, Кларет зажег свечу. Он открыл другим ключом вторую дверь. В прихожую хлынул поток воздуха, и свеча зашипела. Когда мы подошли ко второй двери, Марина сильно сжала мне руку. Мы замерли на месте, созерцая потрясающее зрелище — внутреннее убранство Большого королевского театра.

Огромный купол возвышался на десятки метров. Бархатные занавески лож колыхались в пустоте. Огромные хрустальные люстры над рядами кресел, бесконечными и пустыми, так никогда и не подключили к электричеству. Мы через боковую дверь попали на сцену. Над нами располагался механизм для перемены декораций, состоявший из множества занавесов, помостов, блоков и мостков, терявшихся за пределами видимости.

— Сюда, — повел нас Кларет.

Мы пересекли сцену. В оркестровой яме валялись кое-какие инструменты. На дирижерском пюпитре лежали открытая на первой странице партитура, покрытая слоем паутины. Со сцены был виден широкий центральный проход партера, устланный ковром и ведший в никуда. Кларет прошел к двери, из-под которой виднелся свет, и жестом показал нам ждать его снаружи. Мы с Мариной переглянулись.

Это была дверь в гримерную.

Сотни великолепных одеяний висели на металлических вешалках. Вдоль стены был ряд подсвеченных лампами зеркал. Стена напротив была увешана изображениями женщины неземной красоты. То была Ева Иринова, ворожея театральных подмостков. Женщина, для которой Михаил Кольвеник создал все это великолепие. Тогда мы ее и увидели.

Напротив зеркала сидела дама в черном, молча глядя из-под вуали на свое отражение. Услышав наши шаги, она медленно обернулась и

приветливо кивнула.

Только тогда Кларет провел нас внутрь. Мы приблизились к ней, словно к призраку — со смесью ужаса и восторга, — и остановились в паре метров. Кларет, настороженный, остался стоять на пороге. Женщина снова повернулась к зеркалу, изучая свое отражение.

Вдруг она невероятно изящным движением подняла вуаль. В тусклом свете лампочек мы увидели в зеркале ее лицо. Точнее, то, что оставила от него кислота.

Голые кости и увядшая кожа. Бесформенный рот — просто щель на обезображенном лице.

Глаза, которые не могли плакать. Мы видели кошмарное уродство, обычно скрытое под вуалью.

Открыв свое лицо и обнаружив свою личность, дама таким же изящным жестом опустила вуаль и жестом показала, чтобы мы садились.

Последовала длительная пауза.

Ева Иринова протянула руку к лицу Марины и погладила его, касаясь щек, губ и шеи. Она читала Маринину красоту и совершенство дрожащими жадными пальцами. Марина сглотнула. Женщина опустила руку, и я увидел под вуалью блеск ее глаз без век. Лишь тогда она заговорила и поведала нам историю, остававшуюся тайной больше тридцати лет.

Глава двадцать вторая

— Свою родную страну я видела лишь на фотографиях. Все, что я знала о России было мною почерпнуто из анекдотов, рассказней и воспоминаний других народов. Я родилась на корабле, шедшем по Рейну, в послевоенной разрухе и запустении.

Много лет спустя я узнала, что моя мать, уже беременная мною — больная и всеми покинутая — тайно пересекла российско-польскую границу, спасаясь от революции. Родив меня, она скончалась. Я так и не узнала, как ее звали и кто был моим отцом. Ее похоронили на берегу реки в безымянной могиле, а меня взяли на воспитание близнецы Сергей и Татьяна Глазуновы, актеры из Санкт-Петербурга, которые путешествовали на том же корабле. Как сказал мне Сергей впоследствии, сделали они это не только из сострадания, но и потому что я родилась с глазами разного цвета, что считается хорошей приметой.

Благодаря изворотливости и умелым манипуляциям Сергея в Варшаве мы примкнули к цирковой труппе, направлявшейся в Вену. В моих первых воспоминаниях фигурируют члены этой труппы и их звери. Цирковой шатер, жонглеры и глухонемой факир по имени Владимир, который ел стекло, выдыхал огонь и часто дарил мне бумажных птичек, которых делал якобы с помощью магии.

Вскоре Сергей стал директором труппы и мы поселились в Вене.

Цирк был моей школой и домом. Уже тогда мы знали, что он был обречен. Ситуация на мировой арене становилась более гротескной, чем пантомимы наших паяцев и танцы цирковых медведей. Очень скоро в нас перестали нуждаться. Двадцатый век стал самой большой цирковой площадкой в истории мира.

Когда мне исполнилось семь или восемь, Сергей заявил, что мне пора зарабатывать себе на пропитание.

Я стала принимать участие в представлениях — сначала в качестве талисмана Владимира, а потом с сольным номером, в котором я пела колыбельную медведю.

Однако мой номер, который изначально задумывался лишь как связка, имел успех. И больше всех это удивило меня. Сергей решил расширить поле моей деятельности. Так я начала петь песни нашим больным, голодным львам, стоя на ярко освещенном помосте. И звери, и публика заворожено слушали меня. В Вене пошли слухи о девочке, которая звуками

своего голоса могла укрощать диких зверей. И люди платили деньги, чтобы посмотреть на меня. Мне было девять лет.

Сергей быстро понял, что цирк ему больше не нужен. Девочка с глазами разного цвета действительно приносила удачу. Он оформил все документы и официально стал моим опекуном, после чего объявил труппе, что мы теперь были сами по себе. Сергей намекал на то, что цирк — неподходящее место, чтобы растить девочку. Когда выяснилось, что кто-то на протяжении многих лет клал себе в карман часть прибыли цирка, Сергей с Татьяной обвинили Владимира, а потом еще добавили, что он позволял себе некие вольности в отношении меня. Так Владимира осудили и посадили в тюрьму, хотя денег он не брал.

В честь ухода из труппы Сергей купил роскошный автомобиль, стал одеваться как денди и дарить Татьяне дорогие украшения. Мы сняли виллу в венском лесу.

Было неясно, где Сергей берет деньги на всю эту роскошь. Я дни и ночи напролет пела в театре рядом с Венской оперой в спектакле под названием «Московский ангел». Меня называли Евой Ириновой — это имя Татьяна встретила в каком-то успешном бульварном романе. Впоследствии таких заимствований было множество.

По совету Татьяны я стала брать уроки у преподавателей вокала, актерского мастерства и танцев. Я либо выступала, либо репетировала. Сергей не разрешал мне заводить друзей, ходить на прогулки, оставаться одной или читать книги. Он говорил, что это для моего же блага. Когда я вошла в подростковый период, по настоянию Татьяны мне была выделена отдельная комната. Сергей неохотно согласился, но ключ оставил себе. Он часто возвращался домой пьяным и пытался войти в мою комнату. Как правило, он бывал настолько пьян, что просто не мог попасть ключом в замочную скважину. Но не всегда. В те годы единственной моей отрадой были овации безликой публики. Со временем одного лишь воздуха мне стало мало для жизни.

Мы часто путешествовали. Слухи обо мне вышли за пределы Вены и достигли ушей парижских, миланских и мадридских импресарио. Сергей и Татьяна неотлучно следовали за мной. Само собой, я не видела ни гроша из денег, которые на мне зарабатывали, и даже не знала, что с ними делают. У Сергея вечно были долги и кредиторы. По его словам, все это было из-за меня, так как деньги уходили на мое содержание, а я никак не отблагодарила их с Татьяной за все, что они для меня делали. Сергей

внушил мне, что я была глупой, ленивой, невежественной неряхой. Я была полнейшим ничтожеством, недостойным ничьей любви и уважения.

Но это было неважно, ведь, — шептал мне на ухо Сергей, испуская запах алкоголя, — они с Татьяной всегда будут рядом, чтобы заботиться обо мне и защищать меня от мира.

В день своего шестнадцатилетия я осознала, что противна самой себе и даже в зеркало смотреть мне тошно. Я стала голодать. Мое тело тоже было мне ненавистно, и я прятала его под грязными лохмотьями. Однажды я нашла у Сергея в мусоре старую бритву, забрала ее себе и часто резала себе руки, чтобы наказать себя. Татьяна каждый вечер молча обрабатывала порезы.

Два года спустя в Венеции увидевший меня на сцене граф сделал мне предложение.

В тот вечер Сергей зверски меня избил.

Он разбил мне лицо и сломал два ребра. Татьяна при помощи полицейских смогла его удержать, но Венецию я покинула в карете скорой помощи.

Мы вернулись в Вену, где финансовые проблемы Сергея приняли совсем серьезный характер. Нам угрожали. Однажды ночью кто-то пытался поджечь дом, пока мы спали.

За несколько недель до этого Сергею поступило предложение от мадридского импресарио, который видел мое успешное выступление. Даниэль Местрес, как он себя называл, участвовал в реконструкции старого Королевского театра, и хотел открыть новый сезон с моим участием. Так мы собрали чемоданы и практически сбежали из Вены на рассвете, направляясь в Барселону. Мне должно было вот-вот исполниться девятнадцать лет, и я молила небо, чтобы оно не позволило мне дожить до двадцати. Тогда я стала подумывать о самоубийстве: меня в этом мире ничего не держало. Уже давно я была мертва, просто не понимала этого. В то время я и повстречала Михаила Кольвеника...

Я несколько недель выступала в Королевском театре. В труппе поговаривали, что некий джентльмен каждый вечер приходил послушать меня, занимая одну и ту же ложу.

Тогда по Барселоне ходили самые разные слухи о Михаиле Кольвенике. О том, как он сколотил себе состояние... О его личной жизни и происхождении, полных тайн и загадок... О нем ходили легенды.

Зaintригованная этим необычным человеком, я решила пригласить его к себе в гримерную после выступления.

Когда Михаил постучался в дверь, была уже почти полночь. Из-за дурацких пересудов я ожидала увидеть кого-то страшного и высокомерного. Однако по первому впечатлению передо мной был робкий и замкнутый человек, скромно одетый во все черное. Я не увидела никаких аксессуаров или украшений, кроме брошки в виде черной бабочки. Он поблагодарил меня за приглашение и выказал мне свое восхищение, заверив меня, что для него такое знакомство — большая честь. Я ответила, что в свете всего, что я о нем слышала, это знакомство — честь для меня. Он мне улыбнулся и сказал, чтобы я выкинула все слухи из головы.

У Михаила была самая красивая улыбка, какую я видела в жизни. Когда он улыбался, собеседник был готов поверить любому его слову.

Кто-то однажды сказал, что Михаил бы смог убедить Колумба, что Земля совершенно плоская. И этот человек был прав. В ту ночь он уговорил меня пройтись с ним по улицамочной Барселоны и сказал, что частенько блуждает по спящему городу. Я почти не покидала пределов театра за прошедшие несколько недель, так что быстро согласилась. Я знала, что Сергей с Татьяной будут в ярости, когда узнают об этом, но мне было все равно.

Мы незамеченными выскользнули из театра и гуляли под руку до рассвета. Его глазами я увидела волшебный город с его загадками, обворожительными уголками и непередаваемым духом, наполнявшим улицы.

Михаил рассказал мне тысячу историй.

Мы прошлись по секретным улочкам Баррио-Готико и старому городу. Казалось, мой спутник знал тут абсолютно все: кто в каком доме жил, какие преступления совершились за каждой стеной и какие романы вспыхивали в каждом окне. Он знал имена всех архитекторов, ремесленников и еще тысячу имен безвестных людей, которые соорудили все это великолепие. Пока он говорил, у меня сложилось впечатление, что он никому до меня всего этого не рассказывал. Меня волной накрыло осознание того, насколько он был одинок, и со временем я стала видеть в нем бездонную пропасть, которая тянула меня непреодолимо. Когда рассвело, мы сидели на скамье у театра. Я смотрела на незнакомца, с которым блуждала по городу столько часов, и мне показалось, что я знаю его целую вечность. Так я ему и сказала. Он засмеялся, и в тот момент я с редкой отчетливостью, что ощущается всего пару раз за всю жизнь, поняла, что проведу остаток жизни

с ним.

В ту ночь Михаил сказал, что жизнь скрупульезно дает каждому из нас мгновения чистого счастья, которое иногда измеряется считанными неделями или даже днями.

А иногда годами. Все определяется везением. Память об этих мгновениях остается с нами на всю жизнь, со временем превращаясь в страну воспоминаний, куда мы безуспешно стремимся вернуться. Свои моменты чистого счастья я пережила в ту первую ночь, гуляя по городу...

Реакция Татьяны и Сергея была незамедлительной. Особенно Сергея. Мне запретили видеться и общаться с Михаилом. Сергей сказал, что если я без его разрешения выйду из театра, он меня убьет.

Впервые в жизни я ясно осознала, что внушает мне не страх, а только презрение. Чтобы взбесить его окончательно, я сказала, что Михаил сделал мне предложение, и я согласилась. Он же напомнил мне, что был моим законным опекуном и не собирался давать разрешение на брак. Когда он сказал, что мы уезжаем в Лиссабон, я передала Михаилу отчаянное послание через танцовщицу труппы.

В тот вечер Михаил накануне спектакля прибыл в театр в сопровождении двух своих адвокатов, чтобы встретиться с Сергеем. Он объявил, что, согласно заключенному днем контракту, он является новым собственником Королевского театра.

Сергея и Татьяны в театре больше быть не должно.

Михаил показал моему опекуну подборку документов, которые свидетельствовали о его криминальной деятельности в Вене, Варшаве и Барселоне. Этых бумаг хватило бы, чтобы упратить его за решетку на пятнадцать-двадцать лет. К ним прилагался чек на внушительную сумму, которой было достаточно, чтобы Сергей рассчитался с кредиторами и безбедно существовал до конца дней своих. Предложение заключалось вот в чем: если они с Татьяной в течение сорока восьми часов навсегда покидали Барселону и обязались никогда не вступать со мной в контакт, Михаил отдавал им досье и чек. Если же они отказывались от сотрудничества, папка отправлялась прямиком к прокурору, а деньги использовались, чтобы смазать шестеренки машины правосудия.

Сергей был вне себя от ярости. Он вопил, что никогда меня не отпустит, и я смогу зажить своей жизнью только через его труп. Михаил с улыбкой на губах распрощался с ним.

В тот вечер Татьяна и Сергей посетили некоего человека, который предлагал услуги наемного убийцы. Когда они от него вышли, по их карете кем-то были произведены выстрелы, едва не ставшие смертельными. Газеты публиковали самые разные версии, объясняющие нападение. На следующий день Сергей принял предложение Михаила и покинул город вместе с сестрой, не попрощавшись...

Когда я узнала о случившемся, то напрямую спросила у Михаила, он ли организовал покушение. Я отчаянно желала, чтобы он сказал нет. Он пристально посмотрел на меня и спросил, почему я в нем сомневалась. У меня внутри все оборвалось. Карточный домик из счастья и надежд должен был вот-вот рухнуть. Я спросила его еще раз.

Михаил сказал нет. Он не был в этом замешан.

— Если бы покушение было моей инициативой, они оба были бы мертвы, — холодно сказал он.

Потом он нанял одного из лучших архитекторов города, чтобы построить особняк в парке Гуэля по его указаниям. Цена не имела значения.

Пока особняк строился, Михаил снял для нас целый этаж в Отель Колумба на Плаза-Каталунья. Там мы временно поселились. Я с удивлением открыла для себя, что прислуги может быть столько, что имен и не упомянуть. У Михаила же был только один помощник, Луис, его шофер.

Ко мне в покой приходили ювелиры из «Багес», а лучшие модистки снимали с меня мерки, чтобы сшить для меня гардероб императрицы. В лучших заведениях Барселоны на мое имя был открыт безлимитный кредит. Люди, которых я видела впервые, кланялись мне в вестибюле отеля и на улицах города. Мне прсылали приглашения на самые роскошные балы во дворцы, обладателей которых я видела лишь на страницах газет. Мне едва исполнилось двадцать, и до этого момента я никогда не располагала деньгами. Это было как сон наяву. Постепенно я начала уставать от роскоши и мотовства. Когда я сказала об этом Михаилу, он ответил, что деньги не имеют ни малейшего значения до тех пор, пока они есть.

Мы проводили дни вместе, гуляя по городу, захаживая в казино Тибидабо, хотя я ни разу не видела Михаила за азартной игрой, бывали в Лицее... Вечером же мы возвращались в Отель Колумба и Михаил удалялся в свои комнаты.

Я стала замечать, что Михаил часто уходил ночью и возвращался лишь после рассвета. Он говорил, что отлучался по рабочим делам. Но по городу ползло все больше слухов. Мне начинало казаться, что я выхожу замуж за человека, которого знали все, кроме меня самой. Я слышала, как служанки переговаривались у меня за спиной, и видела, как на улицах меня с фальшивыми улыбочками изучали встречные. Очень скоро я стала пленницей собственных подозрений, мучимая одной мыслью: вся эта роскошь вокруг делала меня не более чем предметом обстановки. Еще одним капризом Михаила. Он мог купить что угодно: Королевский театр, Сергея, машины, побрякушки, дворцы. И меня. Каждый раз видя, как он уходит ночью, я терзалась немыслимыми муками, уверенная, что он проводит время в объятьях другой женщины.

Однажды ночью я решила пойти следом, чтобы покончить со всеми загадками.

Мы пришли к старому цеху «Вело Гранелл» возле рынка в Борне. Михаил был один. Мне пришлось забраться в здание через маленькое окошко в переулке. Оказавшись там, я словно попала в страшный сон: вокруг меня были сотни рук, ног, кистей, ступней, стеклянных глаз... сменных частей тела для обездоленных, несчастных людей. Я поспешила миновать это место и вышла в большой полутемный зал с огромными стеклянными цистернами, в которых виднелись неясные силуэты. В центре помещения на стуле сидел Михаил, раскуривая сигару.

— Ты не должна была преследовать меня, — спокойно сказал он.

Я же ответила, что не могу выйти замуж за человека, которого знаю лишь наполовину и с которым провожу только дни.

— В таком случае тебе не понравится то, что ты узнаешь, — намекнул он.

Я сказала, что это неважно и для меня не имеет значения, чем он там занимался, и правду ли говорили в городе. Я лишь хотела участвовать в его жизни полностью. Без недомолвок и загадок. Он согласился, и это означало одно: пути назад уже не было.

Когда Михаил зажег в зале свет, я мигом очнулась от полусна, в котором пребывала последние недели. Я будто попала в ад. В цистернах с формалином хранились трупы людей, которые словно в демоническом балете вращались вокруг собственной оси. На металлическом столе лежало обнаженное тело женщины, разрезанное от низа живота до горла. Ее руки были скрещены на груди, и я заметила, что их суставы сделаны из металла

и дерева.

Из горла торчали какие-то трубки, а в бедра были воткнуты бронзовые провода. Кожа ее была полупрозрачной и голубоватой, словно рыбья чешуя. Я молча смотрела на Михаила, а он подошел к телу и грустно взглянул на него.

— Вот что природа творит с собственными детьми. В людских душах нет злобы, лишь простое желание уйти от неизбежной участи. А вот мать-природа дьявольски жестока... Вся моя работа и усилия — не более чем попытка осмеять священный ритуал созидания...

Он взял шприц и наполнил его жидкостью изумрудного цвета из флакончика. Наши глаза на миг встретились, и Михаил проткнул иглой голову трупа, вводя внутрь все содержимое шприца. Сделав это, он стал спокойно наблюдать за неподвижным телом. А потом у меня внутри все похолодело.

Одно веко задергалось, и раздался металлический лязг сустава.

Пальцы зашевелились, и вдруг тело женщины рывком поднялось. Оглушительный животный вой наполнил зал. С черных опухших губ свисали белые струйки слюны. Женщина отсоединила все провода и трубы и упала на пол, словно сломанная кукла.

Она завыла как раненая волчица. Подняв лицо, она впилась в меня взглядом. Я не могла не смотреть в эти глаза, где читался дикий ужас и непреодолимая животная жажда жизни.

Я приросла к месту. Через несколько секунд тело снова было недвижимо и безжизненно. Михаил, бесстрастно наблюдавший за происходящим, взял саван и накрыл им труп.

Он подошел ко мне и взял меня за дрожащие руки. Он смотрел на меня, силясь прочитать в моем взгляде ответ на вопрос: останусь ли я с ним после всего, что увидела? Я же хотела найти слова, чтобы выразить свой ужас и то, как я раскаивалась в своем заблуждении... Но все, что я смогла из себя выдавать — это просьба забрать меня из того жуткого места. Так он и сделал.

Мы вернулись в Отель Колумб, и Михаил проводил меня в комнату, заказал чашку горячего бульона и, укутав меня в одеяло, сидел рядом, пока я пила.

— Женщина, которую ты сегодня видела, погибла шесть недель назад под колесами трамвая. Она прыгнула на рельсы, чтобы спасти оказавшегося там ребенка, но не выжила. Трамвай по локоть отрезал ей

руки. Она умерла на улице. Никто не знает, как ее зовут.

И никто ее не искал. А таких сотни, каждый день...

— Михаил, ты не понимаешь... Ты не можешь делать за бога его работу...

Он погладил меня по лбу и грустно улыбнулся в знак согласия.

— Спокойной ночи, — сказал он.

Он направился к двери и остановился там.

— Если завтра тебя здесь не будет, я пойму.

Через две недели мы поженились в соборе Барселоны.

Глава двадцать третья

Михаил хотел, чтобы этот день был для меня особенным. Он превратил весь город в декорацию из волшебной сказки.

Там, у ступеней собора, для меня раз и навсегда закончилась жизнь, достойная императрицы, в полусне правящей своими землями. Я даже не услышала криков людей. Сергей бросился на меня из толпы, словно дикий зверь из зарослей, и швырнул мне в лицо пузырек с кислотой. Она разъела мне кожу, веки и руки.

Часть кислоты попала на горло, и я лишилась голоса. Я не говорила два года, пока Михаил не починил меня, как сломанную игрушку.

И это было лишь начало кошмара.

Работы по строительству нашего дома затягивались, и пришлось поселиться в этом недостроенном дворце. Замок походил на огромную тюрьму — холодную и темную. Нагромождение башен и арок, колонн и винтовых лестниц, ведших в никуда. Я жила взаперти в одной из башен. Туда не мог пройти никто, кроме Михаила и доктора Шелли.

Первый год был сплошным кошмаром в пелене морфия. В наркотических снах я видела, как Михаил экспериментирует надо мной, словно над бесхозным трупом в больнице или морге, как он перестраивает мое тело, насмехаясь над природой. Когда рассудок вернулся ко мне, я поняла, что все это было правдой. Он вернул мне голос, заново создав мне горло и рот, чтобы я могла говорить и нормально питаться. Он сделал мои нервные окончания нечувствительными к боли от страшных ожогов. Да, Михаил обманул смерть, но я стала самым жутким из всех его созданий.

Тем временем он потерял свое влияние в городе, и никто не хотел ему помочь. Люди, некогда бывшие его союзниками, отвернулись от него и самоустранились. Полиция и судебные власти начали расследование. Его партнер Сентис был мелочным, завистливым хапугой, который с радостью поделился с властями ложной информацией об участии Михаила в делах, о которых тот понятия не имел. Целью было лишить моего мужа контроля над предприятием. Сентис был одной из собак в огромной своре: все жаждали свергнуть Михаила с пьедестала, чтобы поживиться тем, что после него останется. Толпа лицемерных льстецов в момент превратилась в стаю голодных гиен.

Но Михаил не удивлялся происходившему. Он с самого начала доверял

только своим друзьям Шелли и Кларету. «Людская подлость зачастую лишь ждет момента, чтобы проявить себя», — часто повторял он.

Но это всеобщее предательство порвало тонкую нить, которая еще соединяла его с внешним миром. Он углубился в собственное одиночество. С каждым днем его поведение становилось все более экстравагантным. В подвалах дома он выводил все новые стаи насекомых, которыми был одержим, — черных бабочек, известных также под названием Дьявол. Вскоре бабочки буквально наводнили особняк. Они сидели на зеркалах, картинах и мебели, словно безмолвные часовые. Михаил запретил слугам их убивать, пугать и даже просто приближаться к ним. По коридорам и залам перемещались целые рои насекомых с черными крыльями. Иногда они садились на Михаила и полностью покрывали его тело, пока он оставался неподвижным. Видя это, я боялась, что теряю его.

В те дни началась моя дружба с Луисом Кларетом, которая продолжается по сей день. Именно он рассказывал мне обо всем, что происходило за пределами нашей крепости. Михаил рассказывал мне фантастические истории о реконструкции Королевского театра и моем возвращении на сцену. Он обещал, что исправит ущерб от кислоты и я буду петь своим прежним голосом... Несбыточные грезы.

Луис сказал, что работы в Королевском театре больше не велись: деньги кончились много месяцев назад. Здание было огромной бесполезной пещерой... Михаил вел себя беспечно и спокойно, но это объяснялось лишь умением держать хорошую мину при плохой игре. Он мог не выходить из дома неделями, а то и месяцами. Целыми днями он сидел, запершись в своем кабинете, практически без сна и еды. Как мне впоследствии сказал Луис Кларет, он уже тогда стал опасаться за здоровье и рассудок Михаила. Он знал хозяина как никто другой и с самого начала помогал ему в проведении экспериментов. И именно Луис объяснил мне, что Михаил был помешан на врожденных заболеваниях, что он отчаянно желал открыть те тайные механизмы, которые задействовала природа, уродя собственных детищ. Михаил всегда видел в них силу, последовательность и волю, которая была превыше человеческого разума. В его глазах природа была чудовищем, уничтожавшим собственные создания, не заботясь о судьбе и злоключениях тех, кто жил в нашем мире. Он собирал фотоснимки больных с отклонениями в телесном развитии, на которых человеческие существа молили об избавлении от своего проклятия.

Именно тогда проявились первые симптомы заболевания. Михаил знал, что оно затаилось у него внутри, терпеливо ожидая, словно часовой механизм. Он знал об этом с детства — с тех пор, как в Праге умер его брат. Тело Михаила начало разрушаться, костные структуры деформировались.

Он стал носить перчатки, закрывать лицо и тело.

И избегать меня. Я делала вид, что не замечаю этого, но была уверена: его тело менялось. Однажды зимой я проснулась на рассвете от его криков. Так он рас прощался с прислугой.

И никто не стал ему возражать: слишком сильно слуги стали бояться его за прошедшие месяцы. Только Луис остался с нами. Михаил со слезами ярости на глазах перебил все зеркала и умчался к себе в кабинет.

Однажды вечером я попросила Луиса разыскать доктора Шелли: Михаил две недели не выходил из своих покоев и не отзывался, когда я его звала. Я слышала, как он всхлипывает за дверьми кабинета и разговаривает сам с собой... и не знала, что мне делать.

Я теряла его. Вместе с Шелли и Луисом мы сломали дверь и проникли в кабинет, где столкнулись с воплощением ужасного. Михаил оперировал сам себя, пытаясь перекроить свою левую руку, которая превратилась в бесполезную уродливую лапу. Шелли назначил ему снотворное, и мы сидели у его кровати до рассвета. В ту длинную ночь Шелли, повергнутый в отчаяние страданиями друга, облегчил душу и нарушил обещание никогда не рассказывать историю, которую Михаил поведал ему много лет назад. Услышав ее, я поняла, что полиция во главе с инспектором Флорианом все эти годы гонялась за призраком. Михаил не был ни преступником, ни аферистом. Он был просто человеком, свято верившим в то, что его предназначение — обманывать смерть. Пока она не обманет его.

Михаил Кольвенник родился в туннелях пражской канализации в последний день девятнадцатого века. Его матери было всего шестнадцать лет от роду, и она прислуживала в одном богатейшем дворце.

Ее красота и неискушенность сделали девушку фавориткой хозяина. Как только выяснилось, что она была беременна, ее выгнали на грязные, холодные улицы, как вшивую собачонку. Она была обречена. В те годы зима ледяной рукой уничтожала все живое на улицах. Кто-то сказал ей, что нищие нашли приют в туннелях канализации. По слухам, обездоленные люди создали под землей настоящий город, в котором их была не одна тысяча, и жили там, не выходя на свет божий. Нищие, больные, сироты и беглецы. Все они были объединены культом таинственного человека,

известного как Принц нищих. Говорили, что возраста у него нет, что его лицо подобно ангельскому, а в глазах пляшет дьявольское пламя, что его тело покрывают сотни черных бабочек и что он приветствует в своем королевстве всех, кого жестокий мир погнал прочь. В поисках этого мира теней девушка спустилась под улицы Праги, чтобы выжить.

Вскоре выяснилось, что слухи были абсолютной правдой. У людей подземелья был свой собственный мир, законы и бог — тот самый Принц нищих.

Никто его никогда не видел, но все верили в его существование и преподносили ему дары. Всем прижигали кожу клеймом с изображением черной бабочки. Пророчество гласило, что однажды посланный Принцем мессия придет в туннели и отдаст свою жизнь, чтобы искупить страдания этих бедолаг. Гибель этого мессии будет делом их рук.

Именно там юная мать произвела на свет близнецов Андрея и Михаила. Андрей родился с ужасным заболеванием: его кости были совсем мягкими, поэтому у тела не было ни формы, ни четкой структуры. Один из обитателей канализации — врач, скрывавшийся от правосудия, сказал ей, что болезнь неизлечима. Смерть мальчика — лишь вопрос времени. Однако его брат Михаил, обладавший живым умом и замкнутым характером, мечтал в один прекрасный день покинуть мрачные туннели и выйти на поверхность. Он часто мечтал оказаться тем самым мессией, которого все ждали. Он так и не узнал, кто был его отцом, поэтому выбрал на эту роль Принца, голос которого слышал во сне.

У Михаила не было никаких симптомов страшного недуга, который в действительности унес жизнь его брата спустя семь лет. Андрей так и не поднялся на поверхность. Когда мальчик умер, его тело было предано подземным водам, согласно местному ритуалу.

Михаил спросил мать, почему так произошло.

— Такова воля бога, Михаил, — ответила ему мать.

Михаил навсегда запомнил эти слова. Смерть Андрея была страшным ударом для их матери, и следующей зимой она подхватила пневмонию. Михаил оставался с ней до последнего вздоха, сжимая ее дрожащие руки. Ей было двадцать шесть лет, но походила она на старуху.

— И на это есть воля бога, мама? — спросил он у бездыханного тела.

Ответа не было.

Через несколько дней Михаил поднялся на поверхность. Больше ничего не держало его под землей. Умирая от холода и голода, он забрел в

какой-то подъезд. По воле случая его заметил врач, Антонин Кольвеник, который возвращался домой от пациента. Доктор взял его с собой в таверну, где можно было поесть горячей пищи.

— Как тебя зовут, мальчик?

— Михаил, сеньор.

Антонин Кольвеник побледнел.

— У меня был сын, которого звали так же. Он умер. А где твоя семья?

— У меня нет семьи.

— Где же твоя мать?

— Ее забрал бог.

Доктор грустно кивнул. Он взял свой чемоданчик и извлек оттуда странный инструмент, от вида которого у Михаила отвисла челюсть. В чемоданчике было много инструментов — блестящих, завораживающих. Врач приложил к его груди странную штуковину, а два конца вставил себе в уши.

— Что это?

— Нужно, чтобы прослушать твои легкие ... Дыши глубоко.

— Вы волшебник? — удивленно спросил Михаил.

Врач улыбнулся.

— Нет, я не волшебник. Я врач.

— А в чем разница?

Антонин Кольвеник потерял жену и сына во время вспышки холеры много лет назад. Теперь он жил один, имея небольшую практику хирурга и непреходящую страсть к произведениям Ричарда Вагнера.

Он смотрел на мальчика в лохмотьях с сочувствием и любопытством. Михаил ответил своей фирменной улыбкой, которая заставляла поверить, что он соткан из лучших качеств.

Доктор Кольвеник решил взять его к себе. Так прошли последующие десять лет. Добрый врач дал Михаилу образование, дом и имя. Приемный сын стал ассистировать доктору на операциях и познавать загадки человеческого тела еще в ранней юности. Необъяснимая божья воля брала верх над человеком, даже несмотря на прочный каркас из костей и мяса, оживленных некоей магической искрой.

Михаил жадно впитывал эти знания, увереный, что в науке кроется загадка, которую ему предстоит разгадать.

Михаилу едва исполнилось двадцать, когда смерть навестила его еще раз. Здоровье доктора уже давно давало сбои. Сердечный приступ случился

с ним в канун Рождества, когда они с Михаилом планировали поездку на юг Европы. Михаил поклялся себе, что на этот раз смерть его не обездолит.

— Мое сердце устало, Михаил, — сказал старый врач. — Мне пора к Фриде и другому моему Михаилу...

— Я дам вам новое сердце, отец.

Доктор улыбался. Ох уж этот странный юноша со своими причудами... Кольвенник не уходил из этого мира лишь потому, что боялся оставить его одного, без помощи и защиты. Кроме книг у Михаила не было друзей. Что с ним станется?

— Ты дал мне десять лет жизни в твоей компании, Михаил, — ответил доктор. — А теперь ты должен думать о себе и своем будущем сам.

— Я не позволю вам умереть, отец.

— Михаил, ты помнишь тот день, когда ты спросил у меня, в чем разница между врачом и волшебником? Так вот, волшебства не существует. Наше тело начинает умирать сразу после рождения. Мы хрупкие создания, всего лишь гости в этом мире. И остаются после нас только наши поступки — добро и зло, которое мы причинили себе подобным. Ты понимаешь, о чем я говорю?

Спустя десять дней полиция обнаружила окровавленного Михаила рядом с трупом человека, которого он называл отцом. Соседи заметили, что из квартиры доносился странный запах, и услышали крики юноши — они решили обратиться к властям. В полицейском отчете сообщалось, что Михаил, у которого после смерти доктора помутился рассудок, произвел вскрытие тела и попытался сделать ему новое сердце, используя систему клапанов и зубчатых механизмов. Михаила поместили в сумасшедший дом, откуда он сбежал двумя годами позже, инсценировав собственную смерть. Когда за его телом пришли, в ячейке морга обнаружили лишь белый саван и стаю черных бабочек.

Михаил приехал в Барселону с зачатками своей одержимости и болезни, которая проявилась полностью много лет спустя. Его не интересовали ни деньги, ни другие люди. Он никогда не гордился нажитым состоянием и говорил, что никто не заслуживает ни единого лишнего сентима, если он не готов отдать его тому, кто нуждается в нем больше. В тот вечер, когда мы познакомились, Михаил сказал мне, что жизнь почему-то всегда дает нам то, чего мы не ищем. Ему она дала состояние, известность и могущество. А между тем его душа жаждала лишь успокоения и победы над черными тенями, что притаились у него внутри...

После той памятной ночи мы с Шелли и Луисом договорились ограждать Михаила от его навязчивых идей и всячески его отвлекать. Задача была не из простых. Михаил всегда чувствовал, когда мы его обманывали, хотя и не говорил об этом. Он плыл вместе с нами по течению, изображая покорность своей судьбе и отказ от попыток изменить ход болезни... Но когда я смотрела ему в глаза, я видела тьму, наполнявшую его душу. Он нам больше не доверял.

Тем временем наше материальное положение продолжало ухудшаться. Банки заморозили все счета, а имущество «Вело Гранелл» было конфисковано правительством. Сентис, полагавший, что махинации сделают его всемогущим хозяином предприятия, оказался у разбитого корыта. Ему досталась лишь старая квартира Михаила на улице Принсеса. Нам же удалось сохранить только то, что было оформлено на мое имя: Большой королевский театр, этот бесполезный склеп, в котором я в итоге нашла убежище, и оранжерею возле железной дороги, которую Михаил использовал для своих экспериментов.

Чтобы нам было, на что жить, Луис продавал мои платья и украшения лучшему аукционисту в Барселоне. Мое приданое, так нам и не пригодившееся, стало нашим содержанием. Мы с Михаилом почти не разговаривали. Он бродил по нашему особняку, словно привидение, а его тело продолжало деформироваться. Скоро он был неспособен держать в руках книгу, да и читал с трудом. Больше я не слышала, как он плачет за стеной. Теперь он стал смеяться, и от его горького смеха посреди ночи у меня кровь стыла в жилах. Своими почти недееспособными руками Михаил исписывал в своем кабинете толстые тетради, содержимое которых оставалось для нас загадкой.

Когда к нам приходил доктор Шелли, Михаил запирался у себя в кабинете и отказывался выйти, пока его друг не уходил. Я поделилась с Шелли опасением, что Михаил хотел покончить с собой. Шелли ответил, что он опасался чего похуже. Я не смогла или не захотела понять, что он имел в виду.

Уже много времени одна безумная идея не давала мне покоя. Я видела в ней способ спасти Михаила и сохранить наш брак. Я решила завести ребенка, уверенная в том, что смогу таким образом вернуть мужа и придать его жизни смысл.

Я долго жила этой иллюзией. Мое тело жаждало зачать и выносить это дитя спасения и надежды. Я мечтала произвести на свет маленького Михаила, чистого и невинного, чтобы видеть рядом копию мужа, очищенную от всей скверны. Я не могла допустить, чтобы Михаил что-то заподозрил: он бы отказался наотрез.

Остаться с ним наедине стоило мне больших усилий — как я уже говорила, он меня избегал. Из-за своего уродства Михаил чувствовал себя неловко в моем присутствии. Заболевание сказалось и на его речи — теперь он мог только бормотать, исполненный ярости и стыда. Рацион его состоял исключительно из жидкостей. Я пыталась показать ему, что он мне не противен, что я понимаю его как никто другой и сочувствую его страданию, но все мои попытки только ухудшали ситуацию. Однако я была терпелива, и один-единственный раз в жизни мне удалось обмануть Михаила. Только в итоге оказалось, что обманула я саму себя. Это была худшая ошибка в моей жизни.

Когда я сказала Михаилу, что у нас будет ребенок, его реакция привела меня в ужас. Он пропал почти на месяц. Через несколько недель Луис нашел его без сознания в старой оранжерее. Он работал без отдыха и сделал себе новое горло и рот. Выглядел он чудовищно, а говорил теперь глубоким металлическим голосом, полным злобы. Во рту были металлические клыки. Если бы не глаза, лицо было бы совершенно неузнаваемо. Внутри этого ужасного тела в собственном аду горела его душа, которую я по-прежнему любила. Рядом с его телом Луис обнаружил разные механизмы и множество бумаг с чертежами.

Я попросила Шелли взглянуть на чертежи, пока Михаил восстанавливал силы. Он спал почти трое суток. Заключение Шелли было неутешительным — мой муж совершенно лишился разума. Он собирался полностью перестроить свое тело, прежде чем это за него сделает болезнь. Нам пришлось запереть его в верхней части башни, откуда не было выхода.

Нашу дочь я рожала, слыша дикие крики Михаила, запертого, словно зверь в клетке. Я не провела с ней ни дня.

Доктор Шелли взял заботу о ней на себя и растил как родную дочь. Он назвал ее Марией и, как и я, она ни разу не видела свою мать. Та искорка жизни, что еще теплилась у меня в сердце, погасла вместе с ее уходом, но я знала, что выбора нет. Трагедия была неминуема, я точно это знала. Ее дух витал в воздухе, словно ядовитое облако. Оставалось только ждать.

Как обычно и бывает, последний удар был откуда не ждали.

Бенжамин Сентис, которого завистливость и алчность привели к краху, решил отомстить. Я и раньше догадывалась, что именно он помог Сергею скрыться после нападения в соборе. Словно в мрачном пророчестве народа подземелья, руки, которые Михаил сделал ему много лет назад, теперь были орудием предательства и сеяли несчастье. В последнюю ночь 1948 года Сентис вернулся, чтобы нанести Михаилу, к которому питал глубокую ненависть, последний удар.

В те годы мои бывшие опекуны, Сергей и Татьяна, ушли в подполье. Они тоже жаждали мести, и их час пробил. Сентис знал, что команда Флориана на следующий день должна была явиться в наш особняк и провести обыск, чтобы добыть доказательства по делу Михаила. Полиции полагала, что найденные бумаги помогли бы уличить его в мошенничестве.

Незадолго до полуночи Сергей и Татьяна вылили вокруг дома несколько канистр бензина. Сентис, как всегда трусливо отсиживаясь в тени, увидел из машины первые языки пламени и быстро уехал.

Когда я проснулась, по лестнице поднималось облако синего дыма. Огонь разгорелся за считанные минуты. Луис вызволил меня, и мы прыгнули с балкона на крышу гаража, а оттуда — в сад.

Когда мы обернулись, то увидели, что два нижних этажа объяты пламенем, которое уже подбиралось к башне Михаила. Я хотела кинуться в огонь, чтобы спасти его, но Луис крепко держал меня, несмотря на то, что я кричала и билась в его руках. В этот момент мы увидели Сергея и Татьяну. Сергей улыбался, словно демон, а Татьяна молча дрожала, и я видела, как с ее рук капал бензин.

То, что случилось потом, я помню обрывочно, как кошмарное видение. Пламя охватило вершину башни, оконные стекла рассыпались дождем осколков и вдруг посреди огня возник силуэт. Сначала я подумала, что по стене мчится черный ангел. Это был Михаил. Он полз по стене, словно паук, хватаясь за нее когтистыми лапами, которые сделал себе. Он перемещался с невероятной скоростью, а Сергей и Татьяна изумленно следили за ним, не понимая, что происходит. Тень ринулась к ним и затащила их внутрь горящего дома.

Когда я увидела, как они исчезли в огне, то потеряла сознание.

Луис принес меня в наше единственное убежище — Большой королевский театр, который по сей день является нашим домом. На следующий день в газетах появились новости о трагедии. На чердаке были обнаружены сгоревших два тела, сидевших в обнимку. Полиция решила,

что это были мы с Михаилом. И только мы знали, что на самом деле это были Сергей и Татьяна.

Третье тело не нашли. В тот день Шелли и Луис пришли в оранжерею в поисках Михаила, но там никого не было. Превращение должно было вот-вот закончиться.

Шелли забрал оттуда все бумаги, планы и записи, чтобы не оставлять улик. Он изучал их неделями, чтобы вычислить местонахождение Михаила. Мы знали, что он скрывался где-то в городе, выжидая, завершая свое превращение. Благодаря записям Михаила Шелли понял его план. В его дневниках приводился рецепт сыворотки на основе эссенции из черных бабочек, с помощью которой он оживил труп женщины в цехе «Вело Гранелл». Наконец я поняла, что он собирался сделать. Михаил хотел воскреснуть из мертвых. Ему нужно было избавиться от всего человеческого, чтобы попасть на ту сторону. Его тело должно было быть захоронено, как у черной бабочки, чтобы возродиться вновь. И после воскрешения Михаила Кольвеника, его место займет жуткий зверь.

Эхо ее слов прозвучало в стенах Большого королевского театра.

— Много месяцев мы не слышали ничего о Михаиле и не знали, где он скрывался, — продолжила Ева Иринова. — В глубине души мы надеялись, что его план не удастся. Но мы ошибались. Спустя год после пожара двое инспекторов полиции по анонимной наводке пришли в цех «Вело Гранелл».

Конечно, это снова был Сентис.

Не получив известий от Сергея и Татьяны, он заподозрил, что Михаил выжил. Цеха фабрики были закрыты, и ни у кого не было к ним доступа. Инспекторов застало врасплох появление внутри человека. Они стреляли в него и полностью разрядили обоймы, но...

— «В пределах помещения ни одной пули не было», — вспомнил я слова Флориана. — Они все попали в тело Кольвеника...

Пожилая дама кивнула.

— Тела полицейских были буквально растерзаны, — сказала она. — Никто не мог понять, что произошло. Кроме Шелли, Луиса и меня. Михаил вернулся. После этого все бывшие члены правления «Вело Гранелл» по очереди погибли при невыясненных обстоятельствах. Мы подозревали, что Михаил скрывался в канализационных туннелях, которые использовал, чтобы перемещаться по городу. Подземный мир был ему хорошо знаком.

Оставался только один вопрос: что он делал в цехе фабрики?

И снова его рабочие тетради подсказали нам ответ: он делал сыворотку. Чтобы оставаться в живых, он был вынужден делать себе инъекции. Все запасы, хранившиеся в особняке, сгорели, а то, что было в оранжерее, иссякло.

Доктор Шелли подкупил полицейского чиновника, чтобы пройти на территорию фабрики. Там мы нашли шкаф с двумя последними пузырьками сыворотки. Один из них Шелли тайком забрал себе.

Посвятив всю жизнь борьбе с болезнью, смертью и болью, он не мог просто уничтожить эти пузырьки. Ему было необходимо изучить содержимое, раскрыть секрет...

Проведя исследования, он синтезировал на основе ртути состав, который нейтрализовал сыворотку. Он начинил этим составом двенадцать серебряных пуль и сохранил их надеясь, что нам не придется пустить из в ход.

Я понял, что это были пули, которые Шелли дал Кларету. Благодаря им я остался жив.

— А Михаил? — спросила Марина. — Без сыворотки...

— Мы нашли его тело в канализации под Барбю-Готико, — ответила Ева. — Точнее то, что от него осталось: Михаил превратился в какое-то дьявольское отродье, вонявшее гнилой плотью, из которой оно себя сшило...

Дама посмотрела на своего старого друга Луиса. Шофер продолжил рассказ за нее.

— Мы похоронили тело на кладбище Саррии, в безымянной могиле, — сказал он. — Официально сеньор Кольвеник умер за год до этого. Мы не могли разглашать правду. Если бы Сентис узнал, что сеньора жива, он бы не успокоился, пока не отомстил ей.

Мы обрекли себя на тайную жизнь в этом месте...

— Долгие годы мы были уверены, что Михаил покончился с миром. Мы приходили к могиле в последнее воскресенье каждого месяца, в память о том дне, когда я с ним познакомилась. Я навещала его и думала о том, что скоро — очень скоро — мы с ним воссоединимся... Мы жили в мире воспоминаний, но забыли кое о чем очень важном...

— О чём? — спросил я.

— О Марии, нашей дочери.

Мы с Мариной переглянулись. Я вспомнил, как Шелли бросил в огонь фотографию, которую мы принесли. Девочка на этом снимке была Мария Шелли.

Когда мы забрали из оранжереи альбом, то лишили Михаила единственного напоминания о дочери, которую он даже не знал.

— Шелли растил Марию как свою дочь, но она всегда чувствовала, что доктор недоговаривает чего-то о ее матери, которая якобы умерла при родах... Шелли никогда не умел врать. Через какое-то время Мария нашла в кабинете Шелли старые тетради Михаила и узнала историю, которую я вам рассказала.

Мария унаследовала помешательство отца. В тот день, когда я сообщала Михаилу о своей беременности, он улыбнулся. Эта улыбка внущила мне сильную тревогу, но я тогда не понимала, почему. Лишь много лет спустя я прочитала в записях Михаила, что черная бабочка питается представителями своего же вида, и хоронит себя с одной из своих личинок, которую съедает, воскрешаясь...

Когда вы пошли следом за мной и обнаружили оранжерею, Мария тоже нашла то, что долго искала, — пузырек с сывороткой, который прятал у себя Шелли... И спустя тридцать лет Михаил воскрес из мертвых. Он опять сотворил себе новое тело, стал набираться сил, создавать себе подобных...

Я сглотнул и вспомнил то, что видел предыдущей ночью в туннеле.

— Когда я поняла, что происходит, — продолжила дама в черном, — я решила предупредить Сентиса, который должен был стать первой жертвой. Чтобы не раскрывать свое инкогнито, я отправила к Сентису тебя, Оскар, с той визитной карточкой.

Я думала, что, узнав то немногое, что известно вам, он испугается и сможет спрятаться или защититься. И снова я переоценила старого негодяя... Он захотел встретиться с Михаилом и убить его. Естественно, он впутал в это и Флориана...

Луис отправился на кладбище и убедился, что гроб пуст. Сначала мы заподозрили, что Шелли нас предал. Мы думали, что это он ходит в оранжерею и создает там новых существ... Может, он не хотел умирать, не

разгадав загадок Михаила...

Мы никогда не были в нем уверены. Когда выяснилось, что он покрывал Марию, было уже поздно... А теперь Михаил придет за нами.

— Зачем? — спросила Марина. — Зачем ему сюда возвращаться?

Женщина молча расстегнула две верхние пуговицы платья и достала металлическую цепочку. На ней болтался пузырек с жидкостью изумрудного цвета.

— За этим, — сказала она.

Глава двадцать четвертая

Я заворожено смотрел, как в бликах света переливалась сыворотка, как вдруг услышал этот звук. Марина тоже услышала. Что-то ползло по куполу театра.

— Они здесь, — мрачно сказал Луис Кларет, стоя у двери.

Ева Иринова без малейших признаков удивления снова спрятала пузырек. Кларет достал револьвер и проверил обойму. Я увидел, как внутри блеснули серебряные пули Шелли.

— А теперь вам пора, — повелительным тоном сказала Ева Иринова. — Вы уже знаете правду. Постарайтесь ее забыть.

Ее лица не было видно под вуалью, а механический голос не выражал эмоций. Я не совсем понимал, что она вкладывала в свои слова.

— Мы сохраним ваш секрет, — сказал я. — Непременно.

— Правда всегда остается в секрете, — ответил женщина. — Идите.

Кларет жестом показал, чтобы мы покинули гримерную и шли за ним. Через хрустальный купол на сцену падал серебристый свет луны. В освещенном прямоугольнике, будто пританцовывая, показались силуэты Михаила Кольвеника и его созданий. Я насчитал почти десяток жутких существ.

— Боже мой... — в ужасе прошептала Марина.

Кларет смотрел в том же направлении, и в его взгляде читался страх. Один из силуэтов нанес сильнейший удар по крыше. Кларет взвел курок и прицелился. Чудище продолжало стучать по крыше, и через несколько секунд стекло не выдержало.

— Под оркестровой ямой есть туннель, который идет под партером и выходит в вестибюль, — сказал Кларет, не отрывая взора от купола. — Под главной лестницей на сцену есть дверца, за ней — коридор. Идите по нему, пока не доберетесь до пожарного выхода...

— А не проще нам выйти как заходили? — спросил я. — Через вашу квартиру...

— Нет. Они уже там...

Марина схватила меня за руку и потащила.

— Делай, что тебе говорят, Оскар.

Я посмотрел на Кларета. В его глазах читалась холодная решимость

человека, который шел навстречу смерти с открытым лицом. В следующий момент стекло крыши разбилось на тысячу осколков, а волкоподобное существо с оглушительным воем прыгнуло вниз, на сцену. Кларет выстрелил ему в череп и разнес его на куски, но наверху уже виднелись тени остальных чудовищ.

Я сразу догадался, что в центре сцены был Кольвеник. По его сигналу остальные расползлись по всему театру.

Мы с Мариной спрыгнули в оркестровую яму, как и сказал нам Кларет, а он прикрывал нас сзади. Раздался еще один оглушительный выстрел. Прежде чем нырнуть в узкий коридор, я обернулся в последний раз. Тело в окровавленных лохмотьях спрыгнуло сверху на сцену и бросилось на Кларета. Пуля пробила дымящуюся дыру размером с кулак у монстра в груди, но он по-прежнему несся вперед. Я захлопнул дверцу и протолкнул Марину внутрь.

— Что будет с Кларетом?

— Не знаю, — соврал я. — Бежим.

Мы бросились в туннель. В ширину он был не больше метра, а в высоту — не больше полутора. Приходилось перемещаться согнувшись и опираться о стены, чтобы не потерять равновесие. Мы пробежали всего несколько метров, когда услышали шаги у себя над головами. Кто-то преследовал нас.

Выстрелы раздавались все чаще. Я спрашивал себя, сколько времени и пуль еще отделяли Кларета от момента, когда эта свора разорвет его на куски.

Вдруг кто-то поднял подгнившую пластину дерева над нами, и ослепительный свет ударил в глаза. Что-то тяжелое упало к нашим ногам. Тело Кларета. Его взгляд был пустым, безжизненным, а дуло револьвера еще дымилось.

На теле не было открытых ран и крови, но что-то было не на месте. Марина перевела взгляд на меня и издала испуганный стон. Кларета ударили с такой силой, что шея сломалась и голова теперь была развернута на сто восемьдесят градусов. На нас сверху упала тень. Она молча наблюдала, как на тело Кларета села черная бабочка. Отвлекшись, я не сразу заметил Михаила. Он отбросил выломанный из пола кусок дерева и схватил Марину за горло своей когтистой лапой. Он рывком поднял ее и занес надо мной.

Я выкрикнул его имя. И он заговорил. Никогда не забуду этот голос.

— Если хочешь увидеть свою подругу целой, принеси мне флакон.

В течение нескольких секунд я не мог вымолвить ни слова. Но вскоре страх вернул меня к реальности. Я нагнулся к телу Кларета и попытался забрать у него оружие. Мышцы его руки сократились предсмертной конвульсии, и указательный палец остался на курке. Я разжал его пальцы один за другим и забрал, наконец, револьвер. Проверив барабан, я увидел, что пуль не осталось, и ощупал карманы Кларета в поисках боеприпасов. В куртке я обнаружил карман с шестью запасными пулями.

Бедняга даже не успел перезарядить револьвер, когда призрак человека, которому он посвятил жизнь, прикончил его одним сокрушительным ударом. А может быть, много лет страшась этой встречи, он в итоге так и не смог выстрелить в Кольвеника или в то, что от него осталось. Сейчас это уже не имело значения.

Дрожа, я вылез из туннеля в партер отправился на поиски Марины. Благодаря пулям доктора Шелли Кларет уничтожил часть чудовищ, чьи тела теперь лежали на сцене. Другие висели на люстрах и валялись в ложах...

Луис Кларет одолел армию Кольвеника. Глядя на изуродованные трупы, я подумал, что это была лучшая участь, на которую они могли надеяться. В безжизненных телах каждая искусственная часть бросалась в глаза еще сильнее. Одно из тел было распостерто в проходе партера.

Я подошел ближе и увидел его открытый рот без челюсти и темные глаза, которые наполнили мои вены ледяным холодом.

В этих глазах не было ничего. Вообще ничего.

Я подошел к сцене и залез наверх. В гримерной Евы Ириновой еще горел свет, но она была пуста. Воздух пропах мертвчиной. На фотографиях виднелись отпечатки окровавленных пальцев. Кольвеник.

Я услышал за спиной скрип и, взведя курок, обернулся. Послышались удаляющиеся шаги.

— Ева?.. — позвал я.

Я вернулся на сцену и увидел в амфитеатре янтарный свет. Подойдя ближе, я различил силуэт Евы. Она держала в руках канделябр и молча смотрела на руины Королевского театра. На руины своей жизни.

Она обернулась и медленно поднесла канделябр к свисавшим с лож кускам старого бархата. Ткань занялась моментально, и пламя стремительно пошло по стенам лож, золоченым стенам и креслам.

— Нет! — выкрикнул я.

Ева не обратила на меня внимания и ушла через дверь, ведшую на галерею в виде коридора между ложами. Через несколько секунд огонь охватил почти все помещение и пожирал все на своем пути.

В блеске пламени я увидел новое лицо Королевского театра. Меня обдало волной жара, а в воздухе повис запах горящей древесины и краски.

Я наблюдал, как пламя поднимается выше. Вверху были видны механизмы для перемены декораций — сложная система веревок, занавесов, блоков, висящих декораций и деревянных мостиков. Сверху за мной наблюдали два горящих глаза. Кольвеник. Он держал Марину одной рукой, словно куклу, и перемещался по мосткам с быстротой кошки. Тем временем весь первый ярус театр уже был в огне, и ложи второго тоже начинали заниматься.

Отверстие в крыше подпитывало пламя, играя роль огромной трубы.

Я ринулся к деревянной лестнице. Ступеньки зигзагом поднимались наверх и тряслись, когда я на них наступал. На высоте третьего яруса я остановился и посмотрел наверх. Кольвеника не было. В этот момент по моей спине полоснули когти. Я развернулся и увидел очередное детище Кольвеника. Кларет метким выстрелом лишил его руки, но чудовище выжило. У него были длинные волосы, а по лицу было ясно, что когда-то это была женщина. Я прицелился, но стрелять не стал.

Я вдруг вспомнил, что определенно видел это лицо. В свете пламени я увидел в этих глазах то немногое человеческое, что в них еще оставалось. Горло пересохло.

— Мария? — пробормотал я.

Дочь Кольвеника, точнее, существо, которое теперь было в ее теле, на мгновение застыло в нерешительности.

— Мария? — снова сказал я.

В ней не осталось ничего от того ангельского облика, который я помнил. Ее красота исчезла, оставив после себя жалкое и уродливое подобие человека. Кожа была еще гладкой — Кольвеник работал быстро. Я опустил револьвер и попробовал протянуть бедняжке руку. Как знать, может, для нее еще оставалась надежда.

— Мария? Вы меня узнаете? Это Оскар Драй. Вы меня помните?

Мария Шелли напряженно смотрела на меня. На краткий миг в ее взгляде зажглась искорка жизни. Глаза ее наполнились слезами. Она подняла руки, которые теперь были безобразными металлическими лапами, и застонала. Я протянул ей руку. Мария Шелли, дрожа, попятилась назад.

Пламя стало подниматься по брусьям, на которых был закреплен большой занавес. Старая ткань моментально превратилась в пылающую мантию. Веревки, на которых она держалась, тоже загорелись. Пламя почти доставало до настила, где мы стояли. Огонь уже прочертил линию между нами.

Я снова протянул руку дочери Кольвеника.

— Пожалуйста, возьмите меня за руку.

Она отшатнулась от меня. Лицо заливали слезы.

Деревянная площадка под нашими ногами затрещала.

— Мария, пожалуйста...

Существо смотрело на огонь, как будто видела в нем что-то. Оно бросило на меня последний взгляд, значение которого я так и не понял, и схватилось за горящую веревку над нашей платформой. Пламя охватило руку, тело, волосы, а затем и лицо. Мария плавилась, словно восковая фигура. Древесина под ее ногами затрещала, и она сорвалась в огненную пропасть.

Я побежал к выходу с третьего яруса. Мне нужно было найти Еву Иринову и спасти Марину.

— Ева! — закричал я, наконец увидев ее.

Она не обратила на меня внимания и пошла дальше. Я догнал ее на главной лестнице, сделанной из мрамора. Я схватил ее за руку и сильно дернул на себя. Она попыталась высвободить руку.

— У него Марина. Если ему не отдать сыворотку, он ее убьет.

— Твоя подруга уже мертва. Беги, пока можешь.

— Нет!

Женщина посмотрела по сторонам. По лестнице спускались клубы дыма. Времени почти не было.

— Я не уйду без нее...

— Ты не понимаешь, — ответила она. — Если дать ему флакон, он убьет вас обоих и никто его не остановит.

— Да не хочет он никого убивать. Он хочет только жить.

— Ты так ничего и не понял, Оскар, — сказала Ева. — Я не могу ничего сделать. Все в руках божьих.

С этими словами она развернулась и пошла прочь.

— Никто не может делать за бога его работу. Даже вы, — сказал я, припомнив ей ее же слова.

Она остановилась. Я поднял револьвер, прицелился и взвел курок.

Этот звук заставил ее обернуться.

— Я лишь пытаюсь спасти душу Михаила, — сказала она.

— Не знаю, как насчет Михаила, но свою душу вы спасти еще можете.

Женщина молча смотрела на меня, глядя на револьвер в моих дрожащих руках.

— И что — ты можешь хладнокровно выстрелить в меня? — спросила она.

Я не ответил — не знал, что сказать. Я не мог думать ни о чем, кроме Марины, угодившей в лапы Кольвеника. И того, что через несколько минут пламя окончательно охватит Королевский театр, распахнув здесь врата ада.

— Должно быть, твоя подруга очень важна для тебя.

Я кивнул, и мне показалось, что эта женщина улыбнулась самой печальной улыбкой в своей жизни.

— Она об этом знает? — спросила Ева.

— Не знаю, — ответил я, не раздумывая.

Она медленно кивнула и достала изумрудный флакон.

— Мы с тобой похожи, Оскар: одиноки и обречены на безнадежную любовь...

Она протянула мне сыворотку, и я опустил оружие. Положив револьвер на землю, я взял флакон и стал всматриваться в его содержимое. Тут я почувствовал какое-то движение над головой. Я хотел было поблагодарить Еву, но ее уже не было. Как и револьвера.

Когда я добрался до верхнего яруса, подо мной пыпало все здание. Я побежал к концу галереи, чтобы выйти к механизму для смены декораций. Вдруг дверь напротив меня распахнулась, пропустив в помещение огонь. Я был в ловушке и видел лишь один выход — окна, смотревшие на улицу. Подойдя к ним, я сквозь дым различил по другую сторону узкий карниз. Пламя постепенно подбиралось ко мне. Стекла разлетелись на осколки, словно под ударом невидимой руки.

Одежда на мне стала дымиться, и я кожей чувствовал жар пламени. Воздуха почти не было.

Я спрыгнул на карниз. Холодный ночной воздух наполнил легкие, и далеко внизу я увидел улицы Барселоны. От этого зрелища у меня перехватило дыханье. Пламя охватило все здание Большого королевского театра. Строительные леса вдоль здания на глазах превращались в пепел. Старинный фасад напоминал объятым пламенем барочным дворец посреди Раваля. Сирены пожарных завывали, словно раскаиваясь в своей беспомощности. Рядом с металлической верхушкой крыши я увидел

Кольвеника, который держал Марину.

— Марина! — закричал я.

Я сделал шаг вперед и инстинктивно схватился за металлическую перекладину, чтобы не упасть. Она была раскаленной. Я взвыл от боли и отдернул руку. Ладонь почернела и задымилась. В этот момент здание задрожало как от удара. Я понял, то сейчас будет. С оглушительным шумом театр рушился, оставляя после себя только голый металлический каркас. Железная паутина, сплетенная над гееной огненной. А посередине — Михаил Кольвеник.

Я видел лицо Марины. Она была еще жива.

Спасти ее могло только одно.

Я взял флакон и поднял его так, чтобы Кольвенику было видно. Он отошел от Марины и придинул ее к пылающей пропасти. Она закричала. Кольвеник сделал размашистый жест лапой, приглашая меня к действию.

Послание было понятно. Передо мной вместо моста был узкий карниз. Я пошел в их сторону.

— Оскар, нет! — умоляла Марина.

Я не отрывал взгляда от узкой полоски металла и шел вперед. Подошва ботинок все больше накалялась, грозя отвалиться. Вокруг меня бушевал удушливый ветер. Шаг за шагом, не поднимая глаз, словно эквилибрист. Я посмотрел вперед и увидел испуганную Марину. Она была одна! Как только я подошел обнять ее, сзади возник Кольвеник. Он схватил ее и поднял над пропастью. Я извлек флакон и сделал то же самое давая понять, что, если он не освободит Марину, я выкину сыворотку в огонь. Я вспомнил слова Евы: «Он убьет вас обоих...». Я открыл пузырек и выплесну часть жидкости. Кольвеник отшвырнул Марину к бронзовой статуе и бросился ко мне. Я прыгнул в сторону, чтобы уклониться, и пузырек выскользнул у меня из пальцев.

Выплеснувшись на раскаленный металл, сыворотка с шипением испарилась. Кольвеник схватил пузырек, когда в нем оставалось всего несколько капель. Он сжал флакон в кулаке и раздавил его металлическими пальцами. По его руке потекла изумрудная жидкость. В отблесках пламени его лицо казалось маской, изображавшей бесконечную ярость и ненависть.

Он стал приближаться к нам. Марина схватила меня за руки и сильно их сжала. Она закрыла глаза, и я последовал ее примеру. Я почувствовал трупный запах в нескольких сантиметрах от себя и приготовился к худшему.

Тут раздался первый выстрел. Я открыл глаза и увидел силуэт Евы Ириновой, которая шла по карнизу как я. Перед собой она выставила револьвер. На груди Кольвеника появилось черное пятно крови. Второй выстрел, с более близкого расстояния, оставил его без руки. Третья пуля угодила в плечо. Кольвеник, шатаясь, повернулся к Еве. Дама в черном медленно приближалась. Ее оружие было беспощадно.

Кольвеник застонал. Четвертая пуля попала ему в живот, оставив там дыру. Пятая и последняя угодила между глаз. Кольвеник упал на колени. Ева Ирина уронила пистолет и побежала к нему.

Она склонилась возле мужа, перевернула его и стала качать на руках. Они смотрели друг на друга, и я видел, что она ласково гладила это чудовищное лицо.

И плакала.

— Уводи отсюда свою подругу, — сказала она, не глядя на меня.

Я послушался и повел Марину по карнизу. Оттуда мы могли дойти до крыши пристройки, которая пока не горела.

Мы в последний раз обернулись. Дама в черном обнимала Кольвеника. Их силуэты можно было различить среди языков пламени, пока огонь не поглотил их полностью. Мне показалось, что ветер подхватил их пепел и взял на последнюю предрассветную прогулку по Барселоне.

На следующий день газеты трубили о самом большом пожаре в истории города, рассказывали, как появился Большой королевский театр, исчезновение которого стирало последние следы старой Барселоны. Слой пепла, падавшего с неба до самых сумерек, накрыл воды городского порта. На фотографиях, сделанных с горы Монтжуик, был дантовский погребальный костер огромных размеров. Трагедия предсталла перед горожанами в новом свете, когда полиция выяснила, что в здании театра жили бездомные люди, чьи останки были найдены после пожара. Не было никаких догадок относительно того, чьи именно тела были найдены на крыше здания. Правда осталась в секрете, как и предсказывала Ева Ирина.

Ни в одной газете не затрагивалась история Евы и Михаила. Она уже была никому не интересна. Я помню то утро, когда мы с Мариной остановились у газетного киоска на Лас-Рамблес. Передовица «Вангардии» насчитывала пять колонок — «Барселона в огне!».

Зеваки и жаворонки торопились приобрести первый экземпляр, желая узнать, почему небо Барселоны окрасилось серебром. Мы медленно пошли

в сторону Пласа-Каталунья. С неба, словно мертвые снежинки, падал пепел.

Глава двадцать пятая

Через несколько дней после пожара в Барселону нагрянул холод. Впервые за много лет весь город, начиная портом и заканчивая вершиной Тибидабо, накинул белое покрывало снега. Мы с Мариной и Германом встретили Рождество за молчаливым застольем, не глядя друг на друга. Марина почти не говорила о том, что произошло, и все чаще избегала моего общества. Как правило, она уходила в свою комнату и писала. Я убивал время с Германом за бесконечными партиями в шахматы, которые мы разыгрывали в большом зале с каминным отоплением. Я смотрел на падавший снег и ждал момента, когда мы останемся с Мариной наедине. Момента, который так и не наступил.

Герман делал вид, что не замечает происходящего и пытался взбодрить меня беседой.

— Марина говорит, что вы, Оскар, хотите стать архитектором.

Я кивнул, не зная уже толком, чего я хотел на самом деле. Я проводил бессонные ночи, по кусочкам разбирай историю, в которой нам довелось поучаствовать. Я пытался вытравить из своей памяти призрачные образы Евы Ириновой и Михаила Кольвеника. Иногда я подумывал навестить доктора Шелли и поведать ему обо всем, что произошло. Но мне не хватало смелости в личной беседе рассказать старику, как погибла женщина, которую он растил как дочь, и как сгорел в пожаре его лучший друг.

В последний день уходившего года фонтан в саду замерз. Я опасался, что мои дни с Мариной подходили к концу. Скоро нужно было возвращаться в интернат.

Мы встретили Новый год при свечах, слушая колокольный перезвон церкви на Плаза-Саррья. Снаружи все еще шел снег, и казалось, что это звезды вдруг стали падать с неба. В полночь мы тихо подняли свои бокалы. Я искал взгляда Марины, но ее лицо снова оказалось в тени.

В ту ночь я попытался вспомнить, что я сделал или сказал, чтобы заслужить такое отношение. Я чувствовал присутствие Марины в соседней комнате. Она казалась мне одиноким островком, который поток уносит все дальше. Я постучал по стене костяшками пальцев. Напрасно. Ответа не последовало.

Я собрал свои вещи и написал записку, в которой прощался с Германом и Мариной и благодарил их за гостеприимство. Я не мог избавиться от ощущения, что что-то пошло не так и я стал здесь лишним. На рассвете я оставил на кухонном столе записку и отправился обратно в интернат.

Когда я вышел из дома, то был уверен, что Марина наблюдала за мной из окна. Я помахал ей рукой, надеясь, что меня было видно.

Мои шаги оставляли следы на пустынных, заснеженных улицах города.

До возвращения моих товарищей оставалось еще несколько дней. Комнаты на четвертом этаже были необитаемыми кельями. Когда я раскладывал вещи, ко мне зашел падре Сеги. Я смущенно поздоровался с ним и продолжил свое занятие.

— Любопытный народ эти швейцарцы, — сказал он. — Все скрывают грехи, а они свои заворачивают в серебристые бумажки, начиняют ликером и украшают бантами, а потом продают по цене золота. Префект прислал мне из Цюриха огромную коробку конфет, а поделиться тут не с кем. Так что пока дональ Паула не знает об их существовании, мне нужна помощь.

— Можете на меня рассчитывать, — неуверенно ответил я.

Сеги подошел к окну и посмотрел на сказочный город, раскинувшийся под нами. Он развернулся и посмотрел на меня так, словно мог прочесть мои мысли.

— Однажды мой близкий друг сказал, что проблемы похожи на тараканов, — заговорил он шутливым тоном, на который всегда переходил в серьезных беседах, — когда те и другие оказываются на свету, они пугаются и уходят.

— Должно быть, этот ваш друг очень мудрый, — сказал я.

— Нет, — ответил Сеги. — Но он хороший человек. С Новым годом, Оскар.

— С Новым годом, падре.

Те немногие дни, что оставались до начала занятий, я провел, почти не выходя из комнаты. Я пытался читать, но слова не укладывались в голове. Я часами сидел у окна, глядя на особняк Германа и Мариной вдалеке. Я часто думал вернуться, а несколько раз даже доходил до поворота в их переулок. Между деревьями больше не струились звуки граммофона, лишь ветер носился между голыми стволами. Каждую ночь я заново переживал события последних нескольких недель, а потом погружался в

лихорадочный, удушающий сон, не приносивший отдыха.

Через неделю начались занятия: свинцово тяжелые дни, запотевшие стекла и капающие в полумраке батареи. Мои старые товарищи и их пустячные разговоры казались бесконечно далекими. Болтовня о подарках, праздниках и воспоминаниях, в которой я не мог и не хотел участвовать. Слова преподавателей проходили мимо меня. Я не понимал, как философия Юма и уравнения с производными помогут мне повернуть время вспять и изменить судьбу Михаила Кольвеника и Евы Ириновой. И мою собственную.

Воспоминания о Марине и о кошмаре, через который мы прошли с ней вместе, не давали мне думать, есть и поддерживать связный разговор. Она была единственным человеком, с которым я мог поделиться своей тоской. Я так в ней нуждался, что испытывал от этого физическую боль.

Я как будто сгорал изнутри, и ничто не могло принести мне облегчения. Я превратился в серую фигуру, слившуюся со стенами. А тени вообще не было видно. Дни опадали, словно мертвые листья. Я так ждал записки от Марины, какого-то знака, что она снова хотела меня видеть. Было бы достаточно любого предлога, чтобы я прибежал к ней и преодолел разделявшее нас расстояние, которое росло с каждым днем. Но ничего не приходило. Я убивал время, гуляя по местам, где нам довелось побывать с Мариной. Я сидел на скамейках на Плаза-Саррья и надеялся, что она пройдет мимо...

В конце зимы падре Сеги вызвал меня к себе в кабинет.

С мрачным лицом, сверля меня пронизывающим взглядом, он спросил, что со мной творилось.

— Не знаю, — ответил я.

— Возможно, если бы мы поговорили об этом, все бы встало на свои места, — предложил Сеги.

— Я так не думаю, — сказал я резко, о чем тут же пожалел.

— На Рождество ты провел неделю за пределами интерната. Могу я спросить где?

— Со своей семьей.

Преподаватель мрачно посмотрел на меня.

— Оскар, если ты собираешься и дальше меня обманывать, продолжать эту беседу нет смысла.

— Это правда, — сказал я. — Я встретил Рождество со своей семьей...

В феврале пришли солнечные дни.

Зимние лучи растопили покрывало изо льда и инея, накинутое на город. Это оказалось на меня живительное воздействие, и однажды в субботу я пришел к дому Марины. На калитке решетки висела цепочка, а старый особняк, возвышавшийся над деревьями, еще никогда не казался таким одиноким. На миг мне показалось, что я выжил из ума. Неужели я все это выдумал? Обитателей этого призрачного дома, историю Кольвеника и дамы в черном, инспектора Флориана, Луиса Кларета, воскресших мертвцев — существ, которых жестокая судьба тут же истребила одного за другим... Неужели Марина и ее удивительный пляж мне только приснились?

«Мы помним только то, чего никогда не было...»

Той ночью я проснулся в холодном поту от собственного крика, не зная, где нахожусь. Мне снились туннели, где жил Кольвеник. Я никак не мог догнать Марину, а потом увидел ее, с ног до головы покрытую черными бабочками; но когда они взлетели, под ними оказалась лишь пустота. И холод. Никакого объяснения — только разрушительная тень, которая вселилась в Кольвеника. Ничего, кроме абсолютной темноты.

Когда в комнату, разбуженные моими криками, вошли Сеги и Шеф, я не сразу узнал их. Сеги проверял мой пульс, а Шеф смущенно наблюдал за мной, уверенный, что его друг окончательно свихнулся. Они не отходили от меня, пока я не заснул.

На следующий день, не видев Марину уже два месяца, я решил вернуться в особняк в Сарре. Я не успокоюсь, пока не получу объяснения.

Глава двадцать шестая

Было туманное воскресенье. Голые стволы деревьев отбрасывали скелетоподобные тени. Колокола церкви звонили в такт моим шагам. Я остановился перед оградой дома и заметил следы шин на палой листве. Неужели Герман снова катался на стареньком «Такере»? Словно вор, я перелез через ограду и прошел в сад.

В полной тишине я созерцал громаду дома, который теперь казался совсем заброшенным и необитаемым. Посреди неухоженного двора я увидел велосипед Марины, валявшийся на земле, словно раненое животное. Цепь и руль успели сильно проржаветь. Глядя на эту картину, я подумал, что нахожусь перед древними руинами, в которых нет ничего, кроме старой мебели и призрачного эха.

— Марина? — позвал я.

Ветер подхватил мое слово. Я обошел дом в поисках черного входа через кухню.

Дверь была открыта. На столе не было ничего, кроме слоя пыли. Я прошел в комнаты. Тишина. Добрался до большого зала с картинами. Мать Марины смотрела на меня со всех стен, но для меня то были глаза Марины...

Тут я услышал за спиной чей-то всхлип.

В одном из кресел, неподвижный, словно статуя, скрючился Герман. Его неподвижность нарушали только слезы, которые текли по лицу. Я никогда не видел, чтобы человек его возраста так плакал. У меня кровь застыла в жилах. Бледный и осунувшийся, он отсутствующим взглядом смотрел на портреты. Он сильно постарел с нашей последней встречи. Костюм на нем был выходной, но грязный и мятый — бог знает, сколько дней он его не снимал. И сколько дней сидел так.

Я присел на колени перед креслом и взял Германа за руку.

— Герман...

Его рука была такой холодной, что я испугался. Вдруг старый художник обнял меня, дрожа, словно ребенок. У меня во рту пересохло. Я тоже обнял его и держал так, пока он плакал у меня на плече.

Тогда я испугался, что заключение его врачей было неутешительным, что надежда последних месяцев исчезла и Герман пытался излить свое горе. Я же задавался вопросом, где была Марина, почему не поддерживала

отца в столь трудное время...

А потом стариk поднял взгляд. Достаточно было посмотреть ему в глаза, чтобы все понять. Правда предстала передо мной с беспощадной отчетливостью, как суровая реальность после волшебного сна. Как холодный, отравленный кинжал, который ранил прямо в душу, без надежды на выздоровление.

— Где Марина? — спросил я почти шепотом.

Герману не удалось вымолвить ни слова. Да и не нужно было. Я понял по его глазам, кому на самом деле нужны были еженедельные визиты в больницу Сан-Пабло. Понял также, что доктор из Ла-Пас лечил не Германа. Понял и то, что радость и надежда, которыми учился Герман по возвращении из Мадрида, совершенно не касались его собственного здоровья. Марина обманывала меня с самого начала.

— Болезнь матери... — тихо сказал Герман, — передалась моей Марине, дорогой Оскар...

Мои веки опустились, словно каменные плиты, и мир вокруг стал медленно рушиться. Герман снова обнял меня, и я расплакался как несчастный идиот в этом заброшенном зале старого особняка. Тем временем Барселону накрыла пелена дождя.

Из окон такси больница Сан-Пабло показалась мне городом, затерявшимся в тучах, с множеством заостренных башен и невообразимых куполов.

Герман переоделся в чистый костюм и теперь молча сидел рядом. У меня на коленях лежал сверток в самой яркой подарочной упаковке, которую можно было достать. Когда мы прибыли на место, лечивший Марину врач, некий Дамиан Рохас, оглядел меня сверху вниз и объяснил, как себя вести. Марину нельзя было утомлять. Нужно было показывать позитивный настрой и оптимизм. Это она нуждалась в моей поддержке, а не наоборот. Я пришел сюда не для того чтобы плакать и жалеть себя, а для того чтобы помочь Марине. Если эти правила были для меня невыполнимыми, возвращаться не стоило.

Дамиан Рохас был молодым врачом, едва закончившим обучение. Он разговаривал жестко и нетерпеливо, а со мной еще и не слишком вежливо. При других обстоятельствах я принял бы его за высокомерного кретина, но что-то в нем подсказывало, что такая манера поведения была лишь его способом выжить и как-то обособиться от своих пациентов.

Мы поднялись на четвертый этаж и пошли по бесконечно длинному

коридору. Там пахло как в любой больнице — болезнью, дезинфекцией и освежителем воздуха. Как только я оказался в этом крыле здания и вдохнул этот смешанный запах, меня покинули остатки смелости. Герман вошел в палату первым. Он попросил меня подождать снаружи, чтобы заранее предупредить Марину о моем приходе. Я чувствовал, что Марина не захочет, чтобы я видел ее здесь.

— Пусть лучше я сначала поговорю с ней, Оскар...

Я ждал. Коридор представлял собой длинный проход с бесчисленными дверьми и отдаленным эхом голосов. Мимо молча проходили люди с искаженными от боли и горя лицами. Я то и дело повторял про себя наставления доктора Рохаса.

Они вроде бы помогали. Наконец, Герман показался из-за двери и кивнул мне. Я слегкотяжело вошел в палату. Герман остался снаружи.

Палата была прямоугольным помещением, в котором солнце освещало лишь малую часть. За окнами на большое расстояние простиралась улица Гауди. Башни собора Саграда-Фамилия делили небо пополам.

Внутри было четыре кровати, разделенных неровными занавесками, через которые было видно силуэты других посетителей, словно в китайском театре теней. Марина занимала последнюю кровать справа, рядом с окном.

Сложнее всего было выдержать ее взгляд в первые несколько секунд. Ее тут постригли под мальчика, и без своей пышной шевелюры девушка казалась обнаженной и беззащитной. Я сильно прикусил себе язык, чтобы подавить слезы, поднимавшиеся из глубины души.

— Пришлось подстричься, — угадала она мои мысли, — для обследований.

Я увидел у нее на шее и затылке следы, на которые даже смотреть было больно. Я выдавил улыбку и протянул ей сверток.

— Мне нравится, — сказал я вместо приветствия.

Она взяла сверток и положила себе на колени. Я подошел и молча сел рядом. Она взяла мою руку и сильно ее сжалла.

Марина похудела. Даже под больничной сорочкой белого цвета было видно торчащие ребра. Под глазами залегли темные тени.

Губы превратились в тонкую сухую полоску, а глаза с пепельным отливом больше не блестели. Непослушными руками она раскрыла сверток и достала оттуда книгу. Полистав ее, Марина с любопытством посмотрела на меня.

— Тут все страницы пустые...

— Пока — да, — ответил я. — Но мы с тобой знаем одну интересную историю, которая может лечь в основу этой книги...

Марина прижала книгу к груди.

— Как там Герман? — спросила она.

— Хорошо, — солгал я. — Немного устал, но держится хорошо.

— А ты? Как ты?

— Я?

— Нет, я. Кто же еще?

— Со мной все хорошо.

— Еще бы ты ответил по-другому, после наставлений сержанта Рохаса.

— Я скучал по тебе.

— Я тоже.

Слова повисли в воздухе. Довольно долго мы в молчании смотрели друг на друга. Я видел, что Марина постепенно теряла безупречное самообладание.

— Ты имеешь право меня ненавидеть, — сказала она наконец.

— Ненавидеть? За что?

— Я обманула тебя, — ответила Марина. — Когда ты пришел вернуть часы Германа, я уже знала, что больна. Но мое эгоистическое желание иметь друга победило... и боюсь, в какой-то точке мы сбились с пути.

Она посмотрела в окно.

— У меня нет к тебе ненависти.

Она снова сжала мою руку, а потом поднялась и обняла меня.

— Спасибо за то, что был мне самым лучшим другом, — прошептала она мне на ухо.

Я стал задыхаться. Захотелось как можно скорее убежать оттуда. Марина изо всех сил прижалась ко мне, а я попросил ее ни за что ни за что не замечать, что я плакал. Иначе доктор Рохас шкруп с меня спустит.

— Если ты ненавидишь меня только чуть-чуть, он не будет против, — сказала она. — Уверена, это пойдет на пользу моим лейкоцитам. Или как их там.

— Значит, только чуть-чуть.

— Спасибо.

Глава двадцать седьмая

За несколько недель Герман Блау стал моим лучшим другом. Как только в половину шестого заканчивались занятия в интернате, я бежал к старому художнику. Мы брали такси до больницы и сидели с Мариной весь вечер, пока медсестры нас не выгоняли.

Проходя от Саррьи до улицы Гауди, я увидел, что зимой Барселона кажется самым унылым городом на свете. Истории, которые рассказывал Герман, и его воспоминания, стали моим собственными.

Много времени мы проводили, ожидая в пустынных коридорах больницы, и Герман делился со мной переживаниями, о которых не знал никто, кроме его покойной супруги. Он рассказывал мне о годах учебы у маэстро Сальвата, о своем браке и о том, как Марина помогла ему пережить утрату жены. Он поведал мне свои страхи и сомнения. Сказал, что все, в чем он был уверен всю свою жизнь, оказалось иллюзией, а многие уроки, которые судьба его уготовила, никому учить не стоит. И я, в свою очередь, впервые поговорил с ним откровенно — о Марине, о своих мечтах стать архитектором, — и это в те дни, когда я вообще перестал верить в какое-либо будущее для себя. Я рассказал ему о своем одиночестве и о том, как до встречи с ними мне казалось, что я попал в этот мир по ошибке. А еще о том, как мне страшно было их теперь потерять. Герман выслушал и понял меня. Я знал, что мои слова были лишь попыткой разобраться в собственных чувствах и дать им волю.

У меня остались совершенно особые воспоминания о Германе Блау и тех днях, что мы провели у него дома и в коридорах больницы. Мы оба знали, что кроме Марины у нас нет ничего общего и при других обстоятельствах мы и слова бы друг другу не сказали.

Я всегда думал, что Марина стала собой благодаря ему, и не сомневался, что и мой скромный личностный рост в большей степени, чем мне бы хотелось, являлся его заслугой.

Я храню каждое его слово и совет под ключом в сокровенном уголке памяти, уверенный, что когда-нибудь они помогут мне унять мои собственные страхи и сомнения.

В марте дождь шел почти каждый день. Марина писала историю

Кольвеника и Евы Ириновой в книге, которую я подарил, а десятки врачей и прочий медперсонал носились с обследованиями, анализами, потом снова с обследованиями и снова с анализами. Я вспомнил обещание, которое как-то дал Марине в фуникулере Вайвидреры, и начал работать над строительством собора. Ее собора.

В библиотеке интерната я взял книгу о Шартрском соборе и приступил к чертежам деталей для своей модели. Для начала я вырезал их из картона. Потом, после долгих мучений, убедивших меня, что я не смогу сконструировать и телефонную будку, я заказал детали из дерева у столяра на улице Маргенат.

— Что думаешь сделать, паренек? — заинтригованно спросил он. — Радиатор?

— Собор.

Марина с любопытством наблюдала за тем, как я сооружал для нее маленький собор, сидя на подоконнике. Иногда она отпускала такие шутки, что я не мог заснуть несколько дней, вспоминая их.

— Не слишком ли ты торопишься, Оскар? — спросила как-то она. — Как будто думаешь, что я умру уже завтра.

Мой собор быстро прославился среди других пациентов в палате и их посетителей. Доныя Кармен, уроженка Севильи восьмидесяти четырех лет, которая занимала соседнюю с Мариной койку, то и дело поглядывала на меня со скептицизмом.

С ее характером можно было командовать армией, а с ее тыловой частью — не бояться любых ударов неприятеля. Персонал больницы она подзывала удалым свистом и за свою жизнь успела побывать спекулянткой, шансонеткой, танцовщицей, контрабандисткой, поварихой, продавщицей табака и бог знает кем еще. Доныя Кармен похоронила двух мужей и трех детей.

Повидать ее приходили десятка два внуков, племянников и другой родни. Они выказывали ей восхищение, а она всех одергивала, говоря, что лесть — это для дураков. Мне всегда казалось, что доныя Кармен родилась в наш век по ошибке, и, живи она во времена Наполеона, он бы не дошел и до Пиренеев. И все, кто был в палате, не считая диабета, разделяли мое мнение.

Напротив Марины лежала Исабель Йоренте, женщина-манекен, которая разговаривала шепотом и выглядела как модели из довоенных журналов. Она целыми днями смотрелась в маленькое зеркальце и

поправляла парик. После химеотерапии ее голова напоминала бильярдный шар, но она думала, что этого никто не знал. Она сказала нам, что в 1934 году стала «Мисс Барселоной» и возлюбленной мэра города, а еще что у нее был роман с красавцем-шпионом, который мог в любой момент вернуться и вызволить ее из этого ужасного места. Слыша это, доныя Кармен каждый раз закатывала глаза. К Исабель Йоренте никто никогда не приходил, а после любого комплимента в ее адрес она сияла целую неделю.

Однажды в четверг вечером в конце марта мы пришли к Марине и увидели в палате пустую койку. Исабель Йоренте скончалась утром. Ее рыцарь опоздал.

Четвертой пациенткой была Валерия Астор, девятилетняя девочка, которая дышала только благодаря трахеотомии. Когда я приходил, она мне часто улыбалась. Ее мать проводила все свободная время рядом с дочерью, а когда ей позволяли, оставалась спать в коридорах больницы. Каждый день она старела на месяц. Валерия часто меня спрашивала, писательница ли моя подруга. И я отвечал, что да, притом знаменитая. Однажды она спросила, уж не знаю, почему, полицейский ли я. Марина обычно рассказывала ей истории, которые выдумывала на ходу. Девочке больше всего нравилось слушать про призраков, принцесс и паровозы. Именно в таком порядке. Доныя Кармен улыбалась, слушая истории Марины. А мать Валерии, замученная и истощенная женщина, чье имя я никак не мог запомнить, связала Марине шерстяной шарф в знак благодарности.

Доктор Дамиан Рохас заходил в палату несколько раз в день и со временем начал мне нравиться. Я узнал, что когда-то он учился в моем интернате и почти поступил в семинарию.

У него была замечательная невеста по имени Лулу, обладавшая огромной коллекцией миниюбок и черных шелковых чулок, от которых перехватывало дыхание. Она навещала Рохаса каждую субботу и часто заглядывала к нам поздороваться и спросить, хорошо ли себя вел ее свирепый жених. Когда Лулу ко мне обращалась, я почти всегда заливался краской.

Марина часто шутила на эту тему и говорила, что я смотрел на Лулу так, словно хотел превратиться в подвязку.

Они поженились в апреле. Когда спустя неделю доктор вернулся из медового месяца на Минорке, он был худым как жердь. Медсестры покатывались со смеху, глядя на него.

Таков был мой мир на протяжении нескольких месяцев. Занятия в интернате были потраченным впустую временем, окутанным туманом. Рохас говорил о состоянии Марине оптимистично, добавляя, что она молодая и сильная, а лечение приносило плоды.

Мы с Германом не знали, как его благодарить. Мы дарили ему сигары, галстуки, книги и даже ручку «Монблан». Он не хотел принимать подарки и говорил, что всего-навсего выполнял свою работу, но мы-то знали, что он проводил на рабочем месте больше времени, чем кто-либо из врачей.

К концу апреля Марина набрала немного веса и не была больше бледной как мел. Мы стали совершать прогулки по коридорам, а когда потеплело, даже выбирались на крытую галерею. Марина все еще писала в книге, которую я ей подарил, но мне не давала прочитать ни строчки.

— Как твоя книга? — спрашивал я.

— Глупый вопрос.

— Дураки задают глупые вопросы. А умные на них отвечают. Так как твоя книга?

Она так мне и не сказала. Я чувствовал, что рассказать на бумаге историю, которую мы с ней узнали, было для нее очень важно. Однажды, когда мы гуляли по галерее, она не на шутку меня испугала.

— Обещай мне, что, если со мной что-нибудь случится, ты допишешь книгу.

— Ты сама допишешь, — ответил я, — а потом дашь мне первому почтить.

Тем временем маленький деревянный собор постепенно рос. И хотя доныня Кармен говорила, что он напоминал ей помойку в Сан-Адриан-дель-Бесос, очертания крыши уже отчетливо вырисовывались.

Мы с Германом уже планировали свозить Марину в ее любимое место — пляж между Тоссой и Сан-Фелиу-де-Гишольс, — как только ей можно будет покидать пределы больницы. Доктор Рохас со свойственной ему осторожностью назначил примерную дату поездки на середину мая.

В те недели я понял, что люди могут жить одой лишь надеждой.

Доктор Рохас рекомендовал Марине больше ходить и делать несложные упражнения в помещениях больницы.

— Ей не помешает немного прийти в форму, — сказал он.

После свадьбы Рохас превратился в знатока женщин, по крайней мере, так казалось ему. Однажды в субботу он отправил нас с Лулу купить Марине шелковый халат. Это был подарок, и платила за него Лулу.

Я пошел с ней в магазин белья на Рамбла-Каталунья, рядом с кинотеатром «Алексадра». Персонал знал ее. Я ходил за Лулу по всему магазину и смотрел, как она перебирала изделия всех возможных форм и цветов. Это было посложнее шахмат.

— Как думаешь, твоей невесте понравится? — спросила Лулу, облизнув губы, накрашенные ярко-красной помадой.

Я не сказал, что Марина не была моей невестой. Но я гордился тем, что кто-то мог так подумать. К тому же, прогулка по магазину нижнего белья с Лулу смущила меня настолько, что я как дурачок соглашался со всем, что она говорила. Когда я сказал об этом Герману, он с улыбкой ответил, что также находит супругу доктора опасной для здоровья. Впервые за несколько месяцев я видел, чтобы он улыбался.

В субботу утром, когда мы собирались в больницу, Герман попросил меня подняться к Марине в комнату и найти флакон ее любимых духов. В одном из ящиков комода я обнаружил сложенный пополам лист бумаги. Я раскрыл его и сразу узнал почерк Марины. Она писала обо мне. Листок пестрел зачеркиваниями и пропусками. Прочитать можно было только эти строчки:

Мой друг Оскар — из числа тех принцев без королевства, которые считают, что поцелуй превращают в жаб, а не освобождают от злых чар. Он все понимает наоборот, и потому так мне нравится. Люди, которые думают, что всегда все правильно понимают, редко правильно поступают.

Он смотрит на меня и думает, что я его не замечаю. Воображает, что я исчезну, если он ко мне притронется. А если нет — заставлю исчезнуть его. Он поставил меня на такой высокий пьедестал, что я не знаю, как оттуда слезть. Он думает, что мои губы — это врата рая, но не знает, что они отправлены. А я такая трусиха, что не говорю ничего, чтобы его не потерять. Притворяюсь, что не замечаю его и — да, скоро исчезну...

Мой друг Оскар — из числа тех принцев, которые почитают за благо держаться подальше от сказок и принцесс, которые там живут. Он не знает, что именно он — тот самый Прекрасный принц, который должен поцеловать спящую красавицу, чтобы она пробудилась ото сна, и именно поэтому не хочет понимать, что всякая сказка — ложь. Но не всякая ложь — это сказка. Принцы отнюдь не прекрасны, а спящие принцессы, хоть могут быть и

красивы, никогда не пробуждаются от своего сна.

Оскар мой самый лучший друг и, если я когда-нибудь встречу Мерлина, обязательно поблагодарю его за то, что мы встретились.

Я взял листок и спустился к Герману. Он надел галстук для особых случаев и выглядел очень оживленно. Он улыбнулся мне, и я ответил тем же.

В тот день дорогу нам освещало солнце. Барселона надевала праздничные одежды, которые очаровывали туристов, и даже тучи не решались портить эту роскошь. Но вся эта красота не могла унять беспокойство, которое я испытывал из-за прочитанного письма. Был первый день мая 1980 года.

Глава двадцать восьмая

В то утро койка Марины оказалась пустой, без простыней.

В палате не было ни деревянного собора, ни других ее вещей. Когда я обернулся, Герман уже отправился на поиски доктора Рохаса. Я пошел следом. Мы нашли врача в его кабинете. Выглядел он так, будто вообще не спал.

— Ее состояние резко ухудшилось, — сказал он без предисловий.

Он рассказал, что прошлым вечером, меньше чем через два часа после нашего ухода, с Марией случился приступ удушья, и ее сердце на тридцать четыре секунды остановилось. Ее удалось вернуть к жизни, и теперь она находится в отделении интенсивной терапии, без сознания. Ее состояние было стабильным, и Рохас полагал, что она выйдет из отделения меньше чем через сутки, но не хотел внушать нам лишних надежд.

На одной из полок я увидел вещи Марины — ее книгу, деревянный собор и шелковый халат, который она так и не надела.

— Могу я увидеть дочь? — спросил Герман.

Рохас лично сопроводил нас в отделение интенсивной терапии. Марина лежала в облаке трубок и металлических приборов, которые были страшнее любых изобретений Кольвеника.

Она лежала, словно кусок мяса, в котором еще теплилась жизнь только благодаря медным проводам.

В тот момент я увидел истинное лицо демона, терзавшего душу Кольвеника, и понял его безумие.

Я помню, что Герман заплакал, а меня неудержимая сила погнала прочь оттуда. Я бежал и бежал, задыхаясь, по шумным, переполненным улицам, где незнакомые люди не замечали моих мук. Я видел, что миру вокруг нет дела до участия Марины. В этой вселенной ее жизнь была лишь каплей воды в океане.

Мне пришло в голову лишь одно место, куда я мог пойти.

Старое здание на Лас-Рамblas все также стояло в своей темной нише. Открыв дверь, доктор Шелли не узнал меня. В квартире повсюду был мусор, а воздух пропах старостью и болезнью. Шелли посмотрел на меня пустыми пьяными глазами. Мы прошли в его кабинет, где я усадил его возле окна. Об отсутствии Марии тут кричало все. Вся спесь и крутой нрав доктора Шелли исчезли бесследно. Остался лишь несчастный старик,

одинокий и отчаявшийся.

— Она ушла, — причитал он, — она ушла...

Я вежливо подождал, пока он успокоится. Наконец, он поднял взгляд и узнал меня. Он спросил, чего мне было надо, и я ответил. Он внимательно посмотрел на меня.

— Ни одного пузырька сыворотки Михаила не осталось. Все было уничтожено. Я не могу дать тебе то, чего ты просишь. Но если бы мог, это было бы ошибкой. Той же самой, которую совершил Михаил...

Его слова повисли в тишине.

Мы всегда слышим то, что хотим. А этого я слышать не желал. Шелли твердо выдержал мой взгляд. Мне показалось, что он прекрасно понимал мое отчаяние, и воспоминания, которые у него всплывали при взгляде на меня, пугали его. Я с удивлением обнаружил, что был готов пойти дорогой Кольвеника, если бы у меня была возможность. Я его больше никогда не осуждал.

— Пространство людей — это жизнь, — сказал доктор. — Смерть нам не принадлежит.

Я почувствовал ужасную усталость. Хотелось просто покориться неизбежному.

Я повернулся к выходу и сделал несколько шагов. Тут Шелли окликнул меня.

— Ты же был там, да? — спросил он меня.

Я кивнул.

— Мария покоится с миром, доктор.

В его глазах блеснули слезы. Он протянул мне руку, и я пожал ее.

— Спасибо.

Больше я его не видел.

К концу той недели Марина пришла в себя и была выписана из интенсивной терапии. Ее перевели в палату на втором этаже, окна которой выходили на район Орта. Она была там одна. Марина больше не писала в своей книге и едва могла нагнуться, чтобы взглянуть на свой почти законченный собор на подоконнике. Рохас попросил разрешения на последние анализы. Герман дал согласие. Он все еще надеялся. Позже в своем кабинете Рохас прерывающимся голосом объявил нам результаты. После нескольких месяцев борьбы он был вынужден признать очевидное. Герман поддержал его, положив руки ему на плечи.

— Я не могу ничего больше сделать... Не могу ничего больше

сделать... — сокрушался молодой врач.

Через два дня мы отвезли Марину в особняк в Саррье. Врачи уже ничем не могли ей помочь. Мы попрощались с доньей Кармен, Рохасом и Лулу, которая безостановочно плакала. Маленькая Валерия спросила, куда мы поедем с моей невестой, знаменитой писательницей, и расскажет ли она ей еще какие-нибудь истории.

— Домой. Мы едем домой.

Я ушел из интерната в понедельник, не предупредив никого и не сказав, куда я пойду. Я даже не подумал, что мое отсутствие могут заметить. Да это было и не важно. Мое место было рядом с Мариной.

Она поселилась у себя в комнате. Ее собор, уже законченный, стоял на окне. Это было лучшее из всех зданий, которые я построил. Мы с Германом, сменяя друг друга, дежурили у ее кровати двадцать четыре часа в сутки. Рохас сказал нам, что она не будет мучиться, а тихо угаснет как свеча на ветру.

В те последние дни в особняке Марина казалась мне красивее чем когда-либо. Волосы ее успели немного отрасти, став более блестящими. Теперь в них виднелись серебристые нити. Глаза стали более лучистыми. Я почти не покидал ее комнату, желая запечатлеть в памяти каждый час и каждую минуту, что у нас оставались. Мы часто часами лежали обнявшись, не произнося ни слова и не двигаясь. Однажды в четверг вечером Марина поцеловала меня в губы и прошептала, что любит меня. И, что бы ни случилось, будет любить меня всегда.

Она скончалась в пятницу на рассвете, тихо, как и сказал Рохас. На рассвете, в первых лучах солнца, она сильно сжала мне руку и улыбнулась отцу. И блеск ее глаз потух навсегда.

Мы в последний раз прокатились с Мариной на «Такере». Герман молча ехал за рулем до пляжа, куда мы наведались полгода назад. День был такой светлый и яркий, что казалось, море, которое она так любила, нарядилось в праздничные одежды, чтобы принять ее. Мы оставили машину у деревьев и спустились на берег, чтобы развеять ее прах.

На обратном пути Герман сломался и сказал, что обратно до Барселоны он доехать не сможет. Мы оставили «Такер» под соснами.

Рыбаки, которые ездили по дороге, согласились довезти нас до

железнодорожной станции. Когда мы прибыли на Французский вокзал, было семь дней как я исчез. А мне казалось, что прошло семь лет.

Стоя на перроне, мы с Германом обнялись на прощанье.

Я до сих пор не знаю, что с ним было потом. Мы оба понимали, что не сможем видеть друг друга, не вспоминая Марину. Я видел, как он уходил по перрону, и постепенно его силуэт становился все более размытым. Потом ко мне подошел полицейский и спросил, не я ли Оскар Драй.

Эпилог

Барселоны моей молодости больше нет. Ее лучистые улицы канули в Лету и живут теперь только в воспоминаниях. Спустя пятнадцать лет я вернулся в этот город и прошел по местам, которые постарался стереть из памяти. Я знал, что особняк в Саррье снесли. Теперь в этой части района построили автомагистраль, которая, как говорили, была дорогой прогресса. Старое кладбище, вероятно, осталось там же, затерявшись в тумане. Я сел на скамейку на площади, где мы столько раз сидели с Мариной. Вдалеке я различал силуэт моего интерната, но не решился подойти близко. Что-то мне подсказывало, что, стоило мне подойти, и моя молодость исчезнет бесследно. Время делает нас не мудрее, а трусливее.

Много лет я бежал, сам не зная куда. Я верил, что, если добегу до горизонта, тени прошлого оставят меня в покое.

И верил также, что достаточно уехать в другое место, чтобы голоса в моей голове умолкли навсегда. Наконец, я вернулся на секретный пляж на Средиземном море. Вдалеке словно сторож возвышался скит святого Эльма. Я увидел «Такер» моего старого друга Германа.

Совершив последнюю поездку, он так и остался здесь, под соснами.

Я спустился на берег и сел на песок, где много лет назад был развеян прах Мариной. День был такой же светлый и яркий как тогда, и ее присутствие отчетливо ощущалось. Я понял, что больше не могу и не хочу куда-то бежать. Я вернулся домой.

В последние дни ее жизни я пообещал Марине, что закончу ее труд. Все эти годы у меня с собой была эта книга, которую она так и не дописала. Ее слова теперь станут моими.

Не знаю, достойно ли я выполнил обещанное. Иногда я сомневаюсь в точности своей памяти и задаюсь вопросом, не вспоминаю ли я то, чего никогда не было.

Ты унесла все ответы с собой, Марина.

Перевод: Ангелина Гурье.